

"Президент Каменного острова"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Мы идем по шоссе. Над головой жаркое солнце, под ногами горячий асфальт. По обеим сторонам припорошенные пылью кусты, а за ними дальше деревья. Там лес. Наверное, нет ему конца и края, как и нашей дороге. Деревья отбрасывают тень. Она короткая, до шоссе не достает. Днем, когда самое пекло, тени короткие. К вечеру они становятся длинными и косо пересекают асфальт. Вечером тень ни к чему. И так прохладно.

Впереди шагает отец, за ним я, последней плетется Аленка. На спине отца огромный рюкзак. Он набит битком. Из одного кармашка торчит зеленоголовая бутылка с кефиром, из другого поблескивает тоненький прут антенны. Когда отец включает транзистор, мы слышим приглушенный голос диктора, музыку. Один раз передавали военные марши, и мы, не сговариваясь, зашагали в ногу. Когда работает приемник, Аленка догоняет нас. Отец босиком, зеленые штаны закатаны до колен. Ноги у отца мускулистые и волосатые. На голове выгоревшая соломенная шляпа с темной полосой от ленты. Вырезанная из орешника палка мерно постукивает. У меня тоже на спине рюкзак, только поменьше. В нем одежда, примус и концентраты. Но у меня такое впечатление, что мой рюкзак набит булыжниками. Ножка от примуса колет в лопатку. Лямки вдавились в плечи. Я просунул под ремни пальцы, но все равно режет. Этот дурацкий примус растопырился в рюкзаке; как ни укладывай его — все равно чем-то острым торкается в спину. Конечно, я в любой момент могу сказать, что устал, и мы, перевалив через придорожный ров, растянемся на лужайке... Но я молчу, почему я должен первым заговорить об отдыхе? Отец молчит, Аленка тоже. И я молчу. Ничего, потерплю немного. Первая Аленка не выдержит. У нее тоже за спиной рюкзак, и, пожалуй, потяжелее моего. Аленка на три года старше меня.

Я слышу, как она пыхтит, но не оглядываюсь — и так знаю, что лицо у сестренки кислое. Белая войлочная шляпа съехала на глаза, зеленая куртка расстегнута. Аленка в брюках и кедах.

День выдался на редкость жаркий. Над асфальтом плавится воздух. Все время впереди и позади слышится гул. Это автомашины мчатся навстречу друг другу. Сначала я смотрел на них, потом надоело. Машин много на шоссе. Огромные и длинные, как поезд, рефрижераторы, у которых над кабиной надпись: «Плечевой первой автоколонны». Почему этот грузовик «плечевой»? Я все хотел спросить у отца, но было лень. Уж слишком парит. В такую жару разговаривать не хочется. Мимо с шелестом проносятся «Победы», «Волги», «Москвичи», маленькие кривоногие «Запорожцы». Проскочила одна «Чайка». Шурша шинами, она мелькнула как черная тень. Я обратил внимание на одну странную штуку: смотришь вперед — и кажется, что там впереди асфальт растаял и, будто огромная лужа, растекся по шоссе. Но идешь, идешь, а асфальт под ногами все такой же, крепкий и серый.

Иногда на обочине можно увидеть медведя с медвежонком или оленя с олененком. Не настоящих, конечно. Выкрашенные в серебристый цвет, звери стыдливо смотрели пустыми глазами в сторону. Им стыдно было, что их выкрасили в неестественный цвет и выставили напоказ.

Мы идем из Ленинграда пятый день. Вышли рано утром в понедельник, а сегодня пятница. Каждый вечер мы разбиваем в лесу палатку, и рано утром сворачиваем. Палатка и топорик лежат у отца в рюкзаке, И котел с треногой. Мы купили его в спортивном, на Невском, перед походом. Пока мы с отцом натягиваем палатку, Аленка разжигает костер и приносит воду.

Костер она научилась разжигать на третий день. Вечер — это самое лучшее время! Не нужно больше идти. Рюкзак не пригибает тебя к земле. Не колется примус. Можно растянуться у костра и смотреть, как закипает в котле душистый гороховый суп со свиной. Над головой шевелятся деревья, в костре весело потрескивают сучки. Дым лениво путается в ветвях. Приемник висит на суку. Передают последние известия. Тоненько пищат над ухом комары. Но не кусаются, боятся дыма. Они потом свое возьмут, когда мы спать ляжем. Как ни затягивай вход в палатку, комары обязательно проникнут.

От диких зверей нас охраняет Дед. Я совсем забыл про него.

Дед все время куда-то отлучается. Вот и сейчас его не видно. На шоссе он не выходит, отец запретил. Не хватало, чтобы наш Дед попал под машину. Он бежит впереди по кромке леса. Иногда отстает, а то и совсем надолго исчезает. Но всегда догоняет нас. Дед — умный пес. Он понимает, что нам тяжело, и готов помочь. Но рюкзак на него не навьючишь — тяжелый. В первый день Дед нес в зубах плетеную корзинку с провизией. Но к вечеру все, что в корзинке было, мы съели, а корзинку забыли в лесу.

Позади нарастает гул — машина. Я стараюсь определить: «Волга» или «Москвич»? Послышался тягучий скрип тормозов. Сейчас предложат подвезти. Нам иногда предлагают. Я бы с удовольствием забрался в кабину. Честно говоря, за пять дней осточертело идти пешком. Но мы не поедem на машине. Такой у нас уговор: до конца путешествия идти своим ходом. Эту идею подал отец, а мы с Аленкой радостно подхватили. Нам тогда показалось, что это так здорово. И вот шагаем ножками пятый день.

Это была «Волга». Пепельная. С московским номером. На кузове металлический багажник. Кроме уложенных в брезентовый чехол удочек, там ничего нет. Машина остановилась впереди нас, и я крикнул от зависти. За рулем сидел мальчишка в черной рубашке. А рядом с ним широкоплечий мужчина. На заднем сиденье у дверцы примостилась молодая женщина. Красивая и загорелая. Она приветливо смотрела на нас и улыбалась. Я во все глаза смотрел на водителя. Мальчишке было лет шестнадцать-семнадцать. Он небрежно положил руку на кремовый руль с золотым оленем посередине и ждал, когда мы подойдем. Волосы у мальчишки светлые, вьющиеся. Конечно, он имел все основания задаваться. За рулем сидит. «Волгу» ведет. Мальчишка мельком взглянул на меня и уставился на Аленку.

— Могу подбросить, — сказал мужчина.

Отец, опершись на палку, посмотрел на нас. Наверное, мы выглядели не очень жизнерадостно, потому что отец снял рюкзак и сел на него.

— Мы должны посоветоваться... — объяснил он хозяину машины. — Вам не трудно пять минут подождать?

— Подождем, — усмехнулся мужчина.

— Если бог послал транспорт, я не вижу смысла отказываться, — сказал отец. — У Аленки глаза смотрят в разные стороны, а у тебя, Сережа, — это он мне, — такой несчастный вид, словно ежа проглотил.

— Какого еще ежа? — обиделся я.

— Твой рюкзак самый тяжелый, — сказала отцу Аленка.

— А куда мы Деда посадим? — спросил я.

— У вас еще один человек? — сказала женщина. — Не разместимся.

— Мальчика кто-нибудь возьмет на колени, — вмешался мальчишка. — А старик...

— Дед — не человек! — засмеялась Аленка.

Это я-то «мальчик»? На колени меня возьмут... Каков нахал, а?

— Едем? — спросил отец. Мы с Аленкой посмотрели друг на друга, потом на пепельную «Волгу». Она негромко урчала, готовая рвануться вперед. Мы можем сейчас забраться в нее и без хлопот доехать почти до самого места. Отец ничего нам не скажет, даже не вспомнит об этом, но нам с Аленкой будет стыдно.

Отец смотрел на нас и ждал. Нужно только кивнуть, и он поднимет с земли рюкзак и подойдет к машине. И мы поедем. С ветерком.

А потом нам с Аленкой будет очень стыдно. Ведь мы уговорились до самого озера идти пешком. Там, в Ленинграде, мы кричали, что это так здорово — идти пешком, — и даже хлопали в ладоши.

— Я совсем не устала, — сказала Аленка.

— В машине душно, — сказал я. — А потом... — я взглянул на мальчишку, — водитель не внушает доверия...

Глаза у отца стали веселыми. Он поблагодарил мужчину и взвалил рюкзак на плечи.

Мальчишка усмехнулся, перевел рычаг, и машина плавно тронулась, но тут же снова остановилась.

— Покажите вашего Деда, — попросила женщина.

Отец свистнул: из-за кустов вымахнул Дед и подбежал к машине. «Волга» не произвела на него никакого впечатления. Обнюхав колесо, он небрежно поднял заднюю ногу.

— Какая прелесть, — улыбнулась женщина.

Я видел, как мальчишка повернул зеркальце, и в нем отразилась Аленка во весь рост.

— Рыбачите? — спросил отец.

— Ищем одно заветное озеро...

— Приезжайте к нам в Островитино, — сказал отец. — Без рыбы не уедете.

— В Островитино? — Мужчина и женщин переглянулись.

— Приедем, — взглянув на Аленку, ответил мальчишка.

Мужчина помахал рукой, и «Волга» умчалась. Глядя вслед, я подумал: «Почему у них нет никакого талисмана? У многих частных обязательно что-либо болтается у лобового стекла: обезьянка, куколка. Или сзади лежит тигр, а то и царь зверей — лев».

Снова мы шагаем по шоссе. Солнце припекает спину, затылок. Хорошо бы все сбросить и

остаться в одних трусах. И выкупаться бы в речке. Сколько их нам попадаетеся на пути. А потом повалиться на берегу, хотя бы с полчасика... Наверное, вода уже теплая. По тому, как отец озирается по сторонам, я понял, что скоро привал. Отец место выбирает... И когда успел этот пацан научиться водить машину? Небрежно двигает рычагами, будто сто лет за рулем. Это, конечно, мужчина дал ему временно повести. Была бы у нас машина, я тоже мигом бы научился. И не хуже его гонял бы по шоссе.

— Он в тебя втрескался, — сказал я Аленке.

— Кто? — равнодушно спросила сестра. Вот притвора! Будто не знает!

— Этот, что на «Волге».

— Я, кажется, ногу натерла, — сказала Аленка. Она и вправду прихрамывала.

Деду тоже жарко: рот раскрыт, и красный язык висит почти до самой земли. Устал Дед. Вот уже который раз он срывается с места и далеко убегает вперед, а потом плашмя ложится на землю и поджидает нас. Мы проходим мимо, а Дед все лежит, только голову поворачивает нам вслед. А потом догоняет. А что, если мне так припустить? А потом плюхнуться на траву, пока не подойдут отец и Аленка.

Дед встал поперек дороги и стал лаять на отца: не пора ли отдохнуть, выкупаться? Дед любит купаться. Его не надо уговаривать — сам бултыхается в воду. Когда Дед плышет, только голова и хвост отдельно виднеются. Дед очень беспокоится в воде. Ему все время кажется, что мы вот-вот утонем, и он вертится рядом, готовый в любую минуту спасти нас.

Я чуть было не налетел на отца: не заметил, как он остановился.

— Привал, — сказал отец.

Глава вторая

Мы с отцом стоим напротив дома и смотрим на него. Дом на нас не смотрит. Он слепой — окна заколочены досками. Аленка упала на траву и лежит, закрыв глаза. Она здорово устала. Дед куда-то удрал. Знакомится с окрестностями. Дом почернел от старости и подался вперед, будто его подтолкнули с той стороны. На трухлявой крыше вырос зеленый мох. Вместо трубы цинковое ведро без дна. В ведре сквозная дырка, словно из винтовки пальнули. Когда-то к крыльцу вела тропинка, теперь она спряталась в траве. Одна ступенька провалилась. Дверь без петель, зато на ржавых дужках красовался большой новый замок.

В этом доме родился наш отец. Здесь жили наши дедушка и бабушка. А когда они умерли, в доме никто не жил. Сиротой он стоял на берегу огромного озера. И вот теперь мы будем жить в этом доме. Все лето. Отец говорил, что вокруг дома фруктовый сад. Сколько я ни озибался, никакого сада не увидел. Кругом березы и сосны. И кусты. Я никогда в деревне не жил, но и то знаю, что на березах яблоки и груши не растут. И отец еще говорил, что рядом с домом голубятня. Когда он был маленький, любил голубей гонять. Голубятни тоже не было. И голубей. В стороне притулился старый дощатый сарай. Он и просвечивал насквозь. На березе сидела большая птица и с любопытством смотрела на нас. Она была белая с черным. Птица поворачивала голову то на один бок, то на другой.

— Здравствуй, — сказал отец. Я оглянулся: никого нет. Это отец с домом поздоровался. Он даже соломенную шляпу снял, а вот тяжелый рюкзак сбросить забыл.

— На чердаке валялся старый граммофон, — сказал отец. — Я в трубу поджигалку прятал...

— Поджигалку? — спросил я.

— А когда парнем был, через это окно ночью в избу пробирался.

— У тебя родители были строгие? — спросила Аленка.

Отец не с нами разговаривал — с домом. Я знал, что отец любит этот дом, озеро, лес. Раньше он часто приезжал сюда, когда живы были бабушка и дедушка. И они к нам в Ленинград приезжали. Только я их плохо помню. Дедушка был большой и бородатый, а бабушка маленькая, в платке. Она вязала. Носки — мне и Аленке. Отец часто нам рассказывал про эти места. «Какой к черту юг, — говорил он, — наша средняя Россия лучше всякого юга... Вы слышали кукушку после дождя? Где еще увидишь такие сосны, березы? А озера... Ничего этого югу и не снилось!» Но мама не хотела в деревню. Ее почему-то тянуло на юг. И отец каждую весну уезжал с ней в Сочи. Он не спорил с мамой. Она была больна.

И вот наконец мы собрались на родину нашего отца... Да, а где ключ от дома?

Ключ, конечно, отец забыл. Ключ привез нам в Ленинград знакомый лесник из этих мест. Он и замок навесил на дверь. К нашему приезду. Мы подергали замок. Его и топором не собьешь. Отец потянул за петлю, дверь немного отошла. Можно протиснуться. Из сеней пахло сыростью. Сквозь дырявую крышу голубело небо. На чердаке кто-то недовольно пискнул и захлопал крыльями. Где-то отец прятал в граммофонную трубу поджигалку. Интересно, сейчас она там?

В сенях темно, наши ноги наступают на что-то скользкое. Уж не грибы ли выросли на полу? Отец берется за ручку, дергает и отлетает вместе с ручкой к стене. Тут же сразу что-то тяжелое со звоном падает на пол.

— Что за чертовщина, в свой дом не попадешь, — говорит отец, отодвигая ногой упавшее со стены цинковое корыто.

— Через окно, — посоветовал я, — как раньше...

Мы камнем отбили доски, которыми были заколочены окна. Стекол не оказалось, одни рамы.

Отец посадил меня, и я забрался в дом. В комнате тоже пахло сыростью и плесенью. Из угла мрачно смотрел высокий резной буфет со стеклянными дверцами. На одной из полок стояла огромная пепельница: зеленый дракон разинул красную пасть. На квадратном обеденном столе — слой пыли толщиной в палец. Я еще никогда столько пыли не видел. На полу, где я прошел, остались следы. Я услышал шорох и остановился: тут кто-то живет!

В доме жила крыса. Большая, усатая. Она тоже смотрела на меня с любопытством, как та птица на дереве. Мне захотелось снова очутиться на улице, где светло и солнечно.

Одна крыса на человека не посмеет напасть. Другое дело, если их много. Крыса сидела у порога и двигала усами. Я кашлянул — крыса шевельнула хвостом. Я сделал осторожный шаг. Крыса села на задние лапы и стала умываться. Такое нахальство меня разозлило. В конце концов, я человек. Царь природы!

— Брысь в подвал! — гаркнул я и притопнул ногой. Крыса подскочила, хрюкнула и вдруг исчезла, будто и впрямь провалилась под пол. Я подошел к двери и толкнул ее. Дверь,

протяжно и уныло скрипнув, отворилась.

— Ты с кем разговаривал? — спросил отец.

— С крысой, — ответил я.

В дверь просунулась Аленкина голова.

— Почему Деда не познал? Он бы живо с ней расправился.

— Неизвестно, кто бы с кем расправился... Крыса-то с Деда.

Отец отворил дверь в другую комнату. Сквозь доски, которыми было заколочено окно, светило солнце. На полу лежали желтые полосы. В комнате стояли две кровати, круглый раздвижной стол, большой платяной шкаф. Над дверью лосиные рога. Отец сказал, что этого лося в молодости застрелил дедушка. Из берданки. На стене ковер. Кто нарисован на ковре, я так и не разобрал. То ли тигр, то ли лев. А может быть, витязь в тигровой шкуре?

Аленка медленно двигалась по комнате и все трогала руками.

— Как в музее, — сказала она.

На шкафу я увидел чучело птицы. У нее блестели глаза.

— Тоже застрелил дедушка? — спросил я, кивнув на чучело.

Отец молча рассматривал птицу.

— Этот экспонат мне незнаком, — наконец сказал он.

Аленка подошла к шкафу, протянула к чучелу руку, и тут произошло удивительное: экспонат ожил, завертел головой, захлопал крыльями и, взметнув облако пыли, улетел в большую щель между досками. Аленка от неожиданности так и села на пол.

— Не открывайте, пожалуйста, шкаф, — сказала она. — Там наверняка медведь.

— Эй, квартиранты! — громко сказал отец. — Выползайте на свет божий, слышите?!

Квартиранты молчали. Только большой мохнатый паук сердито закачался в углу под потолком в своем серебристом гамаке.

Глава третья

— У меня пропал рюкзак, — сказала Аленка. — С книгами.

Это было любопытно. За два дня, что мы приводили дом в порядок, ни одна живая душа не показалась нам на глаза. Не мог ведь прийти из леса медведь и утащить Аленкин рюкзак с книгами? С историческими романами. Аленка очень любила книги про средневековых рыцарей. Просто была без ума от них. Ей нравилось, что рыцари устраивали в честь своих дам турниры и насмерть убивали друг друга длинными копьями. А дамы оплакивали их. Начитавшись этих романов, Аленка иногда совсем обалдевала. Однажды поздно вечером я увидел такую картину: стоит Аленка перед зеркалом, закутавшись в бархатную скатерть с бахромой, и что-то шепчет. Я окликнул, она — ни гугу. Смотрит в зеркало и шепчет. Тогда я подошел поближе и дернул за скатерть.

— Ты как лунатик, — сказал я.

Аленка удивленно уставилась на меня, словно не узнавая, потом отшвырнула скатерть в сторону и сказала:

— Лунатики по карнизам ходят. Ночью... Может быть, из этой скатерти я хочу сшить тунику.

— Что?!

Аленка не стала объяснять, что такое туника. Она выпроподила меня на кухню и велела поставить на плиту чайник.

Все мальчишки из нашего дома хотели дружить с Аленкой. Я слышал, как старшеклассники говорили, что Аленка очень хорошенькая. Она блондинка, а глаза черные. Мальчишки ей записки пишут и просят меня передавать. Мне не жалко, я передаю. Да что толку-то? Аленка наших мальчишек не замечает. Они-то не знают, в чем дело, а я знаю. У Аленки на уме средневековые рыцари. А нашим мальчишкам куда до них! Вот если бы они носили кольчуги и устраивали турниры, тогда другое дело, тогда Аленка замечала бы их. Один раз был турнир. Двое подрались из-за Аленки, за гаражами. Десятиклассники. Наставили друг другу синяков, а потом помирились. Вежливые такие стали, пошли мороженым угощаться. Вот если бы они убили друг друга, то Аленка, может быть, и оплакивала бы их. Когда я рассказал Аленке, что из-за нее подрались за гаражами, она, расчесывая на ночь волосы, спросила:

— Генка с Вовкой?

— Генка поставил Вовке огромный фонарище под правый глаз.

— После чего Вовка, конечно, поднял забрало...

— Чего?!

— Вовка сдался?

— Он Генке нос расквасил... Потом отдал ему носовой платок, и они пошли есть мороженое.

— Мальчишки! — презрительно сказала Аленка и возмущенно потрянула головой.

Влюбился в Аленку незнакомый мальчишка. Не из нашего дома. Одно время он каждый день провожал ее из школы. Не под ручку, конечно. Он шел позади и молчал. Так за все время и не сказал ни одного слова. Аленка даже не знает, как его зовут. Два раза его наши мальчишки отколотили. За гаражами. А он все равно провожал. Белобрысый такой парнишка с желтым портфелем. А потом куда-то исчез. Перестал провожать. Не из-за мальчишек, конечно. Наверное, он далеко жил от нашего дома. Возвращаясь из школы, Аленка первое время оглядывалась. Но белобрысый мальчишка с желтым портфелем больше не появлялся...

Аленка чуть не плакала: как она теперь будет жить без книг? В рюкзаке лежали романы Вальтера Скотта, Дюма. Не могли мы по время уборки куда-нибудь засунуть рюкзак? Аленка говорит, что весь дом обыскала: рюкзака нет.

— А Дед на что? — сообразил я. — Зови старикана, сейчас твой рюкзак найдем!

Я дал Деду понюхать Аленкину книгу, и он отправился на поиски рюкзака. Дед исключительно толковый пес. Дедом прозвали его из-за бороды и седины. Вообще-то он еще молодой. Три года

ему. А седым он родился. Квадратный, голова кирпичом, борода рыжая, и если покопаться в ней, то можно найти запутавшиеся колючки и репейник. Эта рыжая борода доставляет нашему Деду много хлопот. После еды она становится мокрой и жалкой, как мочалка, и Дед похож на дьяка из кинофильма «Черевички». Он любит о ковер вытирать свою бороду. А если ковра близко нет, то обо что придется. А до чего Дед смешно выглядит, когда просыпается! Спать он мог в любое время дня и ночи. Борода его сбивается на одну сторону, и Дед почему-то выглядит очень виноватым. Он породистый пес, эрдельтерьер. Хвост у него обрубленный, глаза темно-карие и очень умные. Всякий, кто увидит Деда, не может остаться равнодушным. Одни говорят: «Какой красавец!» Другие: «Где такое страшилище откопали?» Дед добродушный пес: его не тронь — он никогда не заворчит первым. Но его все боятся. Такой уж вид у него внушительный.

Дед нашел Аленкин рюкзак в пять минут. Аленка обрадовалась и кинулась обнимать Деда. А меня смех разбирал. Я догадался, в чем тут дело. Когда мы занимались уборкой, Дед тоже принимал деятельное участие: он таскал на свалку всякий хлам. Под горячую руку оттащил туда и Аленкин рюкзак. А теперь вот принес, гордый такой. Я не стал разоблачать Деда. Он все-таки собака и читать не умеет. Откуда ему ценить приключенческую классику?

Из дому вышел отец и присел рядом с нами. На коленях у него толстая книга. Это научная книга о твердых сплавах. Мой отец инженер-конструктор. Изобретатель. Проектирует станки и пишет технические книги. По этим книгам учатся студенты. Отец еще преподает и Станкостроительном институте. Он три года не отдыхал, все некогда было: то проект, то заграничная командировка, то лекции. А в этом году решил вместе с нами провести все лето. Для того чтобы отдых был настоящим, мы решили идти до нашего дома пешком. И вот дошли. Только отдыхать отец все равно не будет. Зачем бы тогда он набрал столько книг? А портативную пишущую машинку зачем взял?

Мы сидим на крыльце и молчим. Любуемся природой. Дед развалился рядом, на земле. Его рыжая борода шевелится. В ней заблудился красный муравей. Для него борода — дремучий лес. Никак муравью из нее не выбраться. Дед не любит природу. Дед дремлет. Совсем близко, на сосне, стучит, как из крупнокалиберного пулемета, дятел. Шумят огромные сосны и ели. Ветра нет, а они шумят и шумят. Наверное, ветер запутался в колючих лапах, как муравей в бороде, и не выбраться ему на волю. Солнце потихоньку опускается в озеро. От нашего дома до озера шагов пятьдесят. Вода у берегов потемнела, из глубины один за другим выскакивают пузыри и неслышно лопаются. Подальше от берега вода все время движется. Из серебристой становится зеленой, потом синей и наконец желтой. Солнце и вода перемешались.

В озере, словно скала, возвышается остров. Таких странных островов я еще не видал. Он, как огромный гриб-боровик на толстой ножке, торчит из воды. Берега вокруг острова крутые, обрывистые. На острове сосны, ели, осины. Они прямые и высокие, — кажется, уходят в самое небо. Солнце садится чуть правее острова, и он весь облит желтым сиянием. У береговой кромки сливаются два острова — настоящий и отражение. За островом на дальнем берегу прячется за кустами деревня Островитино. С нашего берега ее не видно. Зато виден белый двухэтажный дом. Дом стоит на холме у самого озера, а дальше начинается сосновый бор. Здесь островитинский детский дом. Сейчас он называется школа-интернат. Там круглый год живут мальчишки и девчонки. Они сюда приехали из разных мест. У многих нет родителей. Третий день живем мы здесь, а я еще не видел ни одного человека. Настоящая глушь. Наш дом стоит на отшибе. В Островитино, где продовольственный магазин, можно добираться по суше и по воде. Если идти через бор, то в деревню попадешь через семь километров. Если плыть по воде, то через три. По воде быстрее, но у нас лодки нет. У самой воды лежит какая-то развалюха. Днищем вверх. На ней хорошо тонуть. Сел — и сразу на дно. Озеро, его называют Островитинское, тянется на двадцать километров. В том месте, где оно выходит к дому

лесника, озеро почему-то называют Каменный Ручей. Озеро то сужается, то разливается так широко, что берегов не видно. Оно продолговатое, с тихими заводями и излучинами. С островками и островами. В узком месте торчат черные сваи. Когда-то был мост, а теперь там щуки да окуни гуляют. На плесе небольшие островки из кувшинок и водорослей. Белые лилии блестят на солнце как снежные комки. Долго можно любоваться озером и никогда не надоедает.

Заволновались, зашуршали камыши. Из прибрежной осоки высунулся черный, обсмоленный нос лодки. Рыбак выехал на вечернюю зорьку. Он сидит в ватнике на корме, и три изогнувшиеся удочки ошетинились во все стороны. В руках у рыбака длинное весло. Он, плавно взмахивая, гребет. Слышно, как со звоном срываются с весла капли. На носу лодки плетеный кузов. Рыбак тихо проехал мимо и даже головы не повернул. Думает о чем-то. Лодка постепенно скрылась за островом.

Крякнула утка, за ней вторая. Уток не видно. Они прячутся вдоль берега в камышах. А когда стемнеет, начнут свистеть крыльями над нашим домом. На озере стали появляться и исчезать круги. Нет-нет и громко всплеснет. Рыба играет. Самый клев. Я никогда не удил рыбу, но, глядя на озеро, мне тоже захотелось очутиться на лодке и тихо плыть вдоль берега, как тот рыбак.

Отец потушил папиросу и взглянул на нас. Сейчас будем распределять обязанности: кто и что должен делать по дому. Надо ухо держать востро, а то сейчас накидают дел по горло. В Ленинграде Аленка помаленьку всю домашнюю работу переложила на меня. В магазин за продуктами должна ходить она, а бегал я. Даже завтраки и ужины помогал ей готовить. А в воскресенье ходили в ресторан.

— Начнем с тебя, Динозавр, — сказал отец.

Так я и знал!

— Лучше с Аленки, — сказал я.

— Папе лучше знать, с кого начинать, — подала голос Аленка.

— Мы с тобой, Сережа, мужчины и всю мужскую работу возьмем на себя.

— И половину женской возьмите на себя, — сказала Аленка. — Вас двое, а я одна.

— Мы добываем топливо, огонь, мясо... Производим капитальный ремонт жилища. Тебя ночью комары кусали?

— Подумаешь, комары! — сказал я.

— Стекла есть на чердаке, алмаз я достану в деревне... Алене придется готовить нам вкусную и здоровую пищу.

— Как всегда, — сказала Аленка.

— Мы тоже помогать будем, так ведь, Сережа?

Когда наша Аленка начинает готовить обед, она как полководец.

Стоит у плиты в фартуке, покрасневшая и громким голосом командует: «Сними кастрюлю —

кипит! Подай шумовку! А где дуршлаг?» И я подаю, а что поделаешь? Я теперь знаю, как называются все эти кухонные штучки-дрючки.

— А Дед что будет делать? — спросил я.

Мы стали выяснять, на что способен наш Дед. Способен он был на многое, но его способности оказалось трудно применить к нашему хозяйству. Можно, например, Деда послать в магазин за продуктами. Хлеб он принесет, а вот конфеты или сыр вряд ли. Где-нибудь на полдороге обязательно остановится и подкрепит свои силы. Можно заставить Деда добывать нам дичь. Но охота весной и летом запрещена. Мыть посуду — пожалуйста. Дед с удовольствием будет до блеска вылизывать все тарелки. Мы остановились на том, что Дед будет сторожить дом. Самая легкая работа досталась Деду.

Глава четвертая

Как только мы ложимся спать, в доме начинают твориться непонятые вещи. Из всех углов доносятся шорохи. Скрипят доски наверху: кто-то по потолку разгуливает. Внизу, под нами, в подполе, точат ножи. Против нас, конечно. «Взых! Взых!» — слышу я. В кухне кого-то обидели. Доносится звучное всхлипывание. Плачет кто-то, горькими слезами обливается. А в сенях печальный музыкант струны перебирает. Жалобные протяжные звуки за дверью долго не умолкают. За шкафом трудолюбиво скрипит сверчок. Я заметил, что он начинает свою деятельность после заката. Когда кончает, я не знаю. Утром сверчка не слышно. Ветра нет, а сосна, что стоит у дома, кричит и шевелится. Кто-то огромный обхватил шершавый ствол и, тяжело отдуваясь, наклоняет то в одну, то в другую сторону. Может быть, лось бока чешет? Свист крыльев, возня на крыше. Ночная птица прилетела из чащи и уселась на наш дом. Слышно, как шуршит, осыпается дранка. Это сова, которую мы прогнали со шкафа. И с озера доносятся приглушенные, непонятные звуки. То кто-то зачмокает, то резко вскрикнет, то вдруг раскатится по воде сильный удар, будто веслом шлепнули.

О чем думает Дед? Вокруг черт знает что творится, а он, наверное, спит, откинув в сторону все четыре лапы. Сторож называется!

Я тихонько встаю с нагретой постели и выхожу в сени. Аленка и отец не слышат. Они спят. Сквозь дырявую крышу в сени заглядывают яркие звезды. Лунный свет облил крыльцо и мохнатые кусты. Сосна перестала качаться. Стоит прямая и молчаливая. А из-за нее высунулась береза. Листья поблескивают, будто на каждом по светлячку сидит. Кружевная тень перечеркнула белый ствол. Тень не стоит на месте — шевелится. А листья-светлячки мерцают. За камышами притихло глубокое озеро. Оно такого же цвета, как небо. Луна купается в озере, звезды мигают. От берега до берега протянулась широкая желтая полоса. Там, где вечером прошла рыбацья лодка, осталась серебристая дорожка.

В глубине острова мигнул и сразу же погас огонек. Остров виден отсюда как на ладони. Лунная полоса проходит рядом с ним. Сколько я ни таращил глаза, огонек больше не загорался. Наверное, показалось.

Я негромко зову Деда. Громко ночью говорить не хочется. Тишина. Мрачно смотрит на меня бор. Молчит. Но вот закачались кусты, зашелестела трава, огнем сверкнули два глаза. Мохнатый ком выкатился на овещенную луной травянистую тропинку. Замахал хвостом. Холодный нос ткнулся в мою ладонь. Дед взъерошенный, мокрый; он поворачивает голову в сторону озера, глаза его вспыхивают розоватым огнем.

— А если медведь сюда приковыляет? — спрашиваю Деда.

Дед улыбается. Он умеет улыбаться, это мы заметили давно. Первая увидела Аленка. Мы откуда-то возвращались, а Дед оставался дома. Встречая нас, он вдруг в первый раз улыбнулся. Сморщил черный нос и оскалил зубы. Зубы у Деда острые. Он никогда и не нюхал зубного порошка, а зубы всегда белые, даже зависть берет.

— Он смеется! — закричала Аленка. — Честное слово, смеется!

Мне очень нравится Дед, когда смеется. Но он не так уж часто делает это. Дед — серьезный пес. Напрасно я усомнился в нем: старикан честно несет службу. Весь в росе выкупался.

Снова вспыхнул на острове огонь — я не ошибся, — вспыхнул и на этот раз не погас, а, наоборот, длинным языком вытянулся вверх, ярко разгорелся. В небо взметнулись искры. Горячий отблеск огня заиграл на соснах, у костра заметались длинные тени. Тени сходились и расходились. Наверное, так раньше дикари плясали, радуясь огню. Кто бы мог быть ночью на острове? Берега там крутые, высоко вздымаются над водой. Костер еще раз выбросил в небо сноп искр и погас. Словно его водой залили. Пропали тени, и снова остров нахохлился, почернел.

Долго я смотрел на остров. Не хотелось мне быть там ночью. И почему костер так неожиданно погас? Будто сам по себе загорелся и потух. В голову полезла какая-то чертовщина: страшные истории про утопленников и нечистую силу. Вспомнил рассказ Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». Разбудить отца и Аленку? Не поверят. Скажут, со сна примерещилось. А утром смеяться будут. Я еще раз провел рукой по курчавой спине Деда и пошел спать. В сенях не сразу нащупал ручку двери и почувствовал неприятный холодок между лопатками. В городе такого со мной не случалось. Закутавшись с головой в одеяло, я крепко закрыл глаза.

А сверчок все скрипит и скрипит. Нет, он не скрипит, он рассказывает историю о том, как попал в этот старый дом и что с ним приключилось. Это очень занимательная история, смешная и печальная... Про сову и крысу... Рассказывай, сверчок, я не буду спать, я буду слушать...

Глава пятая

Аленка мыла полы. На мокрых половицах играли в пятнашки солнечные зайчики. Аленка наступала на них босыми ногами. Она опускала тяжелую тряпку в ведро с мутной вспененной водой и шлепала об пол. Потом, не вставая на колени, нагибалась и таскала тряпку назад и вперед. Голые Аленкины ноги и руки забрызганы грязной водой. Каждую субботу она мыла полы. Это к ней от мамы перешло. Мама всегда по субботам занималась уборкой.

Я сидел на подоконнике и дразнил Деда. Показывал ему фигу. Фигу Дед терпеть не мог. Как только ему показывали кукиш, он начинал громко лаять. Я так и не знаю, за что Дед фигу невзлюбил. Кукиш я ему показывал от нечего делать. Лодки у нас нет, а без лодки какая рыбалка? С берега? Неинтересно. С берега мелочь берет. Окунешки и плотва. Крупная рыба на глубине.

— На кого Дед лает? — спросила Аленка, выпрямляясь.

— Лает, — ответил я.

— Принеси воды.

— Пол чистый, — сказал я.

Мне не хотелось на такой жаре тащиться к озеру за водой. Деду кукиш показывать куда приятнее. Но Дед все ленивее лаял и наконец совсем умолк. Надоело ему гавкать на фигу. Он прилег в тени под окном и глаза прикрыл. Отвернулся от меня.

— Я кому сказала?

Сейчас Аленка рассердится. Она стояла передо мной и держала в руках тряпку. Волосы взлохмачены, на щеке пятно. С тряпки на пол капает грязная вода.

— Что за привычка чистые полы мыть? — сказал я.

— Я с самого утра не разгибаю спину, а он... — Аленка сделала шаг ко мне.

— Никому твоя чистота не нужна.

— Ты пойдешь за водой?

— Где я ее возьму? Я уже все озеро вычерпал — ни капли не осталось.

Я едва успел спрыгнуть с подоконника: над моей головой прошелестела тряпка. Она упала на тропинку. Дед наострил уши, нехотя поднялся и отправился обнюхивать тряпку. Немного погодя из окна вслед за тряпкою вылетело жестяное ведро. Оно с грохотом покатилося по траве. Когда Аленка моет полы, она злая как ведьма. Это я заметил давно. Все, кто моют полы, почему-то всегда злые. Мой сосед Севка в субботу вообще уходит из дому на весь день, И его отец где-нибудь задерживается. В субботу их мать моет полы.

Я поднял ведро и пошел за водой. Уж раз спрыгнул с подоконника, почему бы и не сходить? Тем более что Аленку я уже разозлил. Кипит, как чайник.

Закончив уборку, Аленка подобрела. Она выкупалась, позагорала на песчаном берегу. С полчаса. Кожа у Аленки белая и быстро на солнце краснеет. Сестра всегда боится сгореть. А мне хоть бы что, ко мне загар хорошо пристает. И если раз-другой слезет кожа — не беда. Снова загорю.

Аленка надела на купальник сарафан и подошла ко мне. Я лежал на песке и большим пальцем ноги выковыривал ямку.

— Давай заблудимся? — сказала Аленка.

— Заблудимся? — удивился я.

— Вернемся и Ленинград — будет о чем рассказывать... Заблудимся в лесу, а нас потом найдут.

— А если не найдут?

— Люди в океане терпят кораблекрушение — и их всегда находят, А что такое человек в океане?

— Капля в море, — подсказал я.

— В наш век окончательно заблудиться невозможно. Обязательно найдут... Вертолеты и все такое.

— Вертолеты — это хорошо, — сказал я. — Нам спустят веревочную лестницу, и мы

поднимемся в кабину, а потом полетим... Я еще не летал на вертолетах.

— Ты не струсил ночью в лесу?

— Ночью? — спросил я.

— Нас будут разыскивать завтра, — сказала Аленка. — Одну ночь придется провести в лесу. Знаешь как здорово? Мы будем спать на деревьях.

— Давай оставим дома записку, что мы заблудились, — нас сразу же будут искать, — предложил я. — Отец вернется из деревни часа через два.

— Остряк, — сказала Аленка.

Мне понравилась Аленкина идея. Я представил, как ребята из нашего дома рты разинут, когда я им расскажу, как мы с Аленкой заблудились и нас двадцать два вертолета разыскивали три дня. Нет, лучше неделю разыскивали. Мы голодали, а они летали над лесом и разыскивали нас. Мы сидели на деревьях, спасались от волков и медведей... Нет, лучше от одних волков. Медведи могут забираться на деревья. Нам не поверят, что мы от медведей спасались.

— Заблудимся? — спросила Аленка.

— Ты как хочешь, — сказал я. — До вечера я согласен заблуждаться, а на ночь пойду домой... Боюсь, что на дереве я не засну.

— Возьми матрас, — сказала Аленка. — И подушку.

— А кто понесет?

— С тобой лучше не связываться, — сказала Аленка.

— Вертолеты будут? — спросил я.

— Конечно, — сказала она и, на ходу снимая сарафан, побежала переодеваться. Влезла в свои любимые брюки и черную рубашку.

Мы отправились в лес. Сначала шли по тропинке, потом она вдруг куда-то исчезла. В просвете деревьев еще была видна крыша нашего дома. Сосны и ели скоро все заслонили. Аленка шла впереди. Я на всякий случай стал замечать дорогу. В какой-то книжке я прочел, что если не хочешь заблудиться, то оставляй знаки. Я принялся потихоньку обламывать у маленьких сосенок ветви. Поднял с земли крепкий сук и стал им царапать толстые стволы. Аленка ничего не замечала, она шла напрямик в глубь леса.

Километрах в двух от дома нас догнал Дед. Он невозмутимо сунул носом в мою руку и помчался к Аленке засвидетельствовать свое почтение. Когда Деда не берут с собой, он имеет привычку в отдалении следовать сзади. А потом, когда уже никто не прогонит, объявляется.

— Тебя кто звал? — сердито посмотрела на него Аленка. Но голос у нее был не очень сердитый, и Дед, помахав коротким хвостом, побежал вперед.

В настоящий лес мы попали в первый раз. Лес был тихий и торжественный. Голубоватый полусумрак окружал нас. Не хотелось разговаривать. Огромные стволы, сужаясь, уходили ввысь. Стволы были красные, белые, зеленые, коричневые. На одних словно кто-то кору искромсал вдоль и поперек тупым ножом, другие — гладкие, так и хотелось прикоснуться

ладонью. Высоко над головой, пряча от нас небо, шелестела листва, поскрипывали зеленые иголки. А когда проглядывало небо, то оно казалось глубоким и темно-синим. Наверное, такое небо видно из колодца.

Сначала в лесу было не слышно ни одной живой души. Но потом я стал различать голоса птиц. Сколько я ни вертел головой — так ни одной и не увидел. Птицы замаскировались в ветвях. Я думал, что стоит вступить в лес, как сразу начнут выскакивать из кустов зайцы, лисицы и другие мелкие звери. Чтобы выскакивали волки и медведи, мне не хотелось. Глаза у Аленки блестели, ветви хлестали по рукам и по ногам, но она ничего не замечала. Аленка спешила вперед, ей хотелось поскорее заблудиться. То мы шли по мягкому пружинистому мху, то мох исчезал, и мы вступали в царство невысоких сухих растений. Я не знал, как называются эти цепкие кустики розового цвета. И запах этих лесных цветов кружил голову. Хотелось упасть среди них и долго глядеть в небо. Иногда нам попадались полянки брусничника. Маленькие твердые листья блестели. К черным тухлявым пням прилепились коричневые с белым бородавки. Какие-то древесные грибы. Встречая муравьиные кучи, мы обходили их стороной. Я побаивался муравьев. Заберется под рубаху — свету не взвидишь.

В низинах встречался папоротник. Его я узнавал сразу. У нас дома давно-давно стоял в вазе куст папоротника. Отец привез откуда-то.

Я старался запомнить дорогу. Вот впереди огромная, сломанная пополам сосна. Место перелома обуглено. Это молния ударила. Сразу за сосной куча валежника, А еще дальше кривобокая ель с большим черным дуплом.

Увереннее всех чувствовал себя в лесу Дед. Он то и дело исчезал за стволами, и когда мне казалось, что он потерялся, неожиданно выныривал откуда-то сбоку и некоторое время бежал рядом, высунув язык. В курчавой шерсти запутались желтые иглы, мелкие сучки. Убедившись, что мы живы и здоровы, Дед снова исчезал.

Совсем рядом раздался громкий треск. Я даже остановился. Из кустов взметнулась большая серая птица и, часто махая крыльями, поднялась над деревьями. Я ни разу не видел глухарей, но сразу сообразил, что это глухарь. Отец рассказывал про эту птицу — самую крупную боровую дичь.

Аленка тоже услышала, как взлетел глухарь.

— По-моему, мы уже заблудились, — сказала она.

— Будем ждать вертолет.

— В какой стороне дом?

Я знал, в какой стороне дом, но, чтобы проверить сестру, кивнул совсем в другую сторону.

— Может быть, там? — показала она куда-то вбок.

Теперь я и сам стал сомневаться. Из-за глухаря я потерял ориентировку, а последняя отметка была сделана далеко от этого места.

— Я думала, заблудиться гораздо труднее, — сказала Аленка.

— Никакой вертолет нас в этой глуши не увидит.

— Ты действительно не знаешь, где дом?

— Давай кричать? — предложил я. И первый крикнул: «А-а-у-у!» На мой крик тут же прибежал Дед и удивленно уставился на нас.

— Веди домой! — сказал я ему. — Понимаешь, домой!

Дед покрутился на одном месте, затем помахал хвостом: дескать, понял вас, следуйте за мной — и побежал. Мы — за ним. Дед вел нас минут семь. У толстой сосны с вылезшими наружу корнями остановился и припал на передние лапы. Мы увидели нору. Наверное, лисью. Вот к чьему дому привел нас Дед. Теперь я не на шутку забеспокоился: все мои отметки были потеряны. Кругом сосны и ели, одинаковые и молчаливые.

Дед, повизгивая, смотрел на нас. Приглашал войти в нору. Я отвернулся от него: подвел старик! Тогда он стал разрывать нору. Сначала рыл передними лапами, затем задними отпихивал кучу песка.

— А если лисица там? — спросила Аленка.

— Смылась рыжая, — ответил я.

Мы сидели на жестком мху и смотрели, как работает Дед. Он копал с упоением. Залезал до половины в яму, шумно втягивал в себя воздух, фыркал. Курчавая морда — в желтом песке. Хорошо, что у Деда глаза спрятались в шерсти, а то песок попал бы.

С сосны, под которой мы сидели, свисали длинные пряди седого мха. Пряди шевелились, цепляясь за кору. Наверху кто-то возился, и на нас падали сухие иглы. Из норы торчал рыжий с подпалиной хвост Деда. Пятясь задом, пес наконец выбрался наружу. Отряхнулся, обдав нас песком, и виновато улегся рядом. Он дышал тяжело, и с языка капала слюна. Нора оказалась пустой. Зря старался Дед. Целую кучу песка вывернул. А лисицы и след простыл.

— Сколько дней человек может прожить без еды? — спросил я.

— Много, — ответила Аленка.

— Я бы на третий день умер, — сказал я. Мне уже захотелось есть.

— Без еды человек двадцать дней и больше продержится, а вот без воды...

— Я пить хочу, — сказал я.

— Без воды человек может с неделю выдержать. А верблюды...

— Я не верблюд, — сказал я. — И вообще эта твоя дурацкая затея...

— Мог бы и дома остаться...

— Все равно пришлось бы тебя искать... Думаешь, я так и поверил, что нас разыскивать вертолеты помчатся?

Минут пять мы пререкались с Аленкой. Просто так, от нечего делать.

А потом я снова приказал Деду вести нас домой. Кажется, на этот раз он меня правильно понял. Или просто проголодался и его самого потянуло к дому.

Уже через полкилометра я стал узнавать свои отметки. Дед вел домой по старым следам. Он весело трусил впереди. За ним шел я, последней плелась Аленка. Ей не хотелось так быстро возвращаться домой. Ей хотелось одну ночь провести на дереве. Как обезьяне.

В просвете деревьев показалась черная крыша нашего дома. Сверкнуло жарким серебром озеро. Дед с радостным лаем бросился вперед.

На крыльце в клетчатой рубашке с закатанными рукавами стоял отец и поджидал нас обедать.

— Я думал, вы заблудились, — сказал он.

Глава шестая

Я сидел на дырявой лодке, когда над озером низко пронесся реактивный истребитель. Он блеснул серебром и пропал за лесом. Немного погодя показали два вертолета. Развернувшись над лесом, они сделали круг над островом.

Я не верил своим глазам: с острова в небо поднимался небольшой прозрачный шар. Он блестел в солнечных лучах, пускал зайчики. К шару что-то привязано. Солнце слепило глаза, но я рассмотрел предмет. Это была черная фигурка человека, вырезанная из картона или другого твердого материала. Руки и ноги человека растопырены. Фигурка смешно покачивалась на тонкой, почти невидимой привязи.

Вертолеты скрылись за лесом, а прозрачный шар с человечком поднимался все выше и выше. Скоро он стал совсем маленьким, а человечек превратился в черную точку. Я моргнул всего один раз, но шар и человечек бесследно исчезли. Слово только и ждали, чтобы я моргнул. Растаяли в синем сияющем небе.

Я смотрел на остров и думал: какая связь между вертолетами, островом и воздушным шариком с человечком? Кто выпустил этот шар?

Я хотел познать Аленку, рассказать ей обо всем, но раздумал. Не поверит. Скажет, голову напекло. Я и сам не поверил бы, если бы все это не увидел собственными глазами.

За спиной раздался всплеск. Я оглянулся: два пловца приближались к берегу. Они изо всех сил работали руками и ногами, словно их кто-то преследовал. Плыли они от острова. Я на глаз прикинул расстояние: от берега до острова километра полтора. Не знаю, смог бы я в таком темпе переплыть озеро. А мальчишки между тем, не сбавляя скорости, подплыли к берегу. Оба тяжело дышали. В первую минуту они даже слова вымолвить не могли. Смотрели друг на друга и молчали. Вода стекала с их загорелых плеч. На меня мальчишки не обращали внимания, будто меня и не было на берегу.

У одного из них на шее висел резиновый мешочек. Светлый чубчик спускался на серые разбойничьи глаза. Другой был темноволосый, выше ростом и на вид крепче. Лицо широкое, нос облупленный. Мальчишка раскрывал, как рыба, рот, одну руку зачем-то положил на живот.

Гости с таинственного острова. Я ждал, когда они обратят на меня внимание. Но ребята не смотрели в мою сторону.

— Шабаш? — спросил темноволосый.

— А бревно? — ответил приятель. По тому, как спросил темноволосый, я понял, что мальчишка со светлым чубчиком за главного. И действительно, темноволосый безропотно пошел вдоль

берега к черным осклизлым бревнам, которые валялись у самой осоки. Он выбрал бревно поменьше, но, взглянув на приятеля, толкнул его ногой и нагнулся за другим, которое покрупнее. Бревно оказалось тяжелым, мальчишке не под силу. Но он упрямо поднимал его за один край. Поставив на попа, стал взваливать на плечо.

Второй мальчишка равнодушно наблюдал за ним. Вот фрукт! Видит, что тяжело, и не поможет... Я подскочил к парнишке и ухватился за бревно.

— Отойди! — крикнул он, и глаза его округлились.

— Надорвешься, — опешил я, отпуская бревно.

— Гляди, зацеплю... — пробормотал мальчишка, делая первый шаг. Ноги его подгибались, лицо покраснело от напряжения. Оставляя на влажном песке глубокие следы, он медленно зашагал к лесу.

— До большого муравейника, — сказал вдогонку светловолосый, не двигаясь с места.

Парнишка что-то буркнул, я не расслышал. Ему предстояло взойти на холм, а там легче. Лес рядом.

— Поспорили? — спросил я.

— Делать нам нечего...

— Это точно, — сказал я, взглянув на парнишку с бревном. Он уже взойшел на холм и на секунду остановился передохнуть. Бревно покачивалось на его голом плече. Вот он двинулся дальше и сразу пропал в кустах.

— Допрет, — удовлетворенно сказал мальчишка.

— А ты кто? Эксплуататор?

— Ты помалкивай, — ответил мальчишка.

Мне не хотелось ссориться с ним. Это были первые ребята, которых я увидел за все время, что мы тут живем.

— Где тут лодку можно раздобыть? — спросил я.

— Раздобывай, — сказал мальчишка.

— Умеешь рыбу ловить?

— Были бы черви, — сказал мальчишка. — Рыбы полно... А где ваша машина?

— Мы пешком пришли. Из Ленинграда.

— Не заливай, — усмехнулся мальчишка.

— Вот ты откуда взялся?

— Я тутошний, — ответил мальчишка.

— Как этот остров называется? — спросил я.

— Никак, — ответил он. — Необитаемый.

— А шары с человечками в небо кто с острова запускает?

— Померещилось, — вдруг разговорился мальчишка. — Какие человечки, коли остров необитаемый? Мне тоже один раз померещилось... Такая страхотища, не приведи господь. Знаешь, кого я в полдень в лесу увидел? Слона! Не веришь? Ей-богу, слона. Идет, чертина, на меня и этой... хоботой помахивает. А на горбу шимпанзе сидит, чертина, и тыквенные семечки щелкает... Я аж обомлел. Зажмурился — ну, думаю, мама родная, сожрут они меня, сердешного, и косточки раскидают по лесу... Открыл глаза, а их нема. Забыл, как это по научному называется...

— Мираж...

— Во-во, гляди-ка, знаешь! Точно, мираж. Учительница потом растолковала. Бывает такое, говорят, особенно в пустынях...

— Бывает, — сказал я.

— А эта, которая в штанах, где она?

Про Аленку спрашивает. Она читает роман за домом. В тени. А отец с Дедом отправился в Островитино. Нужно купить кое-какие строительные материалы и велосипед. Без транспорта трудно. До деревни по берегу семь километров. А на велосипеде — раз плюнуть... Откуда он про Аленку знает?

— Ты ее видел? — спросил я.

— Книжки читает, — сказал мальчишка. — Толстые. И с собакой играет. Откуда собака такая потешная? С бородой?

— Зверь, — соврал я. — В два счета может разорвать пополам.

— Сорока говорил, это порода не злая...

— Сорока? — удивился я.

— Все знает! — с восхищением сказал мальчишка. — И тоже книжки читает. Еще толще, чем эта... в штанах. А я чего-то от книжек быстро засыпаю. Может, неинтересные попадают? Сорока — голова. Наш директор его уважает. И я уважаю. Мы с Сорокой — наипервейшие друзья. Он, правда, постарше, да я тоже парень не промах. Знаешь, какую раз щуку поймал?

Мальчишка выбросил в сторону рук, отмерил. Руки показалось ему мало, он отмерил от груди.

— Думаешь, вру? Спроси у наших — все видели. Еле дотащил до кухни. Хвост по земле волочился. Взвесили — полпуда...

— Или ты врешь, — сказал я, — или весы...

— Ну, может, чуток поменьше. Пять-то килограммов будет. Спроси у Сороки... Он на тракторе работает и на грузовике может. У него есть права. Я тоже могу на тракторе, меня Сорока научил. Он может и на самоходном комбайне...

— А на самолете Сорока не летает?

Мальчишка замолчал и нахмурился. Я заметил, что у него все ноги в цыпках. Наверное, с утра до вечера в воде сидит.

— Чего ты из себя ставишь? — спросил он.

— Трещишь, как сорока, про своего Сороку, — сказал я.

— А ты Федьку Гриба знаешь? — спросил мальчишка.

— У вас всем прозвища дают?

— Ты бы поглядел на Федьку, — засмеялся мальчишка. — Гриб н гриб. Мухомор!

— А тебя как прознали?

— Меня? — мальчишки перестал смеяться. — Никак. Я без прозвища.

— Хочешь, тебе придумаю?

Мальчишка почесал нога о ногу и посмотрел в сторону леса. Приятеля его что-то не видно. Где же этот большой муравейник? Я что-то поблизости его не замечал.

— Васька-а! — позвал мальчишка. Эхо откликнулось, а Васька ни гугу. Лежит, наверное, возле муравейника, отдыхает. Шутка, такую тяжесть тащить. И зачем, спрашивается?

— Умер твой Васька, — сказал я. — От разрыва сердца.

— Здоровый, черт, — ответил мальчишка.

Па пригорке показался Васька, Молча спустился к нам. На плече ссадина — след от бревна. Щека и шея в тине. А лицо довольное.

— Шабаш? — снова спросил он.

— Плыви... — кивнул в сторону острова мальчишка.

Васька мельком взглянул на меня и пошел к озеру. Уже стоя по пояс в воде, он спросил:

— А ты?

— Плыви-плыви, — сказал мальчишка. И Васька, шумно вздохнув, окунулся с головой и поплыл саженками.

Я смотрел на него и удивлялся: здоровый парень, почти на голову выше этого, а слушается. Причем беспрекословно.

Мальчишка взглянул на меня и, потрогав резиновый мешок, сказал:

— Пока.

— Куда?

— Есть у меня дела, — уклончиво ответил мальчишка.

— Придешь?

— Там видно будет... — Мальчишка улыбнулся. — Ты не гляди, куда я пойду. Ладно?

— Военная тайна?

— Не гляди, ладно?

— Катись... — сказал я.

Мальчишка потоптался и пошел к камышам. Я не смотрел на него, но слышал, как он шуршал в камышах. Лодку разыскивает, наверное. Я не удержался и краем глаза посмотрел в ту сторону. Мальчишку было не видно, он с головой спрятался в камышах. Я видел, как шевелились высокие камышовые листья, потом услышал тихий всплеск. Камыши перестали качаться. Я минуты две смотрел на то место, но мальчишку так и не увидел. Вскочив с лодки, я бросился в камыши. Отводя их руками в стороны, приблизился к тому месту, где только что прятался мой новый знакомый. Но его здесь не было. Одна камышина сломана пополам, кувшинка с длинной оторванной ногой плавала тут же, а мальчишки не было. Я сделал еще шаг и сразу ухнулся по шею. Дальше глубина. Мальчишка исчез, провалился под воду. Я долго смотрел на озеро в надежде увидеть желтую голову плывущего мальчишки. Но так и не увидел. А Васька уже был где-то на полпути к острову. Без усталости выкидывал из воды руки. Сначала одну, потом другую.

Что-то непонятное творится вокруг. Огонь на острове, воздушный шар с человечком и, наконец, эти странные ребята.

Я не поленился и еще раз обшарил камыши. Мне казалось, что мальчишка прячется где-то рядом. Но и на этот раз я его не нашел. Зато вспугнул крякушу с утятами. Увидев меня, она испуганно крякнула, и в ту же секунду серые комочки исчезли. Так же быстро и непонятно, как этот мальчишка с желтым чубчиком. Выбравшись на берег, я взглянул на остров. Небольшой, километра два в длину и с километр в ширину, он был удивительно высокий. Над водой торчали коричневые искривленные корни деревьев. Они издали напоминали огромные птичьи лапы с выпущенными когтями. Озеро века обмывало остров со всех сторон и сточило берега. Они стали крутыми и неприступными. Верхняя кромка берега, поддерживаемая корнями деревьев, далеко выдалась вперед. Сосны стояли на берегу как крепостная стена. Даже в лесу не видно таких высоких деревьев, как на острове.

Врет мальчишка, что остров необитаемый. Кто-то живет на нем. Ночью зажигает костер, а днем запускает в небо воздушные шары. И вертолеты, пролетая над островом, делают круг. А может быть, все это я придумал? Шар с человечком могло занести к острову с другого берега. А вертолеты в это время пролетали над озером совершенно случайно. И огонь ночью мог зажечь рыбака. Возможно, с другой стороны к острову легче пристать, чем с этой, которую я видел. Если все так, то я открою этот остров, как Робинзон, и придумаю ему красивое название. Я стал вспоминать, как назвал свой остров Робинзон Крузо, но так и не вспомнил.

Глава седьмая

В обед неподалеку от нашего дома остановилась «Волга». Колеса в грязи, бока исхлестаны ветками. От шоссе до нас двенадцать километров по проселочной дороге. Когда дождя нет, дорога хоть куда, а стоит дождю пролиться — расплзается как кисель. Наверное, ночью дождь прошел, раз машина так измазалась. Из «Волги» вылез высокий человек. Обошел машину вокруг, заглянул под низ. Не знаю, что он там увидел, но лицо его стало кислым. Потом пошел в сосновый бор. Вернувшись, сел за руль и прямо по лесу, меж стволов, тихонько повел

машину. В кабине сидели еще двое. Еловые лапы цеплялись за кузов, под колесами потрескивали сучки. «Волга» скоро остановилась. Дальше не проедешь: лес стоит стеной. Не только машина — мотоцикл не продерется. Из кабины вылезли мальчишка и молодая женщина. Они стали выгружать из багажника свертки. Автотуристы. Палатку разворачивают. Жить тут будут. Аленка (она сидела с книжкой на крыльце) тихонько присвистнула.

— Это они, — сказала она.

Как же я сразу-то не узнал! Это была та самая «Волга», которая нас хотела подвезти, а мы отказались. Пепельная, только очень грязная. И мальчишка тот самый. Только тогда он был в черной рубаше, а сейчас в свитере. Но сегодня не он сидит за рулем, а мужчина. Наверное, знакомый его. Или дядя. Мы еще приглашали их сюда. Отец приглашал.

— Ну, теперь, рыба, держись, — негромко сказал я.

Аленка то и дело бросала в их сторону любопытные взгляды. А когда Дед с лаем побежал знакомиться, Аленка вскочила с места и помчалась за ним, крича: «Не бойтесь, он не тронет!» Они перестали устанавливать палатку, повернулись в нашу сторону и молча ждали, когда Аленка подойдет. О чем они говорили, я не слышал, только видел, как мальчишка заулыбался, а мужчина протянул Аленке руку, потом женщина. Лишь мальчишка стоял истуканом, улыбался и смотрел на Аленку. А та рукой показала на наш дом и позвала меня. Дед всех по очереди обнюхивал. Я тоже решил подойти, а то невежливо.

Мужчину звали Вячеслав Семенович, женщину — Лариса Ивановна, они муж и жена. А мальчишку — Гарик. Он, оказывается, брат Вячеслава Семеновича. Я бы никогда не подумал, что они братья. Ни капельки не похожи. Гарику шестнадцать лет. Он перешел в девятый класс. У Вячеслава Семеновича и у его жены отпуск. Они оба инженеры. Вот решили провести свой отпуск на колесах. И Гарик вместе с ними решил провести каникулы на колесах. Гарик водит машину, но прав у него пока нет.

— До Островитина далеко? — спросил Вячеслав Семенович.

Я ответил, что по воде в два раза ближе, чем по суше.

— Нам бы амфибию, — засмеялся Вячеслав Семенович.

— «Газик» хотя бы, — сказал Гарик. — Вот машина.

— У вас в деревне родственники? — спросил я.

— Дальние... — взглянув на жену, сказал Вячеслав Семенович.

— Дорога хорошая, — сказал я. — Десять минут — и в Островитине.

— Нам не к спеху, — ответил он.

Пока они натягивали палатку, мы с Аленкой повели Гарика к озеру. Пусть полюбуется. Гарик был выше меня и Аленки. Сейчас он не задавался, как тогда, за рулем, смирно шел за нами и помалкивал. И лицо у него было какое-то изумленное. Мы показали ему озеро, необитаемый остров, белый двухэтажный дом на другом берегу.

— А как насчет рыбы? — спросил Гарик.

— Ходит, — неопределенно ответил я. Мы все еще не обзавелись лодкой, и я ни разу не был на рыбалке.

— Крупная?

— Плещется, — ответил я.

Гарик вспрыгнул на опрокинутую лодку и оглядел озеро.

— Глубокое, — сказал он, — это хорошо.

— Дна не достанешь, — ответил я.

— На Черном море в прошлом году я из подводного ружья загарпунил каменного окуня и пару приличных кефалей. Весь пляж сбежался... Подумаешь, диковина! — Гарик незаметно взбил пальцами свой вьющийся светлый хохол, посмотрел на Аленку. — Есть тут какой-нибудь клуб?

— В лесу?

— Ты танцуешь? — спросил он Аленку.

— Еще как, — ответил я за нее.

— А ты, видно, бывалый танцор, — насмешливо взглянул он на меня.

— В школе второй приз отхватил, — ответил я. — За «барыню». А она... я кивнул на Аленку, — первый.

— С вами не пропадешь, — сказал Гарик.

Аленка молчала. Изредка бросала на Гарика любопытные взгляды. Я знал, что у Аленки язычок ой-е-ей! И удивлялся, почему она молчит. А Гарик продолжал снисходительно разглагольствовать:

— Люблю современные танцы... Здесь, конечно, не умеют. Деревня. Мода сюда докатывается через десять лет. Видали, какие тут брючата носят? Образца сорок девятого года.

— Кстати, твои джинсы тоже давно вышли из моды, — сказала Аленка.

Гарик опешил. Секунду он молчал, потом спросил:

— А что у вас... парни в Ленинграде носят?

— Штаны, — сказал я.

— Не люблю, когда мальчишки о тряпках говорят... — сказала Аленка.

— Действительно, — поддакнул я. Сегодня мы были с Аленкой заодно.

Гарик прикусил язык. Я видел, он покраснел. Я так и знал, что Аленка, если захочет, в два счета собьет с него спесь. Наступило неловкое молчание. Гарик, засунув руки в карманы своих прошитых белой строчкой штанов в обтяжку, покусывал губы.

— Я пишу стихи, — сказал Гарик. — Когда-нибудь почитаю...

Мы с Аленой не стали его уговаривать.

— Так много сейчас поэтов, — сказала Аленка.

— Если я сочиню стихотворение, — я тоже буду поэт? — спросил я.

— Будешь, — сказала Аленка.

Гарик с сердцем сплюнул, но ничего не ответил.

Аленка стояла на днище перевернутой лодки, покачиваясь на носках. На ней узкие брюки на «молнии», голубая рубашка с засученными рукавами. В пышных волосах с золотым отливом застряли зеленые сосновые иголки. Глаза у Аленки большие, темно-коричневые. Когда она опускает ресницы, на щеках тень. Все говорят, что Аленка красивая, а я не замечаю. Обыкновенная. Глаза, ресницы, стройная фигура и острый язык. Гибкая и стройная Аленка потому, что уже пятый год занимается в балетной студии. Балериной хочет стать. Умирающим лебедем. Маленьких лебедей она уже исполняет. Несколько раз во Дворце культуры выступала. Мы с папой ходили смотреть. Хотя я сидел в партере — и то лишь к концу узнал Аленку. Все они, маленькие лебеди, были одинаковые. И все делали одинаково: перебирали ногами, кружились, подпрыгивали. Мы долго хлопали. А они все разом приседали. Тоже одинаково. А потом гуськом, на цыпочках, убежали за кулисы. Папа купил Аленке букет роз и плитку шоколада «Золотой якорь». Он сказал, что Аленка просто молодчина. Хотелось бы мне посмотреть, как бы Гарик с Аленкой стал танцевать. Она бы ему живо нос утерла.

— Я хочу поймать большую рыбу, — сказала Аленка.

— Какая жизнь на озере без лодки? — вздохнул я.

— У нас есть резиновая, — Гарик взглянул на Аленку. — Надуть?

— Надуй, — сказал я.

— Она двухместная...

— Вдвоем неинтересно, — сказала Аленка.

— Можно и втроем, — сказал Гарик. — Сергей легкий. Выдержит.

На лодке мы кататься не поехали. Вячеслав Семенович позвал Гарика. Нужно было сучьев натаскать, почистить картофель, принести воды.

— Не мужское это дело, — пробурчал Гарик, взглянув на Аленку, но отказываться не стал. Мы видели, как он собирал сучья, а потом разжигал костер. Мы хотели помочь ему, но тут на горизонте появился наш отец. Он с утра пропадал в деревне. Отец не приехал на велосипеде, как мы ожидали, а приплыл на долгожданной лодке. Новенький велосипед лежал на корме. Лодку отец в Островитине достал. Ее нам отдали на все лето. Отец привез в жестяном бидоне керосин, кулек гвоздей, молоток, продукты и еще кое-что по мелочи: рыболовные крючки, грузила, лески.

— А удочки? — спросил я.

— Выбирай любую... — показал отец на лес.

Мы рассказали, кто приехал.

— Веселее будет, — сказал отец. И, попросив нас разгрузить лодку, пошел к костру. Отец предложил Вячеславу Семеновичу перебраться в наш дом, но тот отказался — дескать, у них тоже уговор: весь отпуск провести на колесах, а если где и придется временно обосноваться, то жить только в палатке. Она у них просторная. И три надувных матраса. Вячеслав Семенович расспросил отца про дорогу на Островитино. Мне не хотелось, чтобы они уезжали в деревню. Пускай живут здесь. Но они, кажется, пока не собирались покидать это место. По-видимому, родственники действительно очень дальние. Иначе они бы сразу туда уехали.

Лариса Ивановна пригласила нас пообедать вместе. Но у них был маленький котелок, и мы отказались. Аленка отправилась на кухню, тоже готовить обед. Нам костер не надо разжигать. У нас есть примус. Гарик предложил мне прогуляться. Пока суп в котелке закипит. Как только мы скрылись за деревьями, он небрежно вытащил из кармана смятую пачку сигарет и закурил. Выпустив густое облако дыма, взглянул на меня:

— Куришь?

Мне захотелось вот так же пускать изо рта синий дым и мять в пальцах сигарету с золотым ободком. Но я не умел курить и боялся опозориться.

— Неохота, — дипломатично ответил я.

— Скоро опять в школу, — начал Гарик разговор издалека.

— Два месяца впереди, — сказал я.

— Дни летят, — вздохнул Гарик. — Не успеешь оглянуться — и в школу. Тебе в какой?

— В шестой.

— А-а...

— Аленка? В девятый перешла, — сказал я.

— В Ленинграде у вас, наверное, знакомых полно?

— Хватает, — сказал я.

— Наверное, за ней бегают...

— Двое этой весной за гаражами подрались, — сказал я.

— А как она?

Я сделал вид, что не понял, о чем речь.

— Ну, это... реагирует? — пояснил Гарик.

— Нормально, — сказал я.

— Есть такой, кто ей больше всех нравится?

— Есть, — сказал я. — Айвенго.

— Вот как... — удивился Гарик.

— Рыцарь один, — сказал я. — Ты его не знаешь.

— Знаю, — засмеялся он. — Отличный парень...

Надо будет и мне прочитать этот роман. А то неудобно, все читали, а я знаю только одно название. Гарик выбрал травянистую лужайку и легко сделал стойку. Потом кульбит.

— Могу и сальто крутнуть, — сказал он. — Ты не удержишь...

— Удержу, — сказал я, сцепляя руки. Но Гарик не стал сальто делать. Он сжал кулак и согнул руку в локте. Я пощупал: ничего мускулы. Крепкие.

— Если врежу — с копыт долой! — сказал Гарик.

— Кому? — спросил я.

— У тебя враги есть?

Я стал припоминать своих врагов. Димка Лунин, он мне на перемене бутербродом в щеку залепил. Я его брюхатым индюком обозвал. Потом я ему по уху дал. С неделю он был моим лютым врагом. А на первомайской демонстрации мы помирились. Вдвоем несли транспарант. «Да здравствует мир и дружба!» Смешно лютым врагам нести такой плакат! Мы и не заметили, как помирились... Больше я не мог припомнить врагов. Какие и были, так я с ними сам справлялся.

— Нет у меня врагов, — сказал я.

— Будут — только скажи мне...

— Ладно, — пообещал я. От такого приятеля глупо отказываться. Врежет с копыт долой... А кто знает, сегодня нет врагов, а завтра появятся.

Мы повернули обратно. Гарик докурил сигарету и бросил под ноги. Я на всякий случай затоптал. Неподалеку от нашего дома — столб с дощечкой: «Берегите лес от пожара!» А пониже еще одна надпись в стихах: «Не поднимай на лес руку, он послужит тебе, сыну и внуку». Хорошая надпись, проникновенная. И без восклицательного знака. Надписи с восклицательными знаками я не люблю. Не надписи, а сердитые окрики.

С пригорка я показал Гарику остров.

— Ночью на этом острове...

— Русалки пляшут твист при луне? — засмеялся Гарик.

У меня пропало желание рассказывать. Гарик, заметив, что я нахмурился, сказал:

— Налажу рыболовные снасти — всех здешних чертей переловлю.

— Ты стихи сочиняешь? — спросил я.

— Хотел Алене почитать...

— Шпарь мне, — сказал я.

С вечера я приготовил удочки. Две нашел на чердаке, три вырезал в лесу. Отец помог сделать снасть. Когда-то он любил рыбачить. Я очень хотел, чтобы отец со мной отправился, но он вот уже второй день чертил схему какого-то станка.

Я хотел встать пораньше, но из этого ничего не вышло. Проспал. Будильника у нас не было. Зато на стене висели старинные часы в буром деревянном футляре. На нем был домик для кукушки, чтобы она выскакивала, когда часы бьют. Но часы не бьют, и кукушка давно умерла. Ее и не видно в домике. Уже много-много лет часы показывали один и тот же час. Пятнадцать минут четвертого. Мы с отцом хотели починить их, но Аленка отговорила. «Эти часы, — сказала она, — память о наших предках. Пусть они молча стоят в углу, и не надо их тревожить».

На рыбалку мы отправились с Аленкой. Ей очень хотелось поймать большую рыбу. Она о ней только и говорила. Все уши прожужжала. Солнце взошло, в лесу насвистывали птицы. Стрекозы летали над самой водой. Среди зеленых блинов белели лилии. Где-то у острова, набегая на берег, негромко всплескивала вода. Осока шевелилась, скрипела. Кто-то возился в ней, шлепал то ли хвостом, то ли плавником. Я никогда не был утром на озере. Эта прозрачная тишина, воздух, пахнувший смолистой хвоей, спокойное, нежаркое солнце и журчащая за бортом вода вызвали у меня чувство беспричинной радости. Я подумал, как хорошо, что есть такое озеро, лес, наш старый дом. И как жалко, что раньше я ничего этого не видел. Мне даже как-то обидно стало. И еще я подумал, что, вернувшись в город, обо всем этом расскажу ребятам. Я стал искать слова, которыми передам эту утреннюю красоту лесного озера, и не нашел таких слов. Наверное, об этом не расскажешь, это нужно увидеть. Все это было незнакомым для меня и новым. Я вдруг вспомнил, что в книжках всегда пропускал описание природы. Дурак я дурак, оказывается, самое интересное не читал.

Я перегнулся через борт и увидел под водой дремучий зеленый лес в уменьшенном виде. Холмы, низины и пологие горы прятались под водой. Встречались и желтые проплешины озерных пустынь. Водоросли, напоминающие елочные лапы, шевелились, как ветки деревьев на ветру. Меж ними проносились быстрые тени. Приглядевшись, я увидел рыб. Маленьких и больших. Маленькие стайками сновали в просвете озерных зарослей. Большие держались или в одиночку, или по три-четыре штуки. Они быстро уходили в тень, которую оставляла наша лодка.

— Я видела рыбину, — услышал я голос Аленки. — Большую-большую... Она стояла на месте, а потом — как торпеда...

Аленка сидела посередине лодки, подняв вверх весла. Она не отрываясь смотрела на островок из водорослей и кувшинок. Судя по всему, большая рыбина ушла туда.

— Ты бы ее веслом, — сказал я.

— У нее спина темная, а на боку пятна...

— Щука, — сказал я.

— Красивая...

Я взглянул на холм, где стояла голубая палатка. От росы она потемнела. Из палатки вышел Гарик. Он был в белых трусах и красной майке. Даже издали видно, что лицо у него заспанное, волосы торчком. Он потянулся, зевнул и стал приседать, выбрасывая руки в стороны: нас он не

видел.

— Крикнуть? — спросил я Аленку.

— Рыбу распугаешь, — сказала она.

Аленка перешла на корму, я сел на весла. Хватит природой любоваться. Наши удочки свисали с лодки, касаясь концами воды. Греб я плохо. Весла почему-то криво опускались в воду, и брызги летели на Аленку.

— Ты нарочно? — спросила она.

— Оставалась бы на берегу, — сказал я ехидно. — Вместе бы зарядку делали...

Аленка промолчала.

Мы выбрали место неподалеку от плавучих водорослей и опустили камень, упрятанный в хозяйственную сетку, к которой была привязана длинная веревка. Этот якорь придумал отец. Я уже предвкушал, как первый заброшу снасть, и тут выяснилось, что Аленка забыла на берегу консервную банку с червями. Меня такое зло разобрало, что готов был Аленку с лодки спустить. Или веслом огреть.

— Плыви, разиня этакая, за червями, — сказал я.

— У меня есть печенье, — сказала Аленка, засовывая руку в карман. Попробуем на печенье?

— Поменьше бы глаза на Гарика таращила, — сказал я. Вытащил сетку с камнем, и мы поплыли к берегу.

Снова брызги летели на Аленку, но она молчала. У палатки дымился костер. Лариса Ивановна жарила на алюминиевой сковородке яичницу. Вячеслава Семеновича и Гарика не видно. Захватив банку, мы вернулись на прежнее место. Это место я облюбовал. Здесь вчера вечером рыбак из деревни ловил рыбу.

Время шло, а мы все еще копошились. Никак не могли наживку нацепить на крючок. Аленка держала червя далеко от себя и, наморщив нос, надевала на крючок. Червяк извивался, не хотел надеваться. Кое-как я нанизал своего червя и первым взмахнул удочкой. Аленка вскрикнула: крючок с червяком запутался в ее волосах.

— Забери эту гадость! — крикнула она. Пришлось через всю лодку шагать к ней и вытаскивать из волос червя с крючком. Крючок вытащил, а полчервя так и осталось в Аленкиных волосах.

— Ты все-таки старайся в воду попадать, — сказала Аленка. — Боюсь, что в моей голове ты не поймашь ни одной рыбки... А раз уж пришел сюда, надень, пожалуйста, мне червяка.

Я надел ей червя и уселся на свое место. Взмахнула удочкой Аленка — я зажмурился. И не напрасно. Возле уха тоненько свистнуло, затем больно царапнуло по щеке. Когда я открыл глаза, Аленка как ни в чем не бывало сидела на корме и глядела на поплавок.

— Не клюет? — спросил я.

— Раздумывает...

— Она будет долго думать, — сказал я, доставая из-за уха Аленкиного червяка. — Кстати,

запомни: в моем ухе рыба тоже не водится.

С горем пополам мы забросили удочки. У меня поплавков был красный, а Аленкин — зеленый. Они неподалеку дружно покачивались на легкой ряби. У меня уже ногу защипало — отсидел, а поплавки все так же покачивались. Солнце припекало. Я стащил безрукавку, Аленка сняла платье и осталась в купальнике. Раз рыба не берет, будем загорать.

— Сережа, а что, если мы чертеж спрячем? Говорил, будем отдыхать на всю катушку, а сам из-за стола не вылезает.

— Хорошо, что по ночам не работает, — скачал я.

— Электричества нет, вот и не работает.

— Я звал на озеро. Не поехал.

Мы с Аленкой очень хотели, чтобы отец как следует отдохнул. У него повышенное кровяное давление, и врачи говорили, что ему нужен полный отдых. Мы с Аленкой знаем, что он сюда из-за нас поехал. Хотел сделать нам приятное. Вместе мы редко отдыхали. А тут на все лето!

— Сережа, — спросила Аленка, — где мой поплавок?

Аленкиного поплавок не было. На воде плавал лишь мой, красный.

— Тащи! — шепотом сказал я.

Аленка дернула удочкой, но из воды никто не появился, зато ореховое удилище согнулось в дугу.

— Кто-то дергает!

Я вскочил и бросился к ней на помощь. Но Аленка не отдала удочку.

— Я сама, — сказала она.

Из поды показался сначала поплавок, потом большая и удивленная рыба голова. Я никогда не думал, что такая большая рыба может пойматься на маленький крючок. Рыбина, зевая вытянутым трубкой ртом, спокойно шла Аленке в руки.

— Поймала! — ликовала Аленка. — Я говорила, что поймаю большую рыбу...

Насчет «поймала» она поспешила. Рыбина подошла к лодке, с интересом посмотрела на нас черным с золотистой каймой глазом, затем лениво отвернула в сторону и ушла в глубину, помахав нам синеватыми плавниками. Леска в Аленкиных руках натянулась и тоненько тренькнула, как балалаечная струна. Вместо рыбы у нее остался поплавок с собравшейся пружиной леской.

Аленка чуть не плакала. Она смотрела на воду, как будто оттуда снова могла появиться эта большая рыба и вежливо попроситься в лодку.

— Ушла... — сказала Аленка.

— Теперь не догонишь, — посочувствовал я.

— Почему она ушла? Сережа?

— Безобразница, — сказал я.

Пока я привязывал к Аленкиной удочке новый крючок и грузило, мой поплавок ушел в воду. Я взмахнул удилищем, на крючке червя не было. Кто-то слопал его.

Вдруг мы почувствовали сильный удар в лодку. У меня удочка чуть из рук не выпала.

— Это рыбина? — спросила Аленка, Глаза у нее были большие и испуганные.

Если это действительно рыбина, то она размером с нашу лодку. Вряд ли такие экземпляры водятся в озере. И потом с какой стати рыбина будет ударять в лодку? Слепая она, что ли?

Я перегнулся через борт и посмотрел в воду. Дна не видно. Здесь глубина приличная.

— Дергает! — сказала Аленка. Бросив удочку, она руками выбирала леску. Раздался крик, и Аленка отшвырнула спасть в сторону.

— Сережа, — сказала она дрожащим голосом, — поплыли к нашему берегу...

— Орешь как оглашенная...

— У меня клюнула... лягушка.

Я подобрал Аленкину удочку. На крючке никого не было.

— Приснилось?

— Глаза выпученные... А рот раскрыт... Я хочу на берег...

Тут я заметил, что нашу лодку относит к берегу. Сорвалась с якоря!

Я стал выбирать веревку. Она свободно шла из глубины. В сетке не было камня... Я почувствовал, как на затылке зашевелились волосы. Камень сам собой никак не мог исчезнуть из сетки. Она без дырок. Его кто-то вытащил. Кто? Таинственная рыба величиной с лодку?

— На меня кто-то смотрит! — прошептала Аленка. Глаза ее стали еще больше. Не отрываясь, она смотрела за борт. Я тоже посмотрел туда, но ничего не увидел. Легкая рябь подернула зеленоватую воду.

— Оно смотрело на меня... — сказала Аленка.

— Оно?

— Одни глаза и волосы... А потом все исчезло.

Я снова посмотрел на воду. Когда перестало рябить, я увидел свое искаженное отражение. Все понятно, Аленка с перепугу себя приняла за водяного... Когда я сказал ей об этом, она рассердилась.

— Там кто-то был, — сказала она. — Я видела... Уж себя-то я отличу от...

— От кого?

— Там кто-то был... — упрямо повторила она.

Рыбачить расхотелось. Я сел на весла и стал грести к берегу. Мы даже не смотали удочки, поплавки волочились следом за лодкой. У меня тоже было такое ощущение, словно кто-то плывет рядом с лодкой. Если бы так ярко не светило солнце, если бы сейчас была ночь... можно было бы здорово испугаться. В озере кто-то живет. Наверное, огромная рыба, которой двести лет... А кто же тогда вытащил камень из сетки? У рыбы нет рук. Одни плавники.

— Ты веришь в водяных? — спросил я сестру.

— Глупости, — ответила она.

— Я в русалок верю, — сказал я.

— Я могла и ошибиться...

— А камень кто вытащил?

— Ну чего ты пристал ко мне?

Аленка отвернулась и стала смотреть на остров. Я тоже перестал ломать голову над этой загадкой, которую задало нам озеро.

Дед с берега увидел нас и, не раздумывая, бросился в воду. Отчаянно работая лапами и помогая хвостом, он плыл навстречу. У самой лодки он замолотил по воде лапами, стараясь вскарабкаться. Но без нашей помощи у него ничего не вышло. Пришлось его за шиворот втащить в лодку. В благодарность Дед обдал нас фонтанами воды.

Мы вспомнили про удочки. Когда я стал сворачивать свою, почувствовал рывок. На крючке сидел приличный окунь. Пока мы плыли к берегу, он на ходу поймался. На Аленкин крючок никто не сел. Аленка взяла весла. Она гребла лучше меня. По крайней мере, брызги не летели в мою сторону. Дед сидел на носу лодки и смотрел на берег. Шерсть на спине потемнела и еще больше завилась в колечки. На моего окуня, который прыгал на дне лодки, Дед не обратил никакого внимания.

На берегу ждал отец. Он был в синих спортивных шароварах и светлой куртке на «молнии». Наш отец еще молодой. Высокий, широкоплечий, с загорелым лицом. Когда он учился в институте, занимался спортом. Баскетболистом был. У него и сейчас дома в коробке лежит значок перворазрядника. Раньше отец выглядел еще моложе. Он постарел после...

Об этом тяжело говорить. Об этом тяжело вспоминать. Но это никогда не забывается. Три года назад нашу маму вдруг положили в больницу. Она ни на что не жаловалась, просто стала задумчивой и рассеянной. И очень похудела. У нее пропал аппетит. Когда она, доставая с полки книжку, упала и потеряла сознание, отец вызнал «скорую помощь» и сам на руках отнес ее вниз, где ждала машина. Два санитар с пустыми носилками спустились следом за ним. Из больницы наша мама не вернулась. Она три месяца болела, а потом умерла. Есть такая страшная болезнь — рак. Врачи не научились лечить эту болезнь... Они ничего не могут с ней поделать. Больше всего на свете я ненавижу эту болезнь.

Три года мы без мамы. На лбу у отца появились две глубокие морщины. Он ссутулился, утратил спортивную выправку, как говорили его друзья по институту.

Отец стоит на берегу, смотрит на нас. Он серьезный. О работе думает или о маме? Волосы у

отца темно-русые, а глаза карие. Когда он смотрит вдаль, то прищуривается. Он немного близорукий, но очки не любит носить. Лишь когда садится за письменный стол, надевает. А потом, сняв очки, долго ходит по комнате и трет переносицу.

Я огорченно развел руками и выбросил окуня на траву. Он еще шевелил хвостом. Отец поднял окуня.

— Попался, разбойник! — сказал он.

— А моя рыбина ушла, — сказала Аленка. — Вместе с крючком.

— Бывает, — улыбнулся отец.

— Аленка водяного черта видела.

— Давайте обедать, — сказал отец.

— Это была коряга, — сказала Аленка.

— А глаза? Волосы?

— Какие волосы? — удивился отец.

— Что на первое делать? — спросила Аленка. — Консервированный борщ с говядиной или суп из щавеля?

— Суп, — сказал я. Отец тоже не возражал. За консервами нужно было спускаться в подпол, а щавель рос рядом с домом. На лужайке. Его тут много растет. До самой осени хватит.

Стыдно Аленке рассказывать про нашу рыбалку. Отец будет смеяться и дразнить нас. Здесь, на берегу, и мне стало казаться все, что произошло на озере, сущей чепухой. Одного только я не мог объяснить — как выскочил камень из продуктовой сетки.

— Проголодались, троглодиты? — спросил отец.

Он каждый день придумывает нам новые прозвища. Уж кем только мы не были с Аленкой: «саблезубыми тиграми», и «ихтиозаврами», и «целакантами». Отец, кроме своих станков, любит палеонтологию. Науку о древних ископаемых. У нас в доме много всяких окаменелостей. На одном белом камне отпечатался зуб трицератопса. Я запомнил это ископаемое потому, что отец говорил о нем целый месяц. Отец очень ценит этот камень и строго-настрого запретил нам к нему прикасаться.

Однажды Аленка выбрала из отцовской коллекции камень потяжелее и придавила им деревянный круг в ведре с квашеной капустой. Древняя окаменелость взяла да и развалилась на мелкие кусочки. Отец очень расстроился. Он обозвал Аленку «игуанодоном» и сказал, что этому камню двести миллионов лет.

— Не может быть, — удивилась Аленка. Миллионы лет лежал и ничего, а тут за три дня рассыпался. Тебе, папа, подсунули ненастоящий камень.

— Мне никто не подсовывал! — возмутился отец. — Я его сам нашел в Средней Азии. Это же мел, разбойница, он боится воды.

Аленке надоели папины камни. Они лежали повсюду: на письменном столе, в тумбочке, в

книжном шкафу, на полках. На них накапливалась пыль, а отец не разрешал к ним притрагиваться. Три раза он был в археологических экспедициях. И каждый раз привозил оттуда по вещевому мешку окаменелостей. Он был не прочь и еще раз на весь отпуск уехать в экспедицию. Его друзья палеонтологи — каждую весну приглашают, но отец не хочет нас оставлять на произвол судьбы. «Знаю я этих мастодонтов, — говорил он. — Оставь одних потом весь век будешь каяться».

Ом преувеличивает. Мы с Аленкой видим отца лишь вечерами. И еще в воскресенье. Это наш общий день. А так он все время пропадает на работе или в институте.

К нам подошел Гарик. В руках у него заграничный спиннинг. Гарик мельком взглянул на наш скромный улов, усмехнулся:

— Не жирно!

— Ты бы видел, какая сорвалась, — сказала Аленка.

— Всегда срываются самые большие, — ответил Гарик.

— А ты что поймал? — спросил я.

— Вдоль берега покидал, — сказал Гарик. — Так себе, мелочь.

— Покажи! — потребовала Аленка.

Повыше закатав штанины, он вошел в воду и вытащил металлический садок: мы с Аленкой так и ахнули.

В садке выгибались и подпрыгивали четыре порядочных щуки.

— Ты поймал? — спросила Аленка. Она присела на корточки и стала рассматривать щук. — Вот эту, — она осторожно дотронулась до самой крупной пальцем, — я видела вон там...

— Это она, конечно... — сказал Гарик.

На траве лежала надутая резиновая лодка. Она уже высохла и, казалось, вот-вот лопнет. Гарик взял за жабры щуку, ту самую, которую Аленка «узнала», и бросил рядом с моим окунем.

— Жертвую на уху.

— Спасибо, — сказала Аленка.

Она тут же на берегу стала чистить рыбу. Отец вспомнил, что в примусе нет горючего, и пошел заправлять его.

Я поднял в воздух легкую резиновую лодку и понес к палатке. Там мы с Гариком вывернули ниппеля, и горячий воздух с шумом и свистом вырвался из лодки. Я с удовольствием помогал Гарику. Я и не подозревал, что он такой хороший рыбак. Мне захотелось сказать ему что-нибудь приятное.

— Мы хотели утром тебя позвать...

Гарик живо обернулся.

— Чего же не позвали?

— Я думал, ты уже на озере...

— Думают индюки, — сказал он. — В другой раз не думай. Со мной без рыбы не вернулись бы...

— Завтра с утра, идет?

— А как Аленка?

— Я ее разбужу.

— Идет, — сказал Гарик.

Глава девятая

Я возился с Дедом на лужайке, когда услышал гул мотора. Он доносился со стороны бора. Гул нарастал, приближался. Не очень высоко над лесом шел вертолет. Большая тень, обгоняя его, скользнула по лужайке, на которой мы стояли с Дедом.

Вертолет поравнялся с островом и замер в воздухе. Так стрекоза останавливается на одном месте и неподвижно висит, почти незаметно вздрагивая крыльями. Лопасты быстро вращались, образуя огромный сияющий круг со спицами. Маленький хвостовой винт крутился еще быстрее и потому был совсем незаметен.

Я никогда не видел так близко висящий в воздухе вертолет. В застекленной кабине сидели три летчика. Они смотрели вниз, на остров.

И снова над соснами и елями взвился маленький прозрачный шар. На этот раз к нему была привязана рыбина, вырезанная из черного картона. Покачиваясь из стороны в сторону, она клевала то носом, то хвостом.

Еще сильнее взревел мотор, вертолет вздрогнул и полетел дальше. Тень пробежала по озеру, прыгнула на лес и помчалась по макушкам деревьев. А шар с болтающейся на нитке картонной рыбиной поднимался все выше и выше. И скоро затерялся, как тогда черный человечек, в легких перистых облаках, пришедших с юга.

Вертолет скрылся за лесом, а я все еще стоял раскрыв рот и не знал, что думать. Аленка, Гарик и Вячеслав Семенович укатили на «Волге» в районный центр за хлебом и продуктами. Отец сидит в избе и заканчивает чертеж, его лучше не трогать. Лариса Ивановна загорает на опушке. В руках у нее книга, войлочная шляпа сдвинута на глаза, чтобы лицо было в тени. Лариса Ивановна ничего не видела.

Не раздумывая, я побежал к лодке. Попытаюсь проникнуть на остров. Там кто-то живет. До тех пор, пока не побываю на острове, я не успокоюсь. Посмотрю, кто это запускает картонных человечков и рыб. Я хотел было взять с собой и Деда, но в самый последний момент раздумал — Дед может все дело испортить. Залает или зарычит — и сразу выдаст меня. На остров нужно пробираться тайком. Тем более, что меня никто туда не приглашал. А в этом деле собака будет помехой.

Я вскочил в лодку и поплыл к острову. Чем ближе, тем берег кажется круче. Да, на этот остров без вертолета не попадешь. Я два раз обогнул остров, но места, где бы можно было пристать, не нашел. Надо мной стеной возвышался песчаный берег. Из земли торчали серые,

скрученным жгутом корни. Как-то неприятно было проплывать под ними. Того и гляди вцепятся в голову. Деревья отражались в воде, и казалось, что я плыву по лесу.

Зашелестела на острове трава, в воду посыпался песок. Я задрал голову вверх, но никого не увидел. Камыши и осока, окружавшие острой, цеплялись за лодку. Даже самые высокие камышовые метелки не доставали и до половины кромки берега.

И вдруг лодка перестала меня слушаться. Весла чуть не вырвались из рук. Сильное течение подхватило мое суденышко и потащило к берегу. Я пытался выправить лодку, но чуть не упустил весло. Между тем лодка довольно быстро приближалась к берегу. Я слышал, как журчит вода вдоль бортов. С шумом въехал в прибрежные заросли и наконец остановился.

Озеро было безмятежно спокойное. В тихой воде явственно отражались облака. Они стояли на одном месте. Скрипел, терся о лодку камыш. Угрожающе звенел овод. Совсем низко пролетел большой ястреб. Он лениво подрагивал концами широких крыльев и, поворачивая маленькую голову с загнутым клювом, внимательно смотрел на воду.

Что же произошло? Только что я был у острова — и вдруг какая-то непонятная сила приволокла меня к берегу. А остров, загадочный и неприступный, стоит неподалеку и молчит.

Я сидел в лодке и раздумывал: не попробовать ли еще раз подплыть к острову? Уже взялся за весла, но, вспомнив это неприятное ощущение, когда лодка перестала слушаться, раздумал плыть. Наоборот, когда я греб к дому, то старался держаться на почтительном расстоянии от острова.

Вот и наш дом. На старой лодке спиной ко мне сидят Гарик и Аленка. И «Волга» стоит на месте. Вернулись из райцентра. О чем-то беседуют. Аленка забралась на опрокинутую лодку с ногами и колени обхватила руками. А Гарик сидит немного поодаль и что-то стругает ножом.

Я рассказал им, что произошло со мной. И про вертолет и про воздушные шары. Аленка вскочила с лодки, глаза ее заблестели.

— Поплыли! — сказала она.

Гарик с треском сломал палку, которую стругал, насмешливо посмотрел на меня.

— Водяной, — сказал он. — Его работа.

— Слава богу, я своего брата знаю, — сказала Аленка. — Сейчас он не врет.

— Это очень легко проверить, — усмехнулся Гарик.

И вот мы втроем плывем к острову. Гарик на веслах. Он выпячивает грудь, напрягает мышцы. Он гребет и поглядывает на Аленку. Вот, дескать, какой я сильный и ловкий. Она сидит на корме и смотрит на остров. Золотистая копна волос перехвачена голубой лентой. Раньше что-то я не замечал этой ленты в ее волосах.

— С какого места тебя понесло к берегу? — спросила Аленка.

Вот те самые корни над головой, а здесь меня подхватило и... Мы десять раз проплыли по этому месту. Лодку никуда и не думало относить.

— Чуть правее, — сказал я Гарику. Он, ухмыляясь, выровнял лодку.

— Куда прикажешь, капитан? — спросил он, играя веслами.

— Значит, это было не течение, — сказала Аленка.

— Я ведь говорю: водяной...

— Эй, кто там на острове?! — крикнула Аленка.

Тишина. Камыш поскрипывает, и трещит кора на соснах. Это ветер ее отдирает от коричневых стволов.

— Хватит дурака валять, — сказал Гарик.

Он налег на весла, и лодка с шумом заскользила по воде. Греб Гарик хорошо, не то что мы с Аленкой. На нас не упало ни одной капли. Весла уходили в воду без всплеска. Мышцы на его руках перекачивались. Ветер растрепал светлые волосы. Самый кончик носа покраснел. Греб Гарик с удовольствием. Нет, не случайно сегодня Аленка повязала голубую ленту...

— Когда-то на этом острове стоял замок с башнями... — заговорила Аленка. — И жила в нем графиня. Красавица. Ее сюда старый муж-ревнивец упрятал. Раз в неделю к острову приставала лодка. Графине привозили продукты и халву...

— Халву? — переспросил я.

— ...но она ничего не ела. Она любила одного человека. Из-за него старый граф и заточил ее на острове. А тот человек...

— Был храбрый рыцарь, — подсказал я.

— Он был простой охотник. Выслеживал медведей и побеждал в рукопашной...

— Медведей? — спросил Гарик.

— Охотник ночью приплывал на челне и, ухватившись за корни деревьев, взбирался на остров...

— Это идея, — сказал я.

— Ну и чем эта трогательная история кончилась? — спросил Гарик.

Аленка не успела ответить. На острове, в гуще сосновых ветвей, что-то блеснуло. Одна из ветвей качнулась, и мне показалось, что там укрылся человек.

— Видишь вон ту сосну, — схватил я за руку Аленку. — У самой макушки кто-то прячется!

Гарик и Аленка одновременно посмотрели на остров. Ветви не шевелились, и никого не было видно.

— Ну и свистун, — сказал Гарик.

— Я видел, как ветки закачались...

— Ну и как этот охотник все-таки украл графиню? — спросил Гарик.

— Ничего у него не вышло, — ответила Аленка. — Однажды медведь одолел отважного охотника. А графиня... она бросилась с крутого берега в озеро и утонула.

— Неинтересно, — сказал Гарик, глядя Аленке в глаза. — Графиня и охотник должны быть вместе...

— Придумай другую сказку...

— Придумаю, — сказал Гарик. — С благополучным концом... Давай вместе придумаем?

— Не хочется, — ответила Аленка.

Мне надоела эта многозначительность. Неужели они думают, что я совсем младенец и ничего не понимаю? Аленка-то так не думает, она меня знает, а Гарик наверняка думает. Сказал бы прямо, что втрескался по уши в Аленку и хочет с ней дружить. При чем тут бедная графиня и храбрый охотник?

Не успели мы пристать к берегу, как услышали треск мотора.

От острова отвалила большая металлическая лодка с мальчишками. Широкий пенистый гребень волочился за ней. В лодке я насчитал девять мальчишек. Один из них, полуголый, пригнулся у мотора. В нашу сторону они не смотрели. Мы только что там были на этом месте и никакой лодки не видали. В камышах моторку спрятать невозможно. Мы бы обязательно заметили ее. Где же была лодка?

— Может быть, это вовсе не лодка... а Летучий Голландец? — сказал я. Опять мне показалось?

Гарик, приложив ладонь к глазам, смотрел на удаляющуюся к другому берегу моторку.

— Откуда она выскочила?

— Вот именно, — сказал я.

— Ребята, этот остров необыкновенный! — заявила Аленка.

— Как же на него забраться? — сказал Гарик.

— Пробовал, ничего не получилось.

— У меня получится, — сказал Гарик.

Вылезая на берег, Аленка заметила картонку, прикрепленную к борту лодки.

— Нота о нарушении границы, — сказала она, протягивая нам картонку.

На ней химическим карандашом было нацарапано: «Советую держаться подальше от острова. Сорока».

Глава десятая

Два дня не было солнца. И лес, и озеро насупились. Лодок рыбацких не видно. Ночами тарахтел по крыше дождь, а к утру переставал. Над озером стоял пар. Выйдешь на мокрое крыльцо, кругом белым-бело. Настоящая дымовая завеса. До взъерошенных кустов нельзя дотронуться — брызгаются. На берег с шорохом набегают волны, выплевывая желтоватую

пену. Лопушины трепещут в воде, встают на ребро. И тогда кажется, что это на озере полощутся утки. Камыш пригнулся и словно посветлел. Узкие листья с обоюдоострыми краями полосуют друг друга.

В такую погоду не хотелось выходить из дому. Отец в конце концов закончил свой чертеж и, разложив на столе бумаги и книги, занимался вычислениями. Аленка лежала на старой деревянной кровати, застланной разноцветным лоскутным одеялом, и читала очередной роман. Я сидел на полу и ремонтировал рыболовные снасти. Это стало моим любимым занятием. Отец научил меня привязывать к леске крючки. Совсем не простое дело. Я, наверное, раз сто завязывал леску, прежде чем научился. Мне очень понравилось привязывать крючки к леске. Я мог бы заниматься этим делом весь день. Но удочек у нас всего было три, и скоро я оказался без дела. Конечно, я тоже мог бы чего-нибудь почитать. В Аленкином рюкзаке есть интересные книги. Но не было настроения.

Я вышел на крыльцо и посмотрел на остров. Он был хмурым и неприветливым. Пар облепил его, и он стоял как дикий утес, который мохом оброс. Прочитав на картонке надпись, Гарик рассвирепел и сказал, что при встрече набьет этому нахалу Сороке морду. Подумаешь, выискался командир, приказывает, кому где плавать. Я понимал, Гарик это перед Аленкой выпендривался. Не будет он бить Сороке морду. Потом, еще неизвестно, кто кому набьет. Но зато Гарик загорелся желанием во что бы то ни стало пробраться на остров и узнать, чем там занимаются интернатские ребята. Да вот погода помешала. На озере — волна, опасно садиться в лодку. Опрокинуть может. Гарик последнее время ходил за Аленкой по пятам. Куда она, туда и он. Как хвостик. Наверное, и сейчас бродит неподалеку, ждет, когда Аленка выйдет.

Ветер стал тише. Сквозь серые глыбы облаков нет-нет да и проглядывал солнечный луч. Он вонзался в пар, но до воды достать не мог. Вроде проясняется. Наша лодка, до половины вытащенная из воды, стояла на берегу. На дне блестела вода. Вроде и волна уgomонилась. Теперь не опрокинет. Я взял рыболовные снасти и вышел из дому. Аленка проводила меня подозрительным взглядом и, отложив книжку, пошла за мной.

— На остров? — спросила она.

— Я слышал, лещ на волне хорошо берет, — сказал я.

— Я давно хотела леща поймать...

— Поймаешь, — сказал я, — в другой раз...

Не взял я с собой Аленку. Пусть сидит дома и читает. Я один все разузнаю. На острове наверняка никого нет. В такую погоду там делать нечего.

Выглянуло солнце, и вокруг сразу повеселело: вода стала не такой темной и сердитой, на берегу красновато заблестали мокрые сосновые стволы. Пасмурные облака пролетали над островом не задерживаясь, а на смену им с юго-востока спешили солнечные, белые. Выпрямился камыш, ошетилившись своими ножами, закачались, мерцая на воде, лопушины. Они больше не становились на ребро. Затих ветер.

Я никак не мог столкнуть с места лодку. Слишком далеко вчера из воды вытащили.

Аленка, поевившись на мокром ветру, ушла в дом, звать ее не хотелось. Я изо всех сил налегал на корму, но лодка стояла как вкопанная.

— Каши мало ел, — услышал я голос Гарика. — А ну, дай-ка я... Раз, два, взяли!

Лодка стремительно соскользнула в воду — хорошо, что Гарик успел за цепь ухватить, а то без нас бы уплыла. Гарик охотно согласился отправиться со мной на разведку. По тому, как он все время поглядывал на дверь нашего дома, я понял, что он не прочь бы взять и Аленку.

— Спит, — соврал я. Сядет Аленка в лодку, Гарик и про остров забудет. Будет опять умничать. А я сиди как дурак, слушай.

— Разбудить можно...

— Крепко спит — из пушки не разбудишь!

— Вот соня!

— Не говори, — сказал я.

Мы подплыли к острову. С Гариком хорошо плавать, он на веслах как бог. Пришлось даже притормозить, чтобы не врезаться в заросли.

Где-то вход на остров. Должно быть, большая пещера, в которой можно лодку прятать. Но попробуй найди эту пещеру! Камыш и осока заслонили берег почти до половины. И намека нет на какой-то лаз. Придется карабкаться на остров, ухватившись за корни. Другого выхода нет. Задрав головы, мы с Гариком выискивали подходящее место.

— Попробуем здесь, — сказал Гарик.

Мы кое-как привязали к камышам лодку и, ухватившись за нависшие над головой корни, полезли. Мозолистый гибкий корень шевелился в руках как живой. Сверху на голову сыпался песок. Ногами мы упирались в берег, а руками перехватывали корни. Краем глаза я видел Гарика. Он вскарабкался выше меня.

— Не шмякнуться бы, — пропыхтел он.

Если сорвешься, то шлепнешься как раз в лодку. Можно без ребра остаться. Вот уже близка кромка берега, я вижу длинные, покачивающиеся стебли травы. Вот сейчас подтянусь и... Я так и не понял, что произошло: сжимая в руках коренья, я вдруг полетел вниз и бухнулся в воду. Когда вынырнул и протер глаза, то увидел рядом Гарика. Он крутился на одном месте и очумело смотрел на меня. Рубаха на его спине вздулась пузырем.

— И ты? — спросил он, выплевывая воду.

— Как видишь, — ответил я, озираясь. Лодки на месте не было. Это и хорошо, иначе мы грохнулись бы в нее. Лодки вообще не видно. Она исчезла. А до берега плыть далеко. Одежда моя намочила, облепила тело. Рядом плавал корень, за который я держался. Я обратил внимание, что он не обломан, а обрублен. Топором или тесаком каким-нибудь.

— Лодку спрятали, гады! — сказал Гарик.

— Поищем? — предложил я.

— Попадись мне этот Сорока...

— Что вам здесь надо? — услышали мы незнакомый голос. Гарик закружился на месте, задирая вверх голову.

— Прячешься? — крикнул он.

— Отдайте лодку, — сказал я.

Мы барахтались в воде и не видели того, кто с нами разговаривал. Он находился где-то над нами. И от этого чувства полного бессилия нас все больше разбирало зло.

— Держитесь от острова подальше, — сказали сверху.

— Это твой остров?

— Да.

— Собственный?

— Мы вас не трогаем? Не лезьте и вы к нам.

— Доберусь я до вас...

— Штаны не потеряй!

— Вот утонем — отвечать будете, — припугнул я.

Гарик повернул ко мне обозленное лицо.

— Ты еще слезу пусти...

Мы выбрались из камышей. Хотя одежда была и легкая, плыть неудобно. Гарик отфыркивался, бурчал что-то под нос. Проклятия Сороке. Одежда все больше мешала. Не сговариваясь, мы стали раздеваться. В воде это делать не очень-то просто. Брюки я стащил без труда, а вот с рубахой помучился. Даже воды пришлось глотнуть.

— Он у меня попляшет, — пыхтел Гарик.

— Лодку жалко, — сказал я.

— Узнает, почем фунт лиха!

— А что я отцу скажу?

— Вон твоя лодка, — сказал Гарик.

Я думал, что он пошутил, но, обернувшись, увидел лодку. Она медленно двигалась вслед за нами. Своим ходом. Без руля и без ветрил. Мы поплыли к лодке. Я думал, она удерет от нас, но плоскодонка стояла на месте, покачиваясь на волне. Мы забрались в лодку.

— Не сама ведь она поплыла за нами? — спросил я, оглядываясь на остров.

— Надоели мне эти фокусы, — сказал Гарик.

— Как ты думаешь, много их на острове?

— Это все он, — сказал Гарик. — Сорока-белобока!

— Его не достанешь — высоко живет.

— Достану, — сказал Гарик.

Я снова взглянул на остров. Пусто там и тихо. Но уж теперь-то мы точно знаем, что остров обитаемый. Живет там Сорока-белобока. Уж сколько мы о нем говорили, а в глаза еще ни разу не видели. Зато голос слышали. Сосны и ели стояли на берегу, а искривленные корни, покачиваясь, показывали нам фигу: дескать, накось, выкуси!

Глава одиннадцатая

В субботу утром на нашем берегу появился Васька. Тот самый, который бревно тащил к большому муравейнику. Откуда он взялся, я так и не понял. Или по берегу пришел из деревни, или с острова приплыл. На шее у Васьки болтался большой полевой бинокль. Нос у Васьки еще больше облупился. Мальчишка был в майке и штанах. Вид серьезный, озабоченный.

Я кормил Деда, когда он появился на берегу. На меня Васька не обращал внимания. А может быть, и не видел. За километр чувствовалось, что он прибыл сюда не ради праздного любопытства.

— Как жизнь? — спросил я.

— Помаленьку, — ответил Васька. Я думал, он остановится, поговорит, но Васька прошел мимо.

— Мне тоже надо в лес, — сказал я.

Васька промолчал. Я так и не понял, против он того, чтобы я пошел с ним, или ему безразлично. За всю дорогу Васька больше рта не раскрыл. Один раз только искоса посмотрел на Деда, который увязался за нами, но ничего не сказал. Мы углубились в лес примерно на километр. У высоченной сосны Васька остановился. Задрал голову, посмотрел вверх.

— Полезешь? — спросил я.

— Послушай, как тебя?

— Сережа, — сказал я.

— Ну чего ты ходишь за мной?

— Интересно...

— Ходи, — сказал Васька. Поплевал на ладони и полез на дерево. Дед поглядел на меня и негромко гавкнул.

Лазать по деревьям Васька умел. Быстро добравшись до нижних сучьев, он почти скрылся в ветвях. Только пятки мелькали. У самой макушки Васька притаился. Смотрит в бинокль. На остров, наверное.

Я с полчаса сидел под деревом, но Васька и не думал слезать. Иногда он шевелился, и тогда сверху сыпались иголки и кора. Мне надоело стоять под деревом, я спросил:

— Ты кто, человек или кукушка?

Васька высморкался и ничего не ответил.

— Хочешь, я к тебе залезу?

— Валяй...

Я поплевал в точности как Васька на ладони и обхватил шершавый ствол. Я никогда не забирался на деревья, но и не думал, что это так трудно. После трех неудачных попыток я плюнул на это дело. Я ободрал в двух местах руку.

— Где ты? — ехидно спросил Васька.

— Неохота, — ответил я.

Я увидел неподалеку от сосны красную ягодину. Она пряталась под небольшим разлапистым листом. Это была земляника. Скоро я забыл про Ваську и про его бинокль. Кругом оказалась прорва земляники. Я не только сам досыта наелся, но еще и Деда угостил. Земляника ему тоже понравилась.

Васька, по-видимому, решил сидеть на дереве до вечера. Станный парень: то бревна таскает такие, что и пуп недолго надорвать, то на дереве торчит, действительно как кукушка. И чего он высматривает в свой бинокль?

Я вспомнил про большой муравейник и отправился его разыскивать. Муравейник был где-то неподалеку от нашего дома. Я нашел его, этот большой муравейник. Он был выше меня. В сосновых иголках и сучьях сустились рыжие муравьи. Я засунул туда палку, и муравьи забегали еще быстрее. Они в два счета облепили палку, и я отдернул руку. Муравьи забегали по ногам. Один укусил меня за палец. Я отошел от муравейника на безопасное расстояние.

Под раскидистой елью лежали черные бревна с нашего берега. Их тут было штук сорок. Сложены аккуратно, одно к другому. Зачем их сюда притащили? Избушку будут строить? Охотничью заимку?

Вернувшись домой, я заметил, что на соседнем берегу, где белеет здание школы-интерната, какое-то необычное оживление. Металлическая моторка стояла наготове. На берегу, возле зеленого грузовика, сустились люди. Вот бы сюда Васькин бинокль!

От берега отвалила моторка и взяла курс на остров. Когда она подошла поближе, я разглядел в лодке, кроме мальчишек, пятерых мужчин. Трое из них были в кожаных куртках и военных фуражках с летной эмблемой. Летчики. Прибыли на рыбалку. На корме лежали удочки, спиннинги, вещевой мешок. Это, наверное, те самые летчики, которые пролетали над островом на вертолетах. Среди мальчишек я узнал светловолосого, который в тот раз вместе с Васькой приплыл на наш берег. А потом куда-то исчез, словно под воду провалился. Мальчишка стоял у руля и смотрел прямо перед собой. Важный, как капитан корабля.

Моторка, сбавив ход, скрылась в камышах, и больше я ее не видел. Зато заметил то место, куда она вошла. Чуть правее сосны с обломанной веткой. Там и нужно искать вход.

Где же Гарик с Аленкой? Я сел в лодку и поплыл вдоль берега. В полукилометре от дома я увидел их. Они загорали недалеко от берега на резиновой лодке. Перевернули ее и улеглись на днище.

Со всех сторон обступили камыши, поэтому я сразу и не увидел их. Специально загорать я не любил. И так можно загореть незаметно. Главное не прятаться от солнца. А лежать пузом вверх — неинтересно. И потом вялый ходишь весь день, голова болит.

Гарик плеснул пригоршню воды Аленке на спину. Она повернулась к нему и столкнула с лодки. Он вынырнул и перевернул «нпадувашку» вместе с Аленкой.

Я вспомнил, что мне нужно наловить шитика. Это такой смешной червячок, который таскает за собой свой дом. Он лепит его из песка, сучков, стеблей. Шитика не так-то просто найти. Лежит в воде сучок, а получше присмотришься — сучок-то, оказывается, ползет по дну. Тут его и бери, А потом шитика не сразу вытащишь из домика. Он упирается, не хочет вылезать.

На шитика хорошо плотва и красноперка ловится. Это мне Вячеслав Семенович сказал. Он настоящий рыбак. С утра до вечера пропадает на озере. Даже обедать не приезжает. Иногда с ним уплывает на резиновой лодке Лариса Ивановна. Только вот рыбы Вячеслав Семенович привозит мало. Я как-то спросил его:

— Клев плохой?

— Великолепный...

— А где же рыба?

— Я отпускаю мелочь, — сказал Вячеслав Семенович. — А крупная хитрая. Не хочет ловиться.

Один раз, правда, он принес леща. Огромного, как блюдо. Гарик сказал, что килограмма на два потянет.

Когда я проплывал мимо Аленки и Гарика (они уже снова мирно лежали на лодке), то услышал такой разговор:

Г а р и к. А если я озеро переплыву?

А л е н к а. Нет.

Г а р и к. Две минуты — засекай по часам — просижу под водой?

А л е н к а. Нет.

Г а р и к. А письмо напишешь?

А л е н к а. Не знаю.

Г а р и к. А есть на свете любовь?

А л е н к а. Отстань!

Г а р и к. Уеду отсюда. И чего мы торчим на этом озере?

А л е н к а. Действительно.

Г а р и к. Столько кругом озер. А потом мы в Таллин собирались и в Ригу.

А л е н к а. Отодвинься, пожалуйста, солнце загораживаешь.

Я трахнул веслом по воде и обдал их брызгами.

— Ну и сестра у тебя! — повернулся ко мне Гарик.

— А ну вас, — сказал я.

— Сережа, я с тобой!

Аленка спрыгнула с резиновой лодки и поплыла за мной. А Гарик один остался. Он лежал на своей лодке животом кверху. И живот у него был красный. Поджарился на солнышке. Когда Аленка забралась на корму, я спросил:

— Думаешь, он просидит под водой две минуты?

— Просидит, — ответила Аленка. — И озеро переплывет. Я знаю.

Плечи ее загорели, лицо тоже. А волосы стали еще белее. Аленка посмотрела на остров и сказала:

— А мне жалко этого Сороку.

Я удивился: за что это она пожалела его?

— Гарик рассказал, как отколотил его... Разделал, говорит, под орех.

— Гарик?!

— Не ты ведь, — улыбнулась Аленка.

Ну и свисток этот Гарик! Сороку разделал... Рассказал бы лучше, как летел в воду кверху тормашками. Я хотел было рассказать Аленке, как дело было, но удержался. Не стоит выдавать Гарика. Не по-товарищески. И я сказал сестре:

— Мы еще ребра пересчитаем этому Сороке.

— Гарик говорит, что вы чуть было не захватили остров, но Сорока свистнул, и прибежали двадцать человек.

— Это верно, — сказал я. — Свистнул...

— А этот Сорока...

— Гляди, шитик! — сказал я и вылез из лодки. Хватит с меня. Гарик врет, а я расхлебывай.

— Приходи обедать, — уже отплыв от берега, крикнула Аленка.

Глава двенадцатая

Мальчишка, который так ловко исчез тогда в камышах, снова наведлся на наш берег. На этот раз он приплыл на деревянной лодке не один. С ним были еще двое. Конопатый с толстым носом и буйными рыжими волосами. И худой, длинный, с острым носом и хитрыми глазами. Моего старого знакомого звали Коля Гаврилов, а тех двоих: рыжего — Леха, длинного — Темный. Васьки на этот раз не было с ними. Может, он до сих пор сидит на сосне и смотрит в бинокль?

Все трое были в трусах. Коля сразу подошел ко мне, а Леха и Темный остались в лодке. Они с интересом рассматривали палатку, «Волгу» и надувные матрасы, которые выставили на солнце.

— Я к тебе по делу, — сказал Коля, — присаживаясь рядом. Я сидел под сосной и мастерил жерлицу. Для щук. Какое, интересно, у него дело ко мне?

— Не туда грузило привязал... — Коля отобрал снасть и заново перевязал грузило. — Вот так надо.

Я молча продолжал работать.

— Твой батька инженер? — спросил Коля.

— А что?

— Сорока хотел...

— Иди к черту со своим Сорокой, — сказал я.

Коля оглянулся на своих приятелей, которые остались в лодке, и сказал:

— Ты Сороку не ругай, он справедливый...

— Выкупал нас...

— Нечего было соваться на остров.

— Ваш остров, да?

— Наш.

— Вы что, помещики?

— На остров посторонним вход воспрещен, — сказал Коля.

Рыжий и длинный, они прислушивались к нашему разговору, подали голос с лодки:

— Моли бога, что лодку вернули.

— А этому, который орал (это про Гарика), — надо было холку намылить!

Как назло, Гарика нет! Ушел куда-то с Вячеславом Семеновичем. Посмотрели бы тогда, кто кому холку намылит!

— Молчали бы лучше, — сказал Коля своим воинственным приятелям. Он был настроен миролюбиво. Похвалил нашу лодку, посоветовал, где лучше рыбу ловить. Спросил про Деда. Сказал, что Дед ему один раз даже во сне приснился. Постепенно наши отношения наладились, и Коля в знак полного доверия рассказал мне историю Каменного острова.

История, которую рассказал Коля Гаврилов

— Давно это было. Знаешь, когда? Ну, когда красные и беляки воевали. В гражданскую. Меня тогда, понятно, не было и тебя тоже, а другие были. Которые сейчас старые. Вот они и рассказывают про это. Старые все помнят. Я сам сто раз слышал эту историю. Все было взаправду. Не веришь, спроси у любого в деревне. Об этом все знают.

Так вот, где теперь наш интернат, раньше жил помещик. У него фамилия смешная: Пупышев.

Потом он удрал куда-то. Испугался революции. А в гражданскую помещичий дом занял белогвардейский штаб. И командовал тем штабом полковник Хмырин. Махонький, сухонький, а злой, как дьявол. Его свои же беляки и прозвали Плешатым Дьяволом. Потому как у него вместо волос одна лысина была. Желтая, как апельсин. Любил Хмырин людей мучить. Хлебом не корми, а дай человека помучить. Сам вешал, расстреливал. Одним словом, паскуда, каких на свете поискать.

Как-то беляки захватили в плен тридцать красноармейцев. Посадили их в лодки и переправили на остров, на этот самый, с которого вы шлепнулись... Да, так вот на этом острове они каждый день пытали людей. Хотели узнать у красных разные военные секреты. А те молчали. Каждый день на остров приезжал Плешатый Дьявол. И тогда начинались самые страшные пытки. Шомполами жгли, иголками торкали под ногти, руки отрубали. Иной раз солдаты, которые помогали Плешатому, падали в обморок. Не выдерживали. А красные терпели. А если сознание теряли, их водой отливали и снова пытали. Один остров все видел и слышал. Потому люди и прозвали его Каменным. Это тогда, давно прозвали, а потом забыли. А Сорока снова назвал остров Каменным...

Жил в нашей деревне один смелый человек. Здоровенный, как дуб. Он никого не боялся, даже Плешатого. И этот человек решил спасти красных. Он подговаривал на это дело и других, но только еще двое в деревне согласились помогать ему. Остальные очень боялись Дьявола. Говорили, что всех повесит и дома спалит. Смелый и те двое ночью подплыли на трех лодках к острову и кинжалами перерезали часовых. А красных на лодках перевезли на другой берег. И все это было сделано тихо, никто не услышал в помещичьей усадьбе.

Смелый всех до единого увел в лес, через болото. Есть тут у нас болото. Черная Падь. Кто не знает тропы — в жизни не выберется. Верная погибель. Смелый знал тропу. И красных провел по ней. Никто не утонул.

Дня через два Смелый тихонько пришел в деревню за мукой. Для раненых. Тут-то его беляки и схватили. Нашелся в деревне один гад, предатель. Он за хромую кавалерийскую лошадь, которую посулили беляки, выдал Смелого. И тогда его, связанного, приволокли на остров. Что там делали с ним — никто не знает. День и ночь пробыл Плешатый Дьявол на острове. Все пытал Смелого. А он молчал как могила. И лишь к концу второго дня раздался страшный крик с острова и семь выстрелов. Подряд, один за другим...

Коля помолчал. Он смотрел на остров. И глаза у него были печальные. Да мне и самому было жаль Смелого. Наверное, его убили...

— Это кричал не Смелый, — продолжал Коля. — Благим матом орал Плешатый. Вот что получилось. Дьявол выколол Смелому глаз, потом отрубил пальцы на правой руке. И велел своим помощникам отпустить Смелого. Они вчетвером его все время держали. Плешатый думал, что калека теперь ничего не сделает. Но как только Смелого отпустили, он тут же вырвал из рук Дьявола штык и насквозь проткнул ему брюхо. Штык так и вышел со спины. Беляки сначала рты разинули, а потом опомнились и выпустили семь пуль в Смелого. Но было поздно, Плешатый уже издыхал.

Два дня лежал Смелый на острове. И только воронье кружилось над ним. Ночью приплыл на остров сын Смелого и захоронил батьку. А чтобы беляки могилу не раскопали, сровнял ее с землей. И подался добровольцем к красным. На фронте познакомился с санитаркой и женился на ней. Он был уже красным командиром. А потом бандиты убили сына Смелого. Он воевал в коннице Котовского. Сам Котовский шел за его гробом и нес на подушке ордена. Храброго человека хоронили.

А жена с мальчонкой уехала в Ленинград и там жила. Вырос у нее сын; очень, говорят, был похож на отца и деда. И такой же оказался смелый. Летчиком стал. Ленинград защищал в эту войну. Про него весь фронт знал. Во всех газетах писали. А фрицы, заметив его в небе, шарахались в разные стороны. Классный летчик был. Сбил фашистов видимо-невидимо. Кончилась война. Живыми остались летчик и его жена. После войны у них родился сын. Летчик стал испытывать новые самолеты. И однажды, как Чкалов, разбился насмерть. Ему Героя Советского Союза присвоили. Генерал авиации в газете об его подвиге написал. Жена летчика через месяц померла. Она после голодовки в Ленинграде больная была. Что ты хочешь, в войну им в день по сто граммов хлеба выдавали. А тут еще такое горе... Остался их сын один. Бабушка его померла еще в войну. В блокаду. Есть у него родня в нашей деревне, только он ее и в глаза-то не видел. Похоронил мать и прямо с кладбища куда-то ударился. Бросил квартиру и все такое. Лет шесть ему тогда было. Искали-искали его с милицией, да так и не нашли. Город громадный. Пропал мальчонка. Может, с горя в реку сиганул? Или под трамвай? Сколько ему тогда было, дурной еще...

— Живет где-нибудь, — сказал я.

— Наверное, и фамилию свою забыл.

— Ты помнишь, что делал в шесть лет?

Коля почесал переносицу, подумал.

— Меня бык хотел забодать, — сказал он.

— А я, когда был маленький, в городе заблудился, — сказал я. — Еле нашли.

— Ищем могилу Смелого... Никаких следов нет — вот беда!

— У вас есть потайной ход, — сказал я. — Или с острова прыгаете? Вниз головой?

— Ушлый... — усмехнулся Коля. — Чего меня пытаешь? У Сороки спроси...

— Он у нас за главного?

— Президент, — сказал Коля.

— Хорошо, что еще не король...

— Не такой президент, который у американцев и у других капиталистов, а наш... Сорока скажет — закон. Все будет сделано. Его все слушаются.

— Кто это — все?

— Наш директор с Сорокой советуется.

— Поглядеть бы на вашего Сороку. Или все время на острове прячется?

— От кого ему прятаться?

— Гарик с ним хочет потолковать...

— Сорока твоего Гарика пополам сломает!

— Посмотрим...

— Да Сорока...

— А где Вася? — перебил я Колю. Надоело мне слушать про Сороку.

— В Островитине, — ответил Коля.

— Я думал, он ваш, интернатский.

— Рыжий тоже из Островитина...

— Всех к себе принимаете? — спросил я.

— Не всех, — ответил Коля.

Длинному и Рыжему надоело сидеть в лодке. Они вылезли и подошли к нам. Вблизи у Лехи оказалось еще больше конопатин. Они были даже на шее и на ушах. Мальчишки в упор разглядывали меня. Я заметил такую привычку у деревенских ребят — незнакомых в упор разглядывать. Видно, я им не понравился, потому как Рыжий сказал Коле:

— Ну чего ты с ним языком треплешь?

— Про отца узнал? — спросил Темный.

— Подождите меня в лодке, — сказал Коля.

— Как заведешь свою волынку... — сказал Рыжий.

— Отчаливаем, — сказал Темный.

Они пошли к лодке. Коля проводил их взглядом:

— Без меня не уплывут.

Я спросил его, откуда он все знает про Смелого и про остальных.

— Генерал сюда приезжал, — сказал Коля. — На рыбалку. И рассказал нам про летчика. Он служил в его части. И про Смелого генерал слышал. Он просил нас, когда разыщем мальчишку, сразу написать ему. Он в Москве живет.

— Как его разыщете?

— А что, если объявить по радио? — сказал Коля. — Нет, не пойдет. Мы знаем только фамилию. А как звать — никто не знает. Даже генерал. А таких фамилий — тыща.

— Зачем вы его ищете? — спросил я.

— Он наш земляк. А Смелый его прадед. И потом ведь у него никого нет...

— А твои родители... живы?

Коля посмотрел на берег. Темный сидел на корме, а Леха отпихивался веслом от суши.

— Уплывут, черти! — сказал Коля.

— Найдете вы этого парня, — сказал я.

— Человек не иголка, — ответил Коля. Видя, что Леха замахал веслами, он сорвался с места и побежал вниз, к лодке.

— Какое у тебя дело? — крикнул я, вспомнив, что Коля приплыл к нам не просто так.

— Нам твой отец нужен, — ответил он. — Завтра...

Ему пришлось вплавь догонять лодку, Рыжий, не обращая внимания на Колины крики, греб к острову. А Темный, подогнув длинные ноги, сидел к берегу спиной и смотрел прямо перед собой. Ничего не скажешь, серьезные ребята!

Лодка была еще на полпути к острову, когда пришел Гарик. Губы и ладони у него в липком розовом соку. Он в лесу объедался земляникой.

— Чего им тут надо было? — спросил он, кивнув на лодку.

— Разговаривали,

— Нечего с ними разводить толковище, — сказал Гарик. — Надо бить в лоб и делать клоуна.

— Я не умею.

— Научись... — усмехнулся Гарик, глядя на удаляющуюся лодку.

Глава тринадцатая

Рано утром в нашу дверь раздался громкий стук. Гостей мы не ждали, и поэтому я очень удивился: кто бы это мог в такую пору стучать? Еще солнце не взошло, над озером плавал туман, листья деревьев были усыпаны крупными каплями. Все это я увидел в окно, протерев глаза.

— Стучат, — сказала Аленка. Она тоже проснулась. Лишь отец крепко спал, прикрыв лицо краем одеяла. Я решил, не будем будить его. В одних трусах выскочил в сени, отворил дверь.

На пороге стоял незнакомый мальчишка. Высокий, плечи широкие. Лицо загорелое, темно-русые волосы торчали в разные стороны. И еще я заметил на подбородке мальчишки заметную вмятину. Словно там долго лежала горошина, а потом выпала. Мальчишка был весь в грязи. Так и нарочно не вымажешься: светлая куртка измазана до воротника, штаны не разберешь какого цвета. Руки черные. Даже к волосам присохли серые корки. Мальчишка тяжело дышал. Он откуда-то прибежал.

— Ветки есть? — хрипло спросил он. — Или вожжи?

— Не знаю, — сказал я, силясь понять, для чего ему в такую рань понадобились вожжи. Но голова спросонья туго соображала.

Мальчишка быстро осмотрел сени, взгляд его задержался на лестнице, ведущей на чердак.

— А там? — резко спросил он.

— Зачем тебе?

Мальчишка не ответил. Он уже повернулся к выходу, но в этот момент отворилась дверь и на пороге появилась Аленка. Она была в плавках и майке. Увидев мальчишку, она ахнула и спряталась за дверь. Но тут же высунула растрепанную голову.

— Кто это? — воскликнула она.

— Мне нужны веревки, — сказал мальчишка. — Много веревок.

Аленка не стала спрашивать, зачем ему веревки. Она кивнула на чулан.

— Там, в углу...

Мальчишка рванул туда. На крюке, вколоченном в бревно, висел порядочный моток толстой пеньковой веревки. Он схватил его и бросился к выходу.

— Что случилось? — крикнула ему вслед Аленка.

— Лось, — коротко ответил мальчишка, сбегая с крыльца.

— И я с вами... — Аленка кинулась в дом. Через минуту она выскочила на крыльцо, одергивая платье. Мальчишка уже был у кромки леса. Я всунул ноги в сандалии и вместе с Аленкой побежал догонять его.

Мальчишка шел напрямик, огибая деревья. Подсохшая грязь отваливалась от его одежды и падала на землю. Он не замечал этого. Он забыл и про нас. За все время пути ни разу не оглянулся. Мы старались не отставать. Кустарник сбрасывал на нас холодную росу. Аленкино платье промокло и облепило ноги. Я только сейчас заметил, что иду в трусах. Колючие ветви царапались.

— Где этот лось? — спросила Аленка.

Я не знал, в чем дело, но на всякий случай сказал:

— Убили...

— Кого, Сережа?

— А может быть, ранили, — сказал я.

Мы продирались сквозь лес, наверное, с час. Но вот сосны стали реже встречаться. Все больше березы и осины. Почва под ногами стала дрожать. Несколько раз я угодил ногой к ржавую воду. Наконец деревья кончились. Впереди одни кусты и покрытые мхом кочки. Мальчишка пошел тише. Он прыгал с кочки на кочку. Один раз Аленка вскрикнула. Она выше колен провалилась в болото. Но тут же, уцепившись за траву, выкарабкалась. Теперь мы шли след в след, переставляя ноги с кочки на кочку. Шли по огромному притихшему болоту. Впереди поблескивали небольшие болотные окна. Кочки пружинисто опускались под ногами, пищали и квакали, вокруг них выступала мутная пахучая жижа. Она пузырилась.

И вдруг мы услышали стон. Аленка остановилась.

— Он умирает! — скизала она.

— Кто? — спросил я.

— Я не знаю.

Мальчишка скрылся за приземистым кустом, усыпанным черными волчьими ягодами. Мы осторожно двинулись дальше. И снова горестный стон раскатился по болоту. И сразу тишина. Недалеко от нас взмыли в небо какие-то две длинноногие птицы. Резко закричав, они снизились и исчезли в болотной траве. В том месте, где должно взойти солнце, засверкали зарницы. Через несколько минут оно покажется.

Мальчишка стоял на двух кочках, широко расставив ноги. Когда мы приблизились, то увидели лося. Вернее, не лося, а одну огромную рогатую голову. Болото засосало лесного великана. Кочки вокруг были забрызганы черной грязью. Лось боролся с болотом, но безуспешно. Сломанные пополам молодые березы лежали по обе стороны лося. Это мальчишка, по-видимому, пытался их просунуть под него. Как попал лось в болото? Кто загнал его сюда на верную гибель? Эти вопросы просились с языка, но мы с Аленкой молчали. Мы смотрели в глаза лосю и молчали. Опоздали! Теперь никакая веревка не поможет. Если бы лося не засосало так глубоко, все равно веревкой его не вытащишь. Не выдержит неревка, да и такой силы нет, чтобы вытащить лося. Разве что подъемным краном.

Лось больше не стонал. Борода его касалась черной жижи. Огромные коричневые глаза влажно блестели. На отростках великолепных рогов запеклась кровь. Ноздри раздувались. На крепкой напряженной шее билась жилка. Мы не могли оторвать глаз от лося. Вот он раскрыл пасть и тяжело, со стоном выдохнул воздух. Он долго не закрывал пасть. В глазах лося такое страдание, что у меня запершило в горле. Голова не двигалась. Жили одни глаза. В них были и ум и безнадежность. Лось знал, что умирает. Я сначала не обратил внимания, а потом заметил, что борода уже наполовину скрылась в грязи. И жилка чуть заметна стала. Она билась уже в жиже. Болото медленно и безжалостно вбирало в себя лося. Ресницы животного вздрагивали. Он не смотрел на нас.

Лось смотрел мимо, туда, где величаво поднималось над лесом солнце. Равнодушное, жаркое светило. Он смотрел на солнце, не прикрывая ресницами глаза. В черных зрачках отражалось сразу несколько солнц, Лось прощался с лесом, солнцем, жизнью.

Я услышал негромкое всхлипывание. Аленка плакала за моей спиной. Все громче. Мальчишка стоял, низко наклонив голову. Бесполезная теперь веревка висела на его плече.

Ноздри лося коснулись жижи, вздулись и сразу лопнули черные пузыри. Голова дернулась назад, лось фыркнул, белки глаз налились кровью. Таким я и запомнил его на всю жизнь. С задранными ноздрями, широко раскрытыми глазами, в которых ужас. Затем болото чавкнуло, немного раздалось в стороны, и голова исчезла. Отросток рога прочертил короткую линию и тоже пропал. Болото сыто рыгнуло, на поверхность волнующейся жижи выскочило несколько больших волдырей и с тихим звоном лопнули. И все.

Мы возвращались домой. Впереди мальчишка, за ним Аленка, последним я. У Аленки заплаканные глаза, то и дело вздрагивали плечи. Мне самому не по себе. Впервые в жизни я видел смерть такого большого и сильного животного.

Мальчишка рассказал, что лося загнали в болото охотники. Он их не видел, но подозревает, что нездешние. Свои бы не погнали. И дурак знает, что из этого болота курицу не вытащишь, не только лося. Это работа приезжих. Едва занялась заря, как послышались выстрелы, крики. Он на моторке примчался на наш берег, а оттуда напрямик побежал к болоту, откуда доносился шум. Когда прибежал, никого не было. На краю болота валялись две гильзы и пустая пачка от «Казбека». Охотники ушли. Услышав стон, он пробрался к лосю. Охотники

идти по болоту не решились. Лось тогда был в жиже по брюхо. Его можно было спасти, если бы ребята подоспели с веревками. Он наломал, сколько мог, не очень толстых березовых лесин и стал их просовывать лосю под брюхо. Лось был умный, он поджимал живот, чтобы палки легко проходили, но пока мальчишка бегал за веревкой, болото сделало свое дело; лесины не выдержали тяжести, сломались. Мальчишка и сам один раз провалился и чуть не пропал, но за лося уцепился и выбрался. Это самое опасное место. Называется Черная Падь. Лось ни за что бы сюда не кинулся, если бы его не ранили в плечо. Это он с перепугу.

— Как он смотрел на нас, — сказала Аленка.

— Лосей запрещено бить, — сказал мальчишка. — И вообще охота на лосей — это бойня. То же самое, что убить корову. Они ручные, лоси. Сколько раз зимой приходят в деревню, когда за ними волки гонятся. Думают, что люди добрее... Прошлой зимой шесть лосей жили в колхозном коровнике. Три дня. А потом, когда морозы ударили, ушли в лес.

Он рассказывал на ходу, не оборачиваясь. Нам с Аленкой приходилось идти вплотную за ним. Иначе ничего не слышно. Вдруг он остановился: я даже налетел на него. Повернулся к нам, лицо злое, глаза сузились.

— Я бы этих охотников... — Он отвернулся и, помолчав, добавил: — Разве это люди?

Мы услышали гул мотора. Над лесом низко прошел вертолет. Солнечные лучи облили его, казалось, что вертолет объят огнем. Мальчишка, сощурившись, долго смотрел вверх. Вертолет скрылся за деревьями.

— Поздно, — сказал мальчишка.

Уж не думает ли он, что вертолет тоже полетел лося спасать?

У большого муравейника мы повстречали ватагу ребят. Это с острова. Среди них я увидел Колю, Темного, Рыжего. В руках у ребят длинные шесты, веревки. Они спешили к болоту. Увидев нас, остановились. Мальчишка, который шел с нами, махнул рукой: дескать, все кончено.

— А эти... укатили? — спросил он.

Темный вышел вперед и сказал:

— Проехали «Москвич» и «газик». В «газике» сидел директор совхоза с портфелем. В «Москвиче» — трое. Один в шляпе. Охотники.

— Номер запомнил? — спросил мальчишка.

— Такую пылицу подняли...

— Я спрашиваю про номер.

— Не разглядел, — виновато ответил Темный.

Мальчишка хотел что-то сказать, но, взглянув на нас, смолчал.

— Я сообщил летчикам, — сказал Коля Гаврилов.

— На остров, — скомандовал мальчишка. И вся ватага двинулась к озеру, где стояла моторка.

Мы с Аленкой отстали от них. На острове нас не ждут. Зато на тропинке поджидал Рыжий.

— Сорока велел отдать, — сказал он, протягивая моток веревки.

Вот кто постучал к нам в дверь рано утром. Сам Сорока — Президент Каменного острова.

Глава четырнадцатая

Мы с отцом умывались на берегу, когда подошел Вячеслав Семенович. Он только что вернулся с рыбалки. В резиновой лодке лежали две щуки и спиннинг. Майка в рыбьей чешуе. Видно, щуки не сразу дались. Поговорили о погоде, о событиях за рубежом.

Вячеслав Семенович сказал, что ему здесь очень нравится. Но, мол, пора и честь знать. Он обещал жене показать Таллин и Ригу. Дни летят, а отпуск не резиновый. Но с неделю еще поживут здесь. Гарик тоже влюбился в озеро. Готов жить здесь все каникулы... Тут я подумал, что Гарик влюбился не только в озеро...

— Родственников разыскали? — спросил отец.

— Встречались, — коротко ответил Вячеслав Семенович.

Он пригласил отца на рыбалку. Я думал, отец откажется. Но он согласился. Я даже немного обиделся на него: сколько раз уговаривал — так ни разу с нами и не выбрался, а тут без разговоров.

Когда Вячеслав Семенович ушел в палатку, я сказал отцу, что к нему приходили мальчишки из интерната.

— Знаю, — ответил он.

— И Сороку знаешь? — спросил я.

— Хороший парень!

Вот так новость! Отец лучше нас знает, что вокруг творится.

— Сидят, как сычи, на острове и в детские игры играют.

Отец растер полотенцем грудь, посмотрел на меня:

— А ты был у них на острове?

— Мне и отсюда видно, — сказал я.

— Не знаешь, а говоришь... По-моему, это прекрасные ребята, и тебе не мешало бы с ними поближе познакомиться.

— Уже познакомились...

— Есть такая пословица: в чужой монастырь не лезь со своим уставом.

— Зачем они к тебе приходили? — спросил я.

— Приглашают в гости... — улыбнулся отец.

Залаял Дед. Я по голосу определил, что на крыльцо вышла Аленка. Она была в купальнике, на плече зеленое мохнатое полотенце. Дед подскочил к ней и попытался вцепиться в полотенце. Он любил с тряпками играть. Ухватит за один конец и тянет что есть силы. Меня он запросто перетягивал. Аленка легонько хлестнула Деда полотенцем по носу. Он обиделся и отошел от нее. Кажется, моя сестренка не в духе. Как говорится, не с той ноги встала. Она спустилась к озеру и пошла вдоль кромки к камышам. В одиночестве решила Аленка выкупаться.

Из палатки вышел Гарик, посмотрел Аленке вслед и, сбросив штаны и майку, устремился к озеру. С ходу бухнулся в воду и поплыл. Отец пошел бриться, а я остался на берегу раздумывать: выкупаться или подождать, пока вода станет теплее.

Раздался громкий всплеск. Аленка шлепнулась в воду. Дед сорвался с места и с лаем бросился в камыши. Поплыл Аленку спасать.

На озере показалась незнакомая лодка. Длинная и черная, словно ее только что в дегте выкупали. За веслами сидела кепка. Огромная, как аэродром. И в клеточку. Я даже подумал, не Олег ли это Попов? Я его видел в цирке, у него точно такая же кепка. Когда лодка подплыла поближе, оказалось, что под кепкой прячется мальчишка в широких черных штанах. Мальчишка не спеша греб, и когда он смотрел по сторонам, его величественная кепка медленно поворачивалась то в одну, то в другую сторону.

Гарик, заметив лодку, поплыл к ней наперерез. Мальчишка равнодушно смотрел на него. Но когда Гарик попытался схватиться руками за борт, мальчишка лениво замахнулся веслом. Гарик сразу отскочил. В камышах послышался ядовитый Аленкин смех. Минут пять Гарик плыл рядом с лодкой и о чем-то разговаривал с мальчишкой. Я не слышал, что ответил мальчишка, но когда его кепка качнулась вниз-вверх, Гарик наконец вскарабкался на лодку.

Мальчишка отпустил весла и стал слушать Гарика, который, размахивая руками, что-то ему заливал. Вот Гарик пересел с кормы поближе и, смеясь, хлопнул его по плечу. Мальчишка подкинул кепку повыше и тоже хлопнул Гарика. Они сидели рядом и хлопали друг друга по плечам. Мальчишка тоже начал скалить зубы. Скоро, запрокинув голову и одной рукой поддерживая кепку, он басовито хохотал на все озеро.

Вот он развернул лодку и стал грести к нашему берегу. Уговорил его Гарик. Мне захотелось поближе поглядеть на этого смешного мальчишку в огромной кепке. Они, все еще смеясь, вылезли из лодки.

— Федя Губин — замечательный человек! — сказал Гарик. — Расскажи, как старуха белье стирала?

— Неохота, — ответил Федя, разглядывая меня. — Он все знает, — сказал Гарик.

— Все, — подтвердил Федя.

Вблизи он оказался еще смешнее. У него толстые губы. Особенно нижняя. Кепка прикрывала его словно зонтик. Федя поминутно вскидывал головой, как боевой конь, и кепка немного отваливалась назад. Тогда можно было разглядеть глаза и нос. Глаза у Феи небольшие, голубые. Нос широкий и толстый книзу — этакая увесистая дуля. Грудь широкая — плечистый парень. Ростом немного пониже Гарика.

— Он здесь главный рыбак, — сказал Гарик. — Знает все лучшие места.

Федя кивнул кепкой: мол, так говоришь. Правильно.

Я вспомнил, что мне толковал Коля про одного мальчишку. Это тот самый...

— Я знаю, кто ты, — сказал я.

Федя с любопытством взглянул на меня.

— Кто?

— Гриб, — сказал я.

Федя насупился, секунду молча смотрел на меня. А потом внушительно сказал:

— Я могу те и по уху врезать. С гарантией, что на своих двоих не устоишь.

— Я думал, это фамилия...

— Один думал-думал, да взял и помер, — не совсем понятно сказал Федя.

— Бедняга, — сказал я.

— Показать мою лодку? — перевел Гарик разговор на другое.

Федя кивнул, кепка свалилась на глаза. Он рывком подбросил ее на затылок. Пока Гарик бегал за лодкой, мы помолчали.

Феде резиновая лодка не понравилась.

— Одно баловство, — сказал он. — Чуть волна — и к ракам в гости.

— Чудак, она не тонет!

— Мне такая и даром не нужна, — сказал Федя.

— Сергей, завтра на зорьке рванем за лещом. Федя такое место знает...

Гриб неодобрительно взглянул на Гарика.

— Насчет евоной кандидатуры уговору не было.

— Плакать не буду, — сказал я.

Гарик подмигнул — дескать, лучше помолчи: все уладится.

Мне, конечно, хотелось за лещами отправиться, но и кланяться этому Грибу я не стал бы. Нацепил на голову аэродром и задается. Подумаешь, великий рыбак!

— Я подумаю, — важно сказал Федя и улыбнулся. Он стал еще смешнее, чем раньше. Нижняя губа отвисла и сделалась треугольной. А толстый нос приподнялся. Такой улыбке любой клоун бы позавидовал. Глядя на Гриба, и я заулыбался, а потом и Гарик.

— Какие там лещи? — спросил Гарик.

— Лапти, — ответил Федя. — Аж тащить страшно.

— Какого червя копать?

— Белого, — подумав, ответил Федя. — Да мы и без червя навалим пол-лодки рыбы... — Он поглядел на остров. — Только бы этот не помешал...

— Сорока? — спросил я.

— Мужики давно хотят ему бока обломать... Попробуй достань его на острове.

— У нас тоже на него зуб, — сказал Гарик.

— Если бы я знал, где вход на остров, — сказал Федя. — Президенту конец! Мы бы его оттуда со всей оравой в два счета выкурили. И летчики бы не помогли...

— Летчики? — спросил я.

— Дружат они с детдомовскими... Шефы, что ли?

— Приложил бы я этому Президенту! — сказал Гарик. — Руки чешутся.

— Я бы тоже, — сказал Федя.

У меня руки не чесались. Я человек миролюбивый и драться не люблю. Конечно, если на меня кто-нибудь нападет и первый ударит, я не стерплю. Но пока на меня никто не нападает. А Федя и Гарик пускай дерутся с Президентом, если у них руки чешутся.

— Солнце взойдет — вы на берег, — предупредил Гриб. — Последнее это дело — ждать и догонять...

— Сколько удочек брать? — спросил Гарик.

— Не надо удочки — путаться только будут.

— Как же ловить будем? — удивился он.

— Будем, — сказал Федя. — Помогите лодку столкнуть.

Он забрался в лодку, а мы с Гариком спихнули черную посудину в воду. Федя спрятался под кепку и опустил весла.

— Я тебя буду Гришкой звать, — сказал он.

— Хоть Кузьмой, — ответил Гарик. — Только покажи, где лещей брать можно.

— Без промашки, — сказал Федя. — На этом озере я еще без штанов начал рыбалить.

— Вот тип, — сказал я, когда он уплыл.

— Комик, — усмехнулся Гарик.

— К нам чуть свет Сорока приходил...

Гарик повернулся ко мне.

— Сорока?

— Мы лося ходили спасать... Только он погиб. Засосало в болоте. Аленка до сих пор не может

успокоиться.

Я рассказал ему, как умирал лось.

— Я бы этих охотников... — Гарик скрипнул зубами. — К стенке!

У него сейчас лицо было точно такое же, как и у Сороки, там в лесу.

— А Президенту я все равно фотокарточку попорчу, — сказал Гарик.

— Это еще бабушка надвое сказала, — ответил я. На вид Сорока ничуть не слабее Гарика.

— Не смог лося спасти, — сказал Гарик.

Глава пятнадцатая

Солнце взошло над озером, а Гриба все еще не было. На кустах испарялась роса. Неподалеку от берега раздавались всплески. Играл крупный окунь. У другого берега в камышах смутно вырисовывалась лодка. Рыбак в ватнике и зимней шапке сидел к нам спиной. Казалось, он спит. Там, где из воды торчали сваи, стлался пар. Создавалось впечатление, будто кто-то в снег наторкал черные головешки. Еще не обсохшие от ночной росы стрекозы неуверенно летели над водой. Гарик молча ходил по берегу. Он нервничал. У самой воды лежали наши удочки, банки с червями. Червей мы накопили еще с вечера.

Утро было прохладное, и хотя мне смешно было смотреть на рыбака в зимней шапке, одеться потеплее не мешало бы. Гарик надел зеленые парусиновые штаны и фланелевую рубашку. Он тоже ежился от холода. Скоро поднимется солнце повыше и станет жарко. Придется все с себя стаскивать.

Дед лежал на крыльце, уткнув морду в лапы. Деду тепло. У него шуба.

Солнце медленно поднялось над лесом. Пять часов. Мы встали с Гариком в четыре. Ждем Федьку Гриба. А он что-то не спешит. Или спит без задних ног, или один уплыл. Пожалел показать нам заветные лещовые места.

Несколько раз подряд плеснуло у самого берега. Я даже успел заметить, как чиркнули по воде красноватые плавники. Окунь малька догоняет.

— Закинем? — предложил я.

И тут из-за осоки показался черный нос Федькиной лодки.

— Я в людях редко ошибаюсь, — сказал Гарик, повеселев.

Гриб прыгнул с лодки, за руку поздоровался с нами. Сначала с Гариком, потом со мной. К штанам присохла сизая рыба чешуя. Гриб выглядел заправским рыбаком.

— Проспал? — спросил Гарик.

— Это вы, городские, долго дрыхнете, — сказал Гриб. — А мы народ привычный... На рыбалке я могу два дня не есть, не пить и две ночи не спать. А может, и больше смогу. Не пробовал.

— Говорил, будешь на месте, когда солнце взойдет... — сказал я.

Гриб даже не посмотрел в мою сторону. Он взял банку с червями, заглянул туда и небрежно отложил в сторону.

— Квелые, — сказал он.

— Чего мы ждем? — спросил Гарик.

— Не знаю, — сказал я.

— Хотите лещей? — спросил Федя.

— Шутник, — усмехнулся Гарик.

— Уговор — во всем слушаться меня, — сказал Федя. — Тогда будут лещи... Я вам нынче покажу настоящую рыбалку!

— Чего же мы стоим? — воскликнул Гарик.

— По коням! — скомандовал Гриб.

Мы забрались в лодку и поплыли. Греб Гарик. Гриб сидел на корме и командовал:

— Левее, еще чуток... Так держать! Теперя правым гребь. Вот так. Не маши веслами-то... Не видишь, одно поперек стало?

Я удивлялся Гарику. Он беспрекословно подчинялся Федьке. Это на него не похоже. Гарик сам любит командовать. Видно, очень уж захотелось ему поймать двухкилограммового леща и похвастаться перед Аленкой. Я еще ни разу леща не поймал. Подлещики были, а лещи почему-то стороной обходили мой крючок. Лещ — рыба осторожная, и ее на дурака не возьмешь.

Я предложил Гарику сменить его, но он не отдал весла. Мыплыли иплыли, а конца нашему пути все не видно.

Остров остался позади. Солнце ярко освещало его. Блестели зеленые иглы на соснах и елях. Блестел желтый песок. Взглянув на остров, Гарик нахмурился. Пролетели две большие утки.

— Какую крякушку позавчера шлепнул! — похвастался Федя.

— Охота запрещена, — сказал я.

— Для кого запрещена, а для меня нет... Я на этом озере родился и вырос, кто мне запретит?

— Поймают...

— Еще тот на свет не родился, кто пымает Федьку Губина, — с бахвальством произнес Гриб.

— Где ты достал такую замечательную кепку? — спросил я.

— Нравится?

— Еще бы!

— Один человек подарил... Питерский. Приезжал сюда рыбалить. Я ему одно такое место показал.

— Мы туда едем? — спросил Гарик.

— Тот, питерский, взял там за полдня пятнадцать килограммов. Лещи и окуни. И рыба одна к другой. Крупная! Ну, он и подарил мне эту кепку. Носи, говорит, Федя, с гордостью, ты заслужил ее. Так и сказал. Я, малыцы, думаю, это знаменитая кепка. У нас в деревне ни у кого такой нет. Сам председатель сельсовета интересовался, где я такую откопал. Видно, понравилась ему.

— Редкая фуражечка, — сказал я. — Олег Попов и тот бы позавидовал.

— А кто это?

— Великий человек, — сказал я. — Верно, Гарик?

— Попов? Известная личность, — подтвердил Гарик.

— Этот тоже, видать, шишка... На собственном «Москвиче» приезжал.

Остров заслонил наш дом, а мы все плыли. У Гарика на лбу выступил пот. Гриб спрятался под своей знаменитой кепкой и дремал. Озеро раскинулось перед нами на много километров. В одном месте оно суживалось. Когда мы вошли в горловину, Федька открыл один глаз и сказал:

— Якорь!

Я поднял со дна рогатую тележную ось и бросил за борт.

— Очумел? — заорал Гриб. — Кто так кидает? Тихонько надо, голова ни одного уха!

— Ну что ты на самом деле?! — возмутился и Гарик.

— На рыбалке должно быть так: пролетела стрекоза — слышно. А ты полупудовую железяку запузырил так, что черти на том свете и то слышали. Рыба любит тишину, понял?

Не нарочно ведь! Уж так получилось. Вырвалась у меня из рук эта штуковина. Я молча выслушал упреки. Но это было только начало. Не успели мы забросить удочки, как Гриб снова начал пилить меня:

— Ушла теперь рыба... Эх, ты, капустная кочерыжка!

Мне хотелось хлестнуть его удочкой по громадной кепке: ишь разошелся! Может быть, тут и не было рыбы?

— Подымай якорь, — распорядился Федя. — И в другой раз — гляди!

Мы отплыли от этого места подальше и снова встали на якорь. На этот раз я так опустил железяку, что даже не булькнуло. Но Федя все равно остался недовольным.

— Еле поворачиваешься! Пока якорь опускал — на пять метров от ямы отнесло.

Хуже нет — ловить рыбу со старшими на одной лодке. Орут, замечания делают на каждом шагу. То одно не так, то другое не этак. То ли дело с Аленкой. Там я голова: что скажу, то она и делает. А когда надо — и прикрикну. Только я зазря не кричу, я человек справедливый.

На новом месте тоже не клевало. И опять виноватым оказался я.

— Рыба, она за десять верст слышит, — разглагольствовал Гриб. — Она брюхом чует. Принимает колебания.

Гарик хмуро поглядывал на него. Но пока помалкивал.

— Лопнула рыбалка, — сказал я. — Рыба дна дня будет очухиваться от нашего якоря...

— Попробуем в другом месте, — сказал Гриб.

И в другом месте не клевало. Рыба будто сговорилась. Даже ерши-малыши не дергали. Федя равнодушно глядел на поплавок, сделанный из пробки и гусиного пера. Кепка его съехала на самые глаза.

— Где же лещи? — мрачно спросил Гарик.

— В озере, — бодро ответил Федя. — Гуляют, родимые.

— А твои места?

— Отошла, — невозмутимо ответил Гриб. — Не все же время рыба стоит на ямах? Знаешь, какая там глубина?

— Мне на глубину наплевать, — разъярился Гарик. — Мне рыба нужна. Гони назад ножик!

— Не ори, — насупился Гриб. — Не то веслом огрею... Со мной, парнишка, на озере шутки плохи. Я вас не звал на рыбалку. Сами напросились. Что я, колдун какой? Ну, не берет нонче, а завтра будет брать. Раз на раз не приходится. Спроси у других рыбаков... А ножик не отдам, хоть лопни. Он мне и самому пригодится. Дареное назад не отдают. Иль у вас в городе наоборот?

— Веслом огреет?! — Гарик даже приподнялся со своего места. — Ты слышал, Сережка, что он сказал?

— Не глухой, — ответил я. Мне было интересно, чем все это кончится: подерутся или нет? А здорово, если бы они подрались. Трудно сказать, кто из них сильнее. Оба здоровенные.

— Я таких, как ты... — сказал Гарик. — Да я на ринге работал с такими мальчиками... Я тебя одним пальцем ткну...

— Ткни, — сказал Гриб и тоже приподнялся. Кепка свалилась ему на глаза, и он, вместо того чтобы по привычке подбросить ее вверх, снял и аккуратно положил на сиденье. У Феди была продолговатая голова с выступом на затылке. Волосы взлохмачены. Сразу видно, что Федя с гребешком не дружит. Цвет волос и не определишь: что-то между коричневым и русым. Поперек лба морщина. Она делала Федю взрослее.

— Я тебя как котенка... — Гарик оттолкнул меня и двинулся к Феде. Но мне некуда было деться, и я, чуть отодвинувшись, снова оказался между ними.

Гриб оттолкнул меня и сделал шаг навстречу Гарику. Я снова отодвинулся и опять оказался между ними. Я сидел, а они стояли. Я видел только их ноги и животы. Ногами они почему-то пинали меня. Сначала один, потом другой. И наконец сразу оба. Еще хорошо, что босиком.

— Какой ты рыбак... — гремел надо мной Гарик.

— А ты думал, тюря, лежи тебе в лодку будут прыгать? Шире рот разевай! Кто же на озере орет как оглашенный, дурная твоя голова ни одного уха? орал Гриб.

— Ты мне про весло и не заикайся! Как будто я весло в руках не умею держать...

— Не надо было этого брать, — глянул на меня Федя. — Была бы рыба.

— Ты, Сергей, как будто первый раз на озере? — уставился на меня и Гарик. — Гремишь, как черт знает кто...

— Кочерыжка! — обозвал меня Федя.

— А где мои черви? — спросил Гарик.

Во время их возни одна банка с червями упала за борт.

— Утонула, — сказал я.

— Сидел бы ты лучше на берегу...

— Лезут тут всякие в лодку, — сказал Федя.

До драки не дошло. Они еще минут пять костерили меня. Я терпел, ничего не поделаешь. Только раскрой рот — могут дать и по шее. Особенно этот Гриб. Врезал бы я ему по губе, да боюсь, из лодки выкинет. А до берега далеко.

Сорвав на мне зло, они стали ругаться потише, а потом совсем перестали. Выдохлись. Сначала уселся Гарик, потом Гриб. Федя велел мне грести.

Я безропотно взялся за весла. Я думал, что надо к берегу, но Федя приказал грести дальше к мысу, который далеко вдавался в озеро. На мысу белела большая береза. На нее и велено было мне держать.

Я старался изо всех сил. Гарик ничего, а Федя морщился, глядя на меня. На минутку отпустив весла, я содрал с себя рубаху. Они с завистью посмотрели на меня, но раздеваться не стали. Из упрямства. Солнце припекало все сильнее. Первым не выдержал Гарик. Глядя на березу, до которой было еще далеко, он сказал:

— Кто-то кусает в лопатку... Серега, посмотри.

Быстренько сдернул с себя рубашку и майку. Я даже и смотреть не стал: никто его не кусает.

— Думал, клещ, — сказал Гарик.

Федя, сощурившись, поглядел на солнце, потом стал щупать свою рубаху.

— Весной покупали, а гляди — уже выгорела!

И, покачав головой, тоже разделся. Рубаху спрятал в корзину. Заметив мою усмешку, взял кепку и надел. Теперь он сидел как под зонтиком.

За мысом мы остановились. Федя вдруг стал очень серьезным. Огляделся по сторонам и вытащил из корзинки небольшую банку, из которой торчал черный шнур, напоминающий электрический провод.

— Бомба, — шепотом сказал Федя. — Сам сделал. Это я из-за нее задержался.

Мы с Гариком опасливо посмотрели на бомбу. Мне сразу и в голову не пришло, для чего она предназначена. Гриб нагнулся и стал смотреть в воду. Я тоже посмотрел: ничего не видно. Верхний слой прозрачный, а глубже чернота.

— Рыба ходит, — уверенно сказал Федя. — Удочка — детская забава. Вот эта штука кашляет — рыбу лопатой будем огребать!

— А мы как? — на всякий случай спросил я. — Чем нас будут огребать?

— Замри, понял? — сказал Федя.

— А как она... — кивнул на бомбу Гарик. — В руках не рванет?

— Дрейфишь — иди на берег.

— Не в этом дело, — сказал Гарик. — Я не знаю, как эта штука действует.

— Охнет — будь здоров, — сказал Гриб. — Успевай только рыбу таскать. Вот что, мальцы, штаны долой. Как рыба пойдет наверх, так все за борт. Крупную хватайте в первую очередь. Она быстро отходит.

— Сильный заряд? — спросил Гарик.

— Говорю, кто боится — жмите на берег, — ответил Федя.

— Не в этом дело, — сказал Гарик.

Я с тоской посмотрел на жестяную банку. Может быть, и правда, пока не поздно, податься на берег? Гарик останется. Из гордости. А одному уходить неудобно. Струсил, скажут. Федя между тем достал из кармана спички.

— Рот надо открывать? — спросил я. Где-то я вычитал, что, когда что-нибудь взрывается рядом, нужно обязательно рот раскрывать. Вот только зачем — я забыл.

— Лучше будет, если ты свою коробку закроешь и больше не будешь раскрывать, — заметил Гарик.

Федя, насупившись и отвалив нижнюю губу, возился со шнуром. Все дальше запихивал его в банку.

— Порох? — спросил Гарик.

Федя кивнул.

— Да сними ты свою дурацкую кепку! — сказал Гарик. — Ведь не видишь ни черта!

— Вижу, — ответил Федя.

И вот все готово. Гриб поднес спичку к шнуру, и он зашипел, выбрасывая тоненькую, как иголка, струйку огня.

— Штаны сняли? — спросил Федя, держа банку на отлете.

— Бросай! — заорал Гарик.

— Сейчас, — сказал Федя и посмотрел за борт. — А может, туда лучше? — кивнул он на другую сторону. Шнур между тем негромко шипел, распространяя ядовитую вонь.

— Кому говорю, бросай! — Гарик вскочил на ноги.

Я подумал, что он сейчас сиганет в воду. В штанах. А еще неизвестно, где хуже, в воде или на лодке.

— Сюда лучше, — сказал Федя и не спеша кинул банку с вонючим шипящим шнуром. Банка камнем пошла на дно. Вода забурлила. Мы, затаив дыхание, смотрели на воду. Медленно расходились круги.

— Чего орал? — сказал Фодя. — Мне не впервой. Она замедленного действия...

И тут бабахнуло! Столб воды поднялся метра на два. Вода закачала нашу лодку. Остро запахло порохом.

— Сработала, холера! — заулыбался Федя. — Жди, мальцы, рыбу... Сейчас попрет!

И рыба пошла. Сначала из глубины показались мальки. Много, не сосчитать. Они, вяло покачиваясь, шли и шли из глубины. На поверхности оставались и белели неподвижные и маленькие. Кое-где показалась плотва граммов на двести. Кверху брюхом выплыл подлещик, второй, за ним щуренок.

— Я буду за вас подбирать? — спросил Федя.

Гарик посмотрел на меня, потом на рыбу.

— Нечего подбирать, — сказал он. — Мелочь пузатая.

— Щука!

И верно, неподалеку от лодки показалась большая рыбина. Она пыталась перевернуться с брюха на спину. Плавники ее лениво шевелились.

— Уйдет! — заорал Гриб.

Гарик нехотя сбросил штаны и перевалился через борт.

— А ты чего сидишь?

Пришлось и мне лезть в воду. Вдвоем с Гариком мы плавали вокруг лодки и подбирали оглушенную рыбу. Она все еще шла со дна.

— Полундра! — вдруг завопил Федя. — Президент шпарит на моторке!

Мы, не сговариваясь, поплыли к берегу. Оглушенная рыба тыкалась головами и хвостами в наши животы, плечи, но мы не обращали на нее внимания: скорее бы до берега! У меня было такое ощущение, словно кто-то вот-вот должен за пятки схватить. Выскочив на песчаный мыс, мы услышала приглушенный рокот мотора.

— Лодку сховаем в кусты, а сами в лес! — командовал Гриб, налегая на весла.

Затолкав лодку в прибрежный кустарник, мы вслед за Федей припустили в лес. А рокот мотора все громче за нашей спиной.

Глава шестнадцатая

Тяжело дыша, мы уселись под сосной и в просвет между деревьями стали смотреть на озеро. Кусты у берега были густые, разросшиеся, и мы надеялись, что лодку не найдут. Моторка выскочила к мысу. Широкий пенистый след волочился за ней. На носу с биноклем в руках стоял Сорока. Он смотрел в нашу сторону. Нас он, конечно, не видел. Кроме него, на лодке были еще человек пять. Среди них я узнал Колю Гаврилова, Леху и Темного. Мотор заглох, и лодка, сбавив ход, обогнула мыс и закачалась на том самом месте, где мы бросили бомбу. Даже отсюда было видно, как белеет на поверхности рыба. Сорока перевесился с лодки и ухватил за хвост одну порядочную рыбину.

— Нашу щуку сграбастал, — негромко сказал Гриб.

— Черт с ней, со щукой, — пробурчал Гарик. — Лодку бы не увел.

— Найдет — пиши пропало! — сказал Федя. — Не отдаст.

— В другой раз глушить не будешь, — сказал Гарик.

Коля и Леха разделись и прыгнули в воду. Они стали подбирать оглушенную рыбу и кидать в лодку. Сорока поднес бинокль к глазам. Мы еще ниже пригнулись. Президент что-то сказал, и мотор снова зарокотал. Лодка медленно пошла вдоль берега. Головы мальчишек были повернуты в сторону кустов: лодку ищут!

— Засек, гад, — сказал Гриб. Лицо его стало злым, губа поджалась.

Моторка остановилась напротив того места, куда мы спрятали Федькину плоскодонку. Темный и еще один незнакомый выпрыгнули из лодки и по плечи в воде полезли в камыши. Скоро оттуда показался просмоленный нос Федькиной посудины.

— Я подговорю наших ребят — мы с ним рассчитаемся, — сказал Федя.

Мальчишки привязали лодку к цепи, и моторка, развернувшись, понеслась к острову.

Федя вскочил и помахал вслед кулаком.

— Попомнишь, Президент, Федьку Губина! — крикнул он.

Сорока не слышал, что ему кричал Гриб. Он стоял к нам спиной. Мне было смешно смотреть на Федю, подпрыгивающего, как кузнечик. Но тут я вспомнил, что в лодке остались мои удочки, рубаха и штаны, и мне сразу стало не до смеху.

— Куда он лодку погнал? — спросил я.

— Мало ли кто тут рыбу глушил, — сказал Федя. — Мы ничего не знаем. Заховали лодку, а сами пошли в лес...

— А рыба, что в лодке осталась? — спросил Гарик.

— Там наши удочки и одежда, — сказал я.

— Ключи от машины! — Гарик вскочил на ноги. — Остались в штанах... Потеряются — Славка меня... Что же делать?

— Не знаю, — сказал я.

Поглядев на наши расстроенные лица, Гриб немного успокоился. Ему стало легче, что не он один пострадал, а все.

— Бросить бы эту бомбу на остров, — сказал Федя.

— При чем тут бомба? — со злостью сказал Гарик.

— Сходи к ихнему директору, — посоветовал Гриб. — Он скажет — сразу отдадут. Не забудь и про лодку.

— И про штаны, — сказал я.

— Ты знаешь директора, — сказал Гарик, — вот и сходи.

— Мне не отдадут, — убежденно ответил Федя.

— В какую сторону идти? — помолчав, спросил Гарик. Настроение у него совсем испортилось. Федя почесал голову.

— Пешью далековато. Кругом придется.

— Чего мы стоим?

— Спешить некуда, — сказал Федя. — Дай бог, ежели к вечеру домой приползем...

— К вечеру? — в один голос воскликнули мы.

— Озеро-то громадное, попробуй обойти его. Это километров тридцать.

— Не надо было лодку прятать, — сказал Гарик.

— Их пять человек...

— Справились бы, — сказал Гарик. — Я бы один взял троих.

— Языком-то болтать можно... — проворчал Федя.

— А напрямик есть дорога? — спросил Гарик.

— Через лес ближе, — ответил Гриб.

— Айда напрямиком, — сказал Гарик.

— Есть места, где без топора не продерешься, — ответил Федя. — И на медведя можно, естественно, напороться. Тут мишки ого-го какие водятся. В прошлом году я на одного наскочил. Он в малиннике сидел, а я тоже за ягодами сунулся. Как встал на задние лапы — думал, мама родная, концы отдам! Ничего, пронесло. Повернулся топтыгин — да боком в лес. Не тронул, леший. А бывает, начнет, паразит, играть. Обхватит лапами и давай бороться, до смерти может заломать. А то еще лизать любит... Обнимет и лижет своим рашпилем, пока от

тебя мокрое место не останется...

— По дороге пойдем, — сказал Гарик. — Кругом.

— Я из самого Ленинграда шел пешком, и ничего, — сказал я.

— Я могу и напрямик, а как вы голышом?

Гриб был в штанах и даже рубаху успел надеть. А мы с Гариком остались в одних мокрых трусах. Все наше добро уплыло на лодке. Придется голышом шагать.

— А этот Президент, — спросил Гарик, — кто он такой?

— Из интерната, — ответил Федя. — Не нашенский. Без матки и батьки слонялся. Беспризорник. А потом сюда привезли. Два раза убегал, но прижился на нашу голову. После директора самый тут главный. Над интернатскими верховодит. И наших, островитинских, кое-кого переманил. У них там на острове дом, сами построили. Ну и все лето живут в нем. Другие по домам разъезжаются, а у Президента нет дома, вот тут и околачивается со своими дружками. Они его слушаются, как бога. Поглядеть — одна умора, что они творят! За три версты бревна куда-то таскают. Тяжеленные! А что на острове делают — никто не знает. Мы пытали у своих — как воды в рот набрали. Может, ракету какую изобретают?.. Нашим мужикам насолил. Двоим ножом сети порезал и всю рыбу выпустил. Осенью дело было. Не поленился, паразит, нырнул в холодную воду и порезал сеть... Ну, мужики и осерчали. Хотели поймать да поучить маленько, а он ушел. Есть у них потайной ход, да разве найдешь? Охраняют, наверное...

Федя шагал впереди, мы за ним. Дорога узкая, по сторонам лес. Сосны, ели, в низинах ольха, березы и осины. В дорожную пыль зарылись сухие сосновые шишки. Я иногда наступал на них и чуть не вскрикивал от боли. Гарик тоже поднимал ноги как журавль и часто морщился. Эти шишки кололись, как гвозди. Деревья совсем заслонили солнце. В ветвях сияли голубоватые нити паутины. Из чащобы тянуло прохладой. Не прошли мы и с километр, как увидели глухарку. Она сидела на обочине; при нашем приближении смешно подпрыгнула и излетела на ближайшую сосну. Усевшись на сук, стала бесстрашно смотреть на нас красноватым глазом. Глухарка была рябая, хвост веером, шея длинная.

Федя подмял шишку и запустил в глухарку. Птица захлопала крыльями и улетела. А на землю медленно опустилось рябое перо.

— Полпуда потянет, — на глазок определил Федя. — Ружьишко бы сюда!

Потом дорогу перебежал заяц. Он был худой и длинноногий, желто-серого цвета. Одним махом перелетел через дорогу в десяти шагах от нас и скрылся в молодом ельнике.

— Теперь очередь за медведем, — сказал Гарик и даже не улыбнулся. Мне тоже улыбаться не хотелось. Лес все теснее прижимался к тропинке. Когда мы спускались в низину, веяло грибной сыростью и мраком. На буграх лес стоял солнечный, пахло хвоей и смолой. Иногда сквозь стволы виднелся бурелом. И всякий раз мне мерещилось, что это медвежья берлога. Поравняемся, а он и выйдет к нам навстречу. Федя говорит, что лизать будет... Врет, наверное. С какой стати медведь человека лизать будет? Будто человек сахарный.

— Рассказать, как здесь пять лет назад мужика нашли убитого? Шел он под вечер этой самой дорогой...

— Не надо, — попросил я.

— Пускай рассказывает, — сказал Гарик.

— Днем неинтересно, — ответил Федя, посмотрев на меня. — Как стемнеет, во всех подробностях расскажу...

До вечера еще далеко, а потом, может, и забудет Гриб. Не люблю я слушать истории про покойников. Мороз даже по коже дерет. А потом по ночам всякая ересь снится. Аленка один раз слышала, как я во сне кричал.

Километров через пять, когда мы сделали первый привал, я вместе с Федей и Гариком стал на чем свет стоит проклинать Сороку. Из-за него почти голые бредем через глухой лес, а до дома еще так далеко.

Глава семнадцатая

Аленка и отец сидели на новенькой желтой скамейке. Этой скамейки еще утром не было. Без меня сделали. Они о чем-то разговаривали и даже не посмотрели в мою сторону, когда я появился на тропинке. И лишь мой верный Дед обрадовался, увидев меня. Он заулыбался и, виляя хвостом и пританцовывая, подошел ко мне. «Ты где был, пропащая твоя душа? — спрашивал Дед. — И меня с собой не взял? Хотя ты свинья, Сергей, я на тебя все равно не сержусь!»

Я почесал Деда за ухом и подошел к своим. Они все еще не замечали меня. Ну ладно — отец. Ему по штату положено в строгости воспитывать меня, а Аленка-то чего выкаблучивается?

— Щей бы побольше и картошки с мясом, — сказал я.

— Проголодался? — спросил отец.

— Где ты шлялся? — соизволила взглянуть в мою сторону Аленка.

— Я, может быть, по-настоящему заблудился... На меня, может быть, медведь напал... и это... обхватив лапами, стал лизать...

— Медведь, значит, лизал? — усмехнулся отец.

— Бедный, облизанный Сережа, — сказала Аленка.

Все это начало меня раздражать. Я все-таки восемнадцать километров с гаком отшагал. А они на лавочке сидят да еще насмеваются!

— Где твоя рубашка, штаны? — спросила Аленка. — Медведь слизал?

Про одежду я совсем забыл. Весь день прошагал в трусах, привык.

— Действительно, где твое обмундирование?

— Потерял...

— Это интересно, — сказал отец.

— Кто-то лодку угнал, — сказал я. — Уходили — была, а пришли — нет...

— Куда уходили?

Я промолчал. Пока не накормят, ни слова больше не скажу.

— Я чувствую, от тебя сейчас правды не добьешься, — сказал отец. Натощак ты врешь плохо... Покорми его, Алена, — возможно, потом он придумает нам какую-нибудь историю повеселее.

Мы с Аленкой пошли в дом. В сенях она сказала:

— Твоя одежда дома. Ее парень принес, с которым мы на болото ходили. У него птичье прозище... Сорока, что ли?

— Что он сказал?

— Мы сначала испугались, подумали, что ты утонул. Он говорит: «Не беспокойтесь, к вечеру вернется».

— Мы ему покажем, где раки зимуют... — сказал я.

— Суп теплый... Подогреть?

— Тащи какой есть!

Она налила целую тарелку супа с фасолью, на второе поставила на стол миску гречневой каши с молоком. И нарезала черного хлеба. Я накинулся на еду. Аленка сидела напротив и смотрела на меня. Я уплетал чуть теплый суп и косился на кашу. Я еще никогда не хотел так есть. Хотя там, в лесу, мне казалось, что больше всего на свете я хочу растянуться на кровати и заснуть. Последние километры были самыми тяжелыми. Даже привычный к таким переходам Федя Губин устал. Шел, чертыхаясь в адрес Сороки, и спотыкался. Он так и забыл рассказать эту историю про убитого мужика. Гарик до крови сбил о корень большой палец и хромал позади нас. Он тоже бубнил что-то угрожающее себе под нос. Если бы на дороге нам попался Сорока, от него мокрое место осталось бы.

Солнце напекло голову, плечи зудели. Хотелось пить, но за всю дорогу мы даже паршивой лужи не встретили. На привалах мы ложились голыми животами в пыль. Но кусачие лесные муравьи не давали долго прохлаждаться.

— А что еще говорил Сорока? — спросил я.

— О каких-то станках беседовали с отцом.

— Про бомбу говорили?

— Бомбу нашли? — оживилась Аленка. — В лесу, да?

— Отвяжись, — сказал я. — Ничего не нашли.

— Положить еще каши?

— Сыт по горло.

Аленка убрала посуду, порылась в кухонном столе и положила передо мной кусочек шоколада в блестящей обертке.

— Твоя доля, — сказала она.

От шоколадки я не стал отказываться.

— Вкусно? — спросила Аленка. Я с удивлением посмотрел на нее: с чего вдруг такая заботливая? Обычно посуду заставляет мыть, а тут сама все сделала, да еще шоколадом угощает и спрашивает, вкусно ли? Интересно, бывает шоколад невкусным?

— Выкладывай, что у тебя, — сказал я.

— Возьмешь меня на остров?

— Я туда не собираюсь.

— Сорока завтра будет ждать тебя в десять утра.

— Это он сказал? — удивился я. И даже забыл про шоколадку, которая немедленно расплавилась в моей руке.

— За тобой лодка придет.

— А может быть, вертолет прилетит? — пошутил я. Признаться, я ничего не понимал. Сорока приглашает меня на остров. Когда я хотел туда забраться, он спровадил меня кверху тормашками в воду, а теперь приглашает. Не иначе, как на судилище. Не будет же он мне ручку жать за то, что мы бомбу бросили?

— Возьмешь? — спросила Аленка.

— Чего же ты у него не попросилась?

— Неудобно.

— Посуду вымыла? Вытри стол... А теперь бегом в лес за цветочками...

В другой бы раз Аленка так и взвилась, а тут лишь спросила:

— Хочешь пирога с повидлом?

Заинтриговал остров Аленку не на шутку. А может быть, Сорока?

— Мы с Гариком отправимся, — сказал я.

— Он тебя приглашал, при чем тут Гарик?

Я понял, что от Аленки не отвяжешься. Пускай плывет со мной. Жалко, что ли? Конечно, с Гариком бы лучше... И так все равно ничего мне Сорока не сделает. Не я эту дурацкую бомбу бросал.

— Сердитый был? — спросил я.

— Я ведь его плохо знаю...

Дожевывая пирог с повидлом, я размышлял: плыть на остров или нет? Конечно, Сорока станет выяснять: кто бросил бомбу? Только от меня он ничего не добьется. Не на такого напал. А на

острове мне очень хотелось побывать. Вряд ли когда-нибудь еще такой случай представится. Не будут же они меня поднимать на веревке? Узнаю, где ход. Аленку я обязательно возьму, при ней Сорока и его дружки не будут особенно распускать свои языки. Все-таки девчонка.

В комнату вошел отец.

— Ну, что там с вами приключилось? Только не ври, троглодит, а то мне будет стыдно за тебя. Уж лучше ничего не рассказывай.

— Ладно, — сказал я. — Не буду рассказывать.

Глава восемнадцатая

Коля Гаврилов появился утром. В руках у него был брезентовый мешочек, тот самый, с которым я увидел его в первый раз. Мы с Аленкой ждали его... Думали, что он появится со стороны острова, но Коля пришел по берегу. Вернее, приплыл. Волосы мокрые, трусы только что выжаты.

— Поплывем на вашей лодке, — сказал Коля.

Мы с Аленкой не возражали. Я предложил и Гарика захватить, но Коля сказал, что не надо. Обычно разговорчивый, он сегодня помалкивал. На меня старался не смотреть. Упал я в Колиных глазах. И все из-за Федькиной бомбы. Еще раньше, чем появился Коля, к Гарику пожаловал Гриб. Они растянулись на траве, рядом с машиной, и о чем-то толковали. Когда я подошел, они замолчали.

— Твое барахло вернули? — спросил Гарик.

— И банку с червями, — сказал я.

— Мне тоже все принесли.

— А мне ни шиша, — ввернул Федя.

Я сказал им, что меня пригласили на остров. С Сорокой буду беседовать. Вот только зачем я ему понадобился — ума не приложу.

Гарик с Федей переглянулись.

— Тебя не тронут, — заметил Гриб.

— Запомни, где у них вход, — сказал Гарик.

— Ладно, — пообещал я.

— Про бомбу не ляпни, — предупредил Федя.

У них было что-то на уме, я видел по глазам, но допытываться не стал. Не хотят говорить — не надо.

Втроем — я, Аленка и Коля — мы подплыли к острову.

— Кто в лесу книжки читает? — стал разговаривать с Аленкой Коля. На меня он по-прежнему не смотрел. — Книжки и в городе можно читать, а тут природа. Я бы на твоём месте весь день

ходил по лесу. Сколько тут земляники! Где еще такой бор найдешь? А озеро? Когда сюда из города приезжают, так им не до книжек. Тут знаменитый артист с месяц жил. Фамилию забыл... Его часто по радио передают. Он стихи читает, а здесь все время пел. Умываться идет — поет. В лес идет — поет. Громко так. На охоту идет поет. Он ни разу никого не застрелил. А все одно был веселый. Сумка пустая, а пост. Эти... серенады из разных опер... «О дайте, дайте мне свободу...» Как же его фамилия? Трудная какая-то. Уехал, когда дожди зарядили. У нас, бывает, как зарядит, так на неделю. Вот начнутся дожди — и читай...

— Мне здесь нравится, — сказала Аленка.

— Хочешь, покажу тебе одну полянку? Красным-красно от земляники.

— Покажи, — сказала Аленка.

Я молчал. Взглянув на берег, я увидел, как Гарик и Федя поспешно усаживаются в резиновую лодку. Куда это они собрались?

Вот и остров. Тихий стоит, ни одно дерево не шелохнется. У самого берега на осоку налипли комки пены.

Куда же мы пристанем? Мне не терпелось увидеть таинственный вход. Это, должно быть, настоящий грот. Ведь туда заходит даже моторка. Когда нос нашей лодки коснулся камышей, Коля опустил весла и посмотрел на нас.

— Сейчас ты скажешь: «Сезам отворись!» — и мы очутимся на острове, сказала Аленка. Но Коля сказал совсем другое:

— Завяжите глаза.

И протянул нам два лоскута. Мы с Аленкой переглянулись.

— Это обязательно? — спросил я.

Коля кивнул.

— И мне? — спросила Аленка.

— Всем, — ответил Коля.

— Я зажмурую глаза.

— Будем сидеть в лодке, — сказал Коля. — Я подожду.

Делать было нечего, пришлось завязывать глаза.

Я, правда, попытался щелку оставить, но Коля поправил повязку, и я больше ничего не видел. Сразу вспомнилась сказка «Али-баба и сорок разбойников». Там тоже всем завязывали глаза. И в романах, которые читает Аленка, путешественникам разбойники набрасывали на глаза черные повязки. А потом все равно убивали их. Придется и нам потерпеть.

Я слышал, как за лодку цеплялись водоросли и камыши, как негромко всплескивает весло.

— Нагнитесь, — сказал Коля.

Мы с Аленкой разом нагнулись и стукнулись головами. Запахло колодезной сыростью. Если раньше сквозь повязку слабо ощущался солнечный свет, то сейчас — сплошная темнота.

— Снимите, — громко сказал кто-то. Голос прозвучал, как в бочке. Сдернув повязку, я сначала ничего не увидел. Темно, как ночью, потом сверху просочился неяркий свет. Над нами было небо. Оно врезалось в отчетливый четырехугольник. Мы сидели в колодце, широком внизу и сужающемся кверху. Коля привязал лодку и первым полез вверх по скобам, вбитым в сруб. Не дожидаясь приглашения, полез и я. Колодец был не очень глубокий, и скоро Колины ноги перестали мельтешить над моей головой. Я выбрался из колодца. Вслед за мной показалась Аленка. Нос у нее был испачкан в земле. В волосах мокрая трава. Аленка улыбалась.

— Ура! Я на таинственном острове, — сказала она. — А где капитан Немо?

Сорока стоял к нам спиной и о чем-то негромко говорил с Колей.

Я оглянулся. Высоченные ели и сосны придвинулись к самому берегу. Это их корни торчат над водой. В глубь острова вела тропинка. Кругом валялись еловые шишки. Вокруг бревенчатого сруба буйно разрослась трава. На колодезной крышке — крепкий засов. Закроют крышку — и никто на остров не попадет.

Из-за куста выпрыгнул пушистый зверек и бесстрашно посмотрел на меня.

— Заяц, — прошептал я.

— Два зайца, — сказала Аленка, глядя совсем в другую сторону. Я удивился и перевел взгляд туда, куда смотрела она. В траве сидели еще два серых зайца и, не обращая на нас внимания, щипали траву. Сорока, увидев наши изумленные лица, сказал:

— Кролики.

— А медведей у вас нет? — спросила Аленка.

— Есть, — невозмутимо ответил Сорока и, повернувшись к лесу, крикнул: — Кеша!

И тут случилось удивительное: ветви на высоченной сосне, стоявшей всего в десяти шагах от нас, зашевелились, посыпались мелкие сучки, и по стволу довольно быстро спустился бурый медвежонок. Потер растопыренной лапой нос, чихнул и не спеша поковылял к Сороке.

Глаза у Аленки стали по ложке. Она ничего не могла сказать.

Да и я опешил. Все это произошло быстро, как в цирке. Медвежонок поднялся на задние лапы и стал заглядывать Сороке в лицо. Он просил что-то, но у того ничего не было.

— Не веришь? — сказал Сорока. — Обыщи.

Медвежонок засунул лапу сначала в один карман, потом в другой. Недовольно фыркнул и заковылял к нам. Он был не так уж мал. Аленка схватила меня за руку.

— У меня... ничего нет, — запинаясь, сказала она.

Зато у меня лежал в кармане затасканный кусок сахара. Я его давно собирался съесть, да все забывал. Я бросил Кеше сахар. Он взял его и, довольный, удалился в лес.

Мы услышали всплеск и приглушенные голоса. Сорока осторожно подошел к обрыву, лег на

живот и, раздвинув траву, стал смотреть вниз.

— Гриб? — шепотом спросил Коля.

— Выкупаю я их, — сказал Сорока и, вскочив на ноги, стал стаскивать с себя штаны и рубашку. Оставшись в одних плавках, что-то негромко сказал Коле. Тот пулей помчался в глубь острова. Ошарашенные увиденным, мы стояли проглотив языки. Сорока, как говорится, сразил нас наповал. Что это за всплески, я догадался: Гарик и Федя тайком отправились вслед за нами к острову. Хотели подглядеть, куда мы причалим. Но, наверное, не успели, и вот теперь шныряют по камышам на своей резинке.

Коля принес брезентовый мешок, точно такой же, как у него. Достал оттуда маску и ласты. Схватив все это, Сорока полез в колодец. Теперь мне стало ясно, кто увлакивал мою лодку, когда она приближалась к острову. Сейчас такая же штука произойдет и с моими друзьями. Нужно было их как-то предупредить.

Видя, что Коля свесил голову вниз и наблюдает за лодкой, я тоже подполз к нему. За мной Аленка. Гарик и Федя плыли вдоль самого берега и тыкали веслами в осоку, по-видимому надеясь таким образом обнаружить вход на остров. Когда они проплывали под нами, я ковырнул пальцем землю, и на них посыпался песок.

— Заработаешь, — прошипел в ухо Коля.

Комочки земли защелкали по огромной Фединой кепке. Он задрал вверх голову, но нас, конечно, не заметил.

А Гарик продолжал тыкать веслом в берег.

— Дураки, — прошептала Аленка.

Вдруг лодка закрутилась на месте и пошла в сторону от острова. Гарик беспорядочно замахал короткими, напоминающими теннисные ракетки веслами, пытаясь остановить ее, но не тут-то было. Резиновая лодка быстро уходила к противоположному берегу. Мне смешно было смотреть на озадаченные лица приятелей. Они, кажется, не понимали, в чем дело. Я вспомнил, как не так давно и меня тащило к берегу, но Гарик тогда не поверил, а теперь сам очутился в моем положении. Дело, оказывается, не в течении: это Сорока, спрятавшись под водой, тащит ее куда хочет. Вон у борта торчит кончик дыхательной трубки.

Посередине озера лодка легла на борт и опрокинулась. Гарик и Федя забарахтались в воде. Они что-то кричали, но я не расслышал. Я внимательно смотрел на воду и наконец снова увидел кусочек зеленой трубки, через которую дышал Сорока. Трубка то исчезала под водой, то снова появлялась, каждый раз все ближе к острову.

Скоро он стоял перед нами. Капли блестели на его загорелой коже. От маски на лбу осталась красная полоска. Сорока отдал ласты и маску Коле, а сам повернулся к нам.

—купаются, — сказал он.

— Чего они испугались? — спросила Аленка. Она так и не поняла, что произошло.

— Тут щука одна есть, — сказал Коля. — Бревно. Ее все боятся. Один раз нашего пацана за пятку схватила, еле вырвался. А сколько утей сожрала! У нее на спине мох вырос. Она еще до революции жила тут. Пудов на пять, верно, Сорока?

— Не взвешивал, — ответил Президент.

— Зачем ты их? — спросил я, кивнув на тот берег.

— Крадутся, как воры...

— Нечего им у нашего острова делать, — сразу посерьезнев, сказал Коля.

— Федьке Грибу лодку не отдам, — сказал Президент. — Это не рыба.

— Истребитель мальков, — добавил Коля. — Штук с тыщу кверху животами плавало.

— Этот Гарик, откуда он? — спросил Сорока.

— Москвич.

— Сошлись с Федькой... Свой свояка видит издалека.

— Он машину водит, — сказал я. — А каких щук ловит!

— Я видела, — подтвердила Аленка.

— Гарик... По-русски Егор, что ли?

— Георгий, — сказала Аленка.

На тропинке показался Васька и с ним еще трое. Все в трусах. Васька налегке шагнул впереди, а те трое тащили на плечах длинную доску. Двое по краям, один посередине. Они прошествовали мимо нас. Васька мельком взглянул на меня и отвернулся. Сделал вид, что не узнал. Нос у него облез, стал острый и красный как морковь.

Эта доска была предназначена для трамплина. Нырять будут. Высота подходящая, метра три. Первым ступил на доску Васька. Покачался, потрогал свой красный нос, но нырять все еще не решался. Мальчишки что-то советовали ему, он охотно их слушал. Слушать лучше, чем прыгать с такой высоты.

— О чем задумался, детина? — насмешливо спросил Сорока.

— А если пузом приложусь? — Васька хлопнул себя по ляжкам, еще раз качнулся, вздохнул и шарахнул вниз головой. Раздался громкий всплеск. Я не видел, как вошел в воду Васька, но и по звуку догадался, что он действительно приложился животом.

Скоро из колодца показалась Васькина мокрая голова. А потом и весь Васька. Левый бок у него покраснел. Я думал, что больше он нырять не будет. Но Васька сразу пошел к доске. Мальчишки снова стали давать советы, но Васька отмахивался.

— Я сам, — сказал он. И, долго не раздумывая, бултыхнулся в воду.

— Раз пять приложится животом — научится, — сказал Сорока.

— А это обязательно? — спросила Аленка.

— Пошли, — сказал Сорока.

Вслед за ним мы зашагали по тропинке, протоптанной в лесу. Сосновый бор насквозь просвечивался солнцем. Меж деревьев мы увидели небольшой дом, сложенный из крепких неотесанных бревен. Дом был без крыльца. Одной стеной плотно прижимался к двум могучим соснам. Колючие лапы наполовину прикрыли крышу. На крыше несколько каких-то мудреных антенн. В доме три окна. На скамейке, что приткнулась к фасаду, сидел большой кролик, а внизу сустились еще два. Они поднимались на задние лапы и дотрагивались до своего приятеля, словно пытались спихнуть его со скамейки. Неподалеку от дома большая спортивная площадка. Видно, ребятам пришлось здорово поработать, чтобы отвоевать ее у леса. Турник, столбы с баскетбольными щитами, самодельный деревянный конь, бревно и другие приспособления, каких я еще и не видел.

Сорока, столкнув кролика, присел на скамейку. Мы с Аленкой опустили в траву. Кролики подковыляли к нам и стали деловито обнюхивать руки и ноги. У них были маленькие смешные носы и печальные глаза. Аленка погладила одного, он зажмурился от удовольствия и замурлыкал, как кошка.

Я понимал, что Сорока позвал меня не просто так, в гости, а для серьезного разговора. Но, возможно, Аленка мешала ему. Мы молча сидели минут пять. Аленка обхватила руками колени. Она смотрела на кролика, который шевелил своими просвечивающими на солнце розовыми ушами. Аленкины золотистые, с рыжим отблеском волосы тоже шевелились. С озера тянул ветерок. Из бора доносились птичьи крики. На сосновом стволе золотом сверкнула капля смолы. Она только что появилась на свет. И вот, растаяв на солнце, медленно вытянулась по красноватой коре в длинную сиреневую нить.

Из дома выскочил мальчишка. Он был в трусах. На голове наушники. Стрельнув в нашу сторону голубыми глазами, позвал Сороку. Я думал, что Президент надолго застрянет, но он вернулся быстро. Сел на прежнее место, посмотрел на меня. Сейчас начнет выяснять насчет бомбы.

— На какой вы улице живете? — спросил он.

Мы жили на Потемкинской улице. Из окна нашего дома виден Таврический сад. И панорамный кинотеатр «Ленинград». Только я там редко бываю. Один фильм полгода идет. Зимой мы с Аленкой в Таврический на каток ходим. И летом в саду хорошо. Вот только купаться не разрешают. Однажды я с приятелем все-таки выкупался. Правда, еле убежали потом. За нами дядька гнался.

Сорока сказал, что был в Ленинграде. Ему там очень нравится. Удивил, Ленинград всем нравится. Разве есть еще лучше город, чем наш Ленинград?

— Летчик там один жил... — Сорока замолчал и стал смотреть на облако, которое никак не могло перевалить через высокую сосну.

— Он двадцать фашистов сбил, — сказал Коля. Он только что пришел. Видя, что Президент с нами разговаривает по-хорошему, Коля тоже смягчился.

Облако наконец переключалось на другое место. Оно теперь стояло над нами.

— Ты это дело брось, — сказал Сорока.

— Какое дело?

— Гриб тебе не компания.

— У него кепка замечательная!

— Я знаю, это его работа...

— Известный мародер, — поддакнул Коля.

— О чем вы говорите? — спросила Аленка.

— Вы ленинградцы, и я не хочу с вами ссориться... А с Федькой у нас старые счеты.

— Это вы про того, в клетчатой кепке? — сказала Аленка.

— Ну да, — сказал Сорока.

— Отдай лодку, — попросил я. — Без лодки он пропал.

— Я ему говорил: доиграешься, мальчик!

— У тебя прозвище Сорока? — спросила Аленка. — Или мама так назвала?

— Допустим, прозвище. А что?

— Я вчера видела сороку, — сказала Аленка. — Она прилетела из лесу, такая белая с черным. Уселась на крышу нашего дома и стала трещать без умолку. И еще хвостом вертела. Хвост у нее длинный-предлинный!

— Надо же, — сказал Сорока.

— Интересная птица...

Я взглянул на Президента. Из рубахи выпирали широкие плечи. На крепкой загорелой шее — крупная голова. Темные волосы слиплись после купания и косо лежали на лбу.

Сорока поднялся со скамейки, взял кролика за уши.

— Ему ведь больно! — сказала Аленка.

Президент погладил кролика и отпустил. Тот поскакал за дом. Сорока посмотрел на Аленку и в первый раз улыбнулся. Я заметил, что у него один зуб сломан пополам.

— Хочешь поймать большую рыбу?

— Я пробовала, — сказала Аленка. — Большие срываются.

— Поймаешь, — сказал Сорока.

— Мне не везет...

— Камыши видишь? Встань на лодке в тресту и лови. Утром.

— Ершей?

— Леща поймаешь, — уверенно сказал Сорока.

— Кто это? — воскликнула Аленка и схватила Президента за руку.

Из бора не спеша вышел огромный лось. Его бурые рога были как раз на одном уровне с крышей. Этот лось как две капли был похож на того, который погиб в болоте. Выбрасывая длинные ноги, лось подошел к Сороке, ткнулся горбатой мордой в его шею, потом обнюхал руки.

— Сережа... — сказал Сорока. Если бы это не прозвучало так ласково, я подумал бы, что он меня позвал. Но это относилось к лосю. Зверь величаво повернул огромную голову и посмотрел на нас. Аленка спряталась за спину Сороки. Лось потянулся было к ней, но она вскрикнула, и лось отвернулся. Коля достал из кармана кусок хлеба и протянул ему. Лось мягкими губами осторожно подобрал с ладони хлеб и в знак признательности покачал рогами.

— А где Борька? — спросил лося Коля, почесывая ему мощное выпуклое плечо.

Лось с минуту постоял, помаргивая длинными седыми ресницами, так же величаво ушел в бор. Нижние ветви сосен касались его спины.

Я удивился, как может такой огромный зверь так бесшумно ходить. Не треснул ни один сучок. Лось словно растворился в лесу.

Аленка, заметив, что стоит совсем близко от Сороки и держится за его руку, отодвинулась.

— Я вспомнила про того... — сказала она.

— Был лось — и нет...

— Сорока на лосе верхом ездил, — сказал Коля. — А потом Сережа его как об ель...

— А кто такой Борька? — спросил я.

— Лосенок, — ответил Коля. — Сережин сын.

— И мама у них есть? — спросила Аленка.

— Ее зимой убили, — сказал Сорока. — Те самые, которые рыбу в озере толком глушат.

— Порохом, — сказал я. Как будто это имело значение.

— Мы Борьку в снегу нашли, — стал рассказывать Коля, — он дрожал. У него одна нога подвернулась, когда от охотников удирал. А Сережа стоял рядом и лизал его. Мы Борьку на санках на свою ферму привезли. К коровам. Он до весны с нами жил. И Сережа часто приходил к хлеву. Мы ему в ящик сено клали. Страсть как собак не любит. Как увидит собаку, так рога в землю и копытами стучит...

— Зачем вы шары в небо пускаете? — спросил я.

Коля хотел что-то ответить, но, перехватив взгляд Сороки, промолчал.

— Какие шары? — переспросил Сорока.

— Вы к ним рыб и картонных человечков привязываете.

— Ты видел какие-нибудь шары? — Сорока посмотрел на Колю.

— Нет у нас шаров.

— И я не видел, — сказал Сорока.

— Значит, показалось... — ответил я. Не хотят про шары говорить. Тайна.

— А вертолеты...

— Летают, — перебил Сорока. — И вертолеты, и самолеты...

Он встал. Мы поняли, что пора и честь знать.

По той же тропинке мы пришли к колодцу. Один кролик увязался провожать нас.

Васька все еще нырял с доски. Бока и живот у него были красные, словно кирпичом натерты. Те трое тоже ныряли. Обучали Ваську. Когда мы подошли, Васька сказал:

— Двадцать раз прыгнул...

— Ну и как?

— Полный порядок!

Васька разбежался и лихо сиганул в воду.

Я думал, что больше нам повязку на глаза не наденут, но не тут-то было. Коля протянул нам тряпки и сказал, что завязать глаза придется в колодце.

Мы спустились в грот. Он был темный и вместительный. С земляного потолка капала вода. Мне показалось, что в углу стоит лодка, а может быть, я ошибся. В одном месте скупо пробивался свет. Очевидно, вход у них закрывается, иначе любой заметил бы пещеру. Впотьмах мы надели повязки. Снять их Коля разрешил, когда вывел лодку на чистую воду. Искусно замаскировались они. Мы отплыли всего метров на сто от острова, но я так и не смог точно определить, где вход. Лишь приблизительно заприметил то место по сосне, которая возвышалась над колодцем.

— Пока, — сказал Коля и прыгнул с лодки в воду.

Я видел, он нарочно стал кружиться на одном месте, дожидаясь, когда мы отплывем подальше.

Сорока стоял на берегу и смотрел на нас. Ветер дул с озера. Он полоскал парусиновые штаны Президента. На остров катились небольшие волны. То и одним, то в другом месте вскипали белые гребешки. И тут же исчезали. Добежав до острова, волна громко чмокала и откатывалась назад.

— Умеешь рано вставать? — спросил Сорока Аленку.

— У нас будильника нет, — ответила она.

— В шесть утра становись вон там в тресту — леща поймаешь. — Он показал на наш берег. Немного в сторону от дома. Выдумывает он, нет там никаких лещей. Я ловил, даже крошечный подлещик не клюнул.

— Я проснусь, — сказала Аленка. В это я тоже не очень-то верю. Аленка не любит рано вставать. А без будильника и подавно не проснется.

- Тут леши по расписанию клюют? — спросил я.
- А ты лучше помалкивай, — сказала Аленка.
- В семь часов ловить уже бесполезно? — допытывался я.
- Попробуй, — ответил Сорока.
- Я обязательно встану, — сказала Аленка.

Пока мы разговаривали, Коля, улучив момент, юркнул в камыш. Я так и не успел подсмотреть. Ну хорошо, найдешь грот, они колодец крышкой прихлопнут — и на задвижку.

Когда мы отплыли подальше, Аленка спросила:

- И ты глушил?
- Глушил, — сказал я.
- Вот почему вы в одних трусах пришли!
- Зато загорели, — сказал я.
- Мне этот Гриб в клетчатой кепке не нравится.
- Ты ему тоже.
- Чтобы я тебя вместе с ним больше не видела!
- Ишь, какой командир, — сказал я.

Глава девятнадцатая

На берегу дожидались Гарик и Гриб. Они были в трусах. Поеживались на ветру. Штаны и рубахи висели на кустах. Мокрая кепка сушилась у Гриба на голове. Не захотел расставаться. Края кепки обвисли. Не на пользу пошло ей купание. Резиновая лодка лежала на траве, рядом — спасательный круг. Аленка прыгнула на берег и, задрав нос, прошествовала мимо ребят.

- Как прогулка на таинственный остров? — спросил Гарик.

Аленка не ответила.

- Какая муха ее укусила?
- Не знаю, — ответил я.
- Девчонка, — рассудительно заметил Федя.
- Видел, как вас понесло к берегу, — сказал я. — Течение? Гольфстрим?

Гарик и Федя переглянулись.

- Никуда нас не понесло, — ответил Гарик.
- А лодку вашу ветром перевернуло?

— Какую лодку? — спросил Федя, хлопая рыжими ресницами. В трусах и мокрой кепке он стал еще смешнее. Ноги у Феи были тонкие и кривые. У кого такие ноги, хорошо верхом на лошади ездить. Решили поиграть со мной в прятки. Дурака валяют!

— Что там на острове? — помолчав, спросил Гарик.

— На каком острове? — в свою очередь удивился я.

— Кончай придуриваться, — сказал Федя. — Разговаривал с Президентом? Отдаст лодку?

— Наверное, вода холодная...

— Запомнил ход? — спросил Гарик.

— Выкупаться или не стоит? — сказал я.

Федя хмуро взглянул на меня и буркнул:

— Президенту продался?

— Он толковый парень, — сказал я.

Федя растянул рот в презрительной улыбке:

— Медом тебя попотчевал?

— Чего не было, того не было, — сказал я.

— Падло твой Сорока! Какой законник выискался... Штраф требует? А кукиш не хочет? Дождется, пока башку ему оторвут... Жалко, батя уехал на лесозаготовки, он бы его прищучил!

— Это ты Сороке скажи...

— Деньги ему за это платят, что ли? Ну чего он нос сует не в свое дело?

— Не знаю, — сказал я.

— Коли с председателем здороваются за ручку, так думает, сам начальник... Видали мы таких начальников!

— Не надо рыбу глушить, — сказал я.

— Умолкни, кочержка капустная...

Я на всякий случай свистнул Деда. Он тотчас прибежал и, задрав вверх бородатую голову, уставился на меня: «Что скажешь?» Я погладил Деда, и он, довольно заворчав, улегся у моих ног. Теперь я мог с Федей разговаривать как хотел.

— Лодку ты не получишь, понял? — сказал я. — И не двигай своим толстым носом, тебя никто не боится.

Гриб еще сильнее задвигал носом и запыхтел.

— Ткну — мокрое место останется, — пробурчал он, сжимая кулаки.

Дед поднял голову и посмотрел на Федю, который все ближе подступал ко мне.

— Куда он лодку заховал?

— Откуда ему знать? — вступился Гарик.

Но я уже и сам разозлился. С какой стати Гриб размахивает перед моим носом кулаками? Не я ведь спрятал его лодку? Опять зло на мне срывает. Хватит с меня! На лодке я тогда терпел, никуда не денешься — кругом вода. А на берегу меня лучше не тронь.

— Клоун ты, — сказал я.

Федя окончательно рассвирепел. Он сдвинул повыше свою сморщенную кепку и замахнулся. Это движение Дед не переносил. Терпеть не мог, когда люди друг на друга кричали и замахивались. Если мы с Аленкой не дурачились, а всерьез ругались, то он грозно рычал и показывал свои ослепительные клыки. Федя не успел меня ударить, Дед молчком цапнул его за ногу. Гриб завопил и схватил Деда за хвост. Дед зарычал и, извернувшись, прихватил Федю за руку. Гриб сразу перестал ерепениться и спрятал руки за спину.

— Уйми собаку, — совсем другим тоном сказал он.

— Дед, как тебе не стыдно? — сказал я и отозвал его. Войдя в раж, он намеревался еще раз вцепиться в Федю. Гарик во время этой короткой схватки отбежал в сторону и выломал здоровый сук, готовясь вступить в бой с Дедом. Я посоветовал ему бросить палку, пока Дед не заметил. Я сказал Гарику, что Деда палкой не удивишь. Эрдельтерьеры — отчаянные собаки и никого не боятся. Они даже охотятся на львов. А уж с Гариком ему и делать нечего. Гарик послушался и бросил палку. А Дед, схватив ее, стал яростно грызть, только щенки полетели.

Федя осмотрел свои раны и, немного посопев, сказал:

— В деревне собака покусала одного... Тридцать укусов вlepили!

— Сходи в больницу, пусть и тебе влепят, — посоветовал я.

— Ты привяжи его, — сказал Гарик.

— Он за дело кусает, — сказал я.

Федя нагнулся к воде и стал обмывать ногу и руку. А Дед уже забыл про нас: подбросил палку вверх, поймал ее и помчался вдоль берега, лая и дурачась.

— Нехорошо получилось, — сказал Гарик. — Человек переживает, лишился лодки.

— По-твоему, лучше было, если бы он мне врезал?

— Не надо было эту дурацкую бомбу в воду кидать, столько мальков загубили. Зря ты Деда натравил, — сказал Гарик.

— В другой раз не будет кулаками размахивать.

Подошел Федя. На меня он не смотрел. Я понял, что наши отношения безнадежно испорчены. Признаться, Гриб мне не очень нравился. Орет, как на базаре, оскорбляет.

На меня даже отец никогда не кричит. Бывает, что Аленка разойдется, да что с девчонки

возьмешь?

Федя сдернул с кустов свою одежду и, хотя она еще не просохла, оделся. К рамкам прилепил по кусочку листа подорожника.

— Пока, — мрачно сказал он и, прихрамывая, ушел. Гарик проводил его взглядом и, посмотрев на остров, пробурчал:

— Все из-за него...

Глава двадцатая

— Ну где же вы?! Сю-да-а!

Я решил, что Аленка тонет. Иначе с чего бы она так кричала? Наперегонки с Гариком мы бросились к озеру. Аленка стояла в лодке и обеими руками держала за длинное удище.

— Я наконец поймала большую рыбину, — сказала она, не глядя на нас. Лицо у нее было удивленное.

Конец удища ходил, леска натянулась.

— Давай я, — сказал Гарик, собираясь прямо в штанах лезть в воду!

— Не мешайте! — ответила Аленка. И даже ногой топнула. Она стала подводить добычу к лодке. Но лещ упирался, не шел.

— Уйдет! — стонал Гарик. — Как пить дать уйдет.

— Она же ловила, — сказал я.

— Где подсачок?

— Не кричи под руку, — ответила Аленка. — Я и без этого... сачка.

— Тащи подсачок! — приказал Гарик.

Я пулей бросился к палатке, схватил подсачок на бамбуковой ручке и прибежал обратно. Рыбина еще держалась на крючке. Гарик вырвал подсачок из рук и ловко забросил в лодку. Аленка, не отрывая глаз от лески, взяла его.

— Леску не ослабляй! — переживал Гарик. — Сорвется, слышишь?

— Никто не ослабляет...

— Пускай воздуха глотнет... Легче тащить будет!

— Он не хочет воздуха...

Аленка все-таки подвела рыбину к борту и стала просовывать под нее подсачок. Рыбина всплеснула, и мы увидели золотистый бок и черный плавник.

— Лещ! — сказал Гарик. Рыба высунула из воды голову и, глотнув воздуха, добровольно легла на бок.

— Чего ждешь? — крикнул Гарик. — Тащи!

Аленка все еще никак ни могла просунуть подсачок.

— Бери с хвоста! С хвоста, говорю!

— Лопнешь, — сказала Аленка.

Гарик стукнул себя кулаком по лбу и в одежде полез в воду. Но когда он подплыл к лодке, торжествующая Аленка уже держала в подсачке изогнувшуюся рыбину. Крупная чешуя отливала золотом.

— Просто удивительно, почему не ушел, — говорил Гарик, плавая вокруг лодки.

— Всю рыбу распугал, — сказала Аленка.

— Давай к берегу, — позвал я. Мне тоже хотелось посмотреть на леща. Аленке самой не терпелось показать рыбину. Она стала грести к берегу. Гарик плыл рядом.

— Она чуть удочку не утащила, — рассказывала Аленка. — Смотрю, удочка сползает в воду, я как дернула! Тяжелое что-то. Тут я как закричу...

— Слышали, — сказал я.

Лещ был килограмма на полтора. Он смирно лежал на траве и ворочал глазами. Почему-то он почти не брыкался.

— Везет же... — сказал Гарик. Мокрая рубаша и штаны облепили его, у ног — лужа.

— Я говорила, что поймаю... — ликовала Аленка. — Это Сорока мне место показал. Я с шести утра сижу тут. Сначала одни ерши, а потом...

— Что дальше было — мы знаем, — сказал я.

Аленка умолкла. И правильно, нечего задаваться. Повезло, так помалкивай! Вот мне почему-то не везет...

Я вдруг увидел, как недалеко от того места, где ловила Аленка, закачались камыши, скрипнула осока. Негромко всплеснуло, разбежались круги. Когда солнце вышло из-за облака, я увидел под водой расплывчатуюдвигающуюся тень. Я думал, что увижу и зеленую трубку, но трубки не было. Тень ушла в глубину, растворилась. И сколько я ни смотрел — трубку так и не увидел. Маленькие волны сомкнулись над таинственным пловцом. Опять загадка: кто это? У Сороки была трубка, он не мог так глубоко уходить под воду.

— Я вечером опять на этом месте встану, — сказала Аленка.

— Теперь все лещи твои, — сказал я.

Глава двадцать первая

С утра стал накрапывать дождь. Он глухо стучал по крыше нашего дома. Под окном росли лопухи, слышно было, как дождевые капли, скатываясь с крыши, барабанят по широким зеленым тарелкам. Сосны стояли потемневшие и взъерошенные. На остриях зеленых иголок повисли блестящие капли. Небо затянули серые облака. В той стороне, где должно быть

солнце, облака были светлые. Я не любил такой дождь. То ли дело гром и молния! Налетит гроза, все кругом потемнеет, а потом как запылывает и загремит! И дождь не такой маленький и нудный, а как ударит косым ливнем, так трава ложится на землю.

Отец, подперев руками голову, читает рукопись. Он не слышит дождя. Аленка, положив ноги на спинку кровати, лежит с книжкой в руках. Дед растянулся посередине комнаты. Он побывал на улице и вымок. Глаза прижмурены. Но я знаю: Дед не спит. Уши шевелятся. Он слушает, что творится снаружи. Когда Дед попадает под дождь, от него несет псиной. Мне нравится этот запах. А вот Аленка не выносит. Она изредка поглядывает на Деда и морщит нос. Но Деду наплевать на Аленку. Он все равно не уйдет из дому, пока самому не захочется. Иногда наш старик становится упрямым как осел. С места не сдвинешь, рычит, клыки показывает: и у собак бывает разное настроение. Наверное, не нравится ему, что дождь идет.

Я сижу на подоконнике, положив руки на колени. Смотрю на мокрый лес и жду чего-то. Вдруг из леса выйдет лось Сережа? Или сын его — Борька?

— Лоси умеют плавать? — спрашиваю я.

Отец отрывается от бумаг и смотрит на меня. Я уверен, что он меня не видит. Отец видит пересекающиеся линии, кривые и прямые.

— Лоси? — спрашивает отец и, подперев ладонью лоб, снова углубляется в рукопись, забыв про лосей.

— Как они попали на остров? — говорит Аленка.

На этот вопрос трудно ответить. Если даже и умеют плавать, они все равно не заберутся на остров.

— Зимой! — осенило меня. — По сугробам.

Аленка молча смотрит в потолок. Немного помолчав, соглашается:

— Иногда и тебе приходят в голову разумные мысли.

— А тебе никогда, — отвечаю я.

Но Аленке ругаться лень. Она не обижается.

— А медведи умеют плавать? — снова спрашиваю я.

Все молчат. Никого не волнуют медведи. Конечно, умеют плавать. Почему бы им не уметь?

— Убей меня громом, если они не позаимствовали этот грот и колодец у Жюль Верна, — сказала Аленка.

Где-то далеко и впрямь гроыхнуло.

— Убьет, — говорю я.

— А Коля Гаврилов — его верный паж?

— Оруженосец, — соглашаюсь я. Аленка любит употреблять эти старинные словечки из романов.

— Как ты думаешь, Сережа, кто из них храбрее?

Я понял, о чем идет речь, но на всякий случай спросил:

— Гарик или Сорока?

— Кто это придумал ему такое имя?

Непонятная это вещь — храбрость. Гриб держал дымящуюся бомбу в руках и посмеивался. Мы с Гариком чуть со страху не умерли, а он хоть бы что. А когда Дед насел на него, так сразу побелел и быстренько домой смотался. И Аленка одна может по лесу бродить весь день, не боится ночью выходить из дому, а как гром загремит, так побледнеет и начинает полотенцем закрывать зеркало. А потом ложится на диван и на голову подушку кладет. А я люблю смотреть на грозу. И не страшно мне, а, наоборот, весело — так и хочется выбежать под хлесткий дождь и прыгать по лужам. Я иногда так и делаю. Когда никто не видит. А до чего приятно стоять под ливнем без кепки и чувствовать, как по голове щелкают капли, а рубаха прилипает к телу! Говорят, кто простоволосый стоит под дождем, тот быстрее вырастет. И еще я люблю смотреть, как дождевые капли хлещут по лужам. Лужа пузырится и кипит. А иногда появляется маленькая радуга. Из звона и пузырей. Поиграет маленько и пропадет. Аленка этого никогда не видит. Она прячется под подушкой.

— Где же ты, солнце ясное? — произнес отец, поднимаясь из-за стола. За горами, за долами, за дремучими лесами... Пойдемте, ребяташки, за солнцем?

Мы с Аленкой посмотрели на окно. Капли суетливо торкались в стекло. Не успеешь до озера дойти, как холодные струйки потекут за воротник.

— Вы знаете, чем сейчас в лесу пахнет?

Мы не знали.

— Грибами, — сказал отец, — Грибами, которые еще не вылупились на свет божий.

Грибы, которые еще не вылупились, не интересовали нас с Аленкой. Вот если бы они появились, тогда бы мы побежали в лес.

— Вы слышали когда-нибудь, дикари несчастные, как шумят березы под дождем?

И этого мы не слышали. Я полагаю, что они шумят под дождем так же, как и осины, и клены, и вязы, и другие лиственные деревья.

— А кукушку хотите послушать?

Зачем обязательно это делать на дожде? Кукушку можно послушать и потом, когда дождь перестанет. Здесь какие-то скупые кукушки. Несколько раз я просил их посчитать, сколько лет мне жить. Раза два прокукуют — и молчок.

Отец прошелся по комнате. Он на ходу взял Аленкину книжку, прочитал название и снова положил.

— «Роб Рой»... Вальтер Скотт. А ты «Гойю» читала?

— Про что это?

— Про Гойю.

— Он был рыцарь?

— Шпион какой-нибудь, — сказал я.

Отец схватился за голову:

— Они до сих пор не знают, кто такой Гойя!

— Мы еще маленькие, — сказал я.

— Папа, ты хотел идти за солнцем, — сказала Аленка. — Только сначала скажи, кто такой Гойя?

— И вы не знаете, кто такой Микеланджело? Рубенс? Тициан? Рембрандт? Ван-Дейк?

— Великие художники, — сказала Аленка.

— Нет, скульпторы, — заметил я.

— Дети! — вскричал отец. — Немедленно собирайте чемоданы, летим в Ленинград!

— Зачем? — в один голос спросили мы,

— Я вас поведу в Эрмитаж, потом в Русский музей, потом в Казанский и Исаакиевский соборы...

— Мы там были, — сказал я.

— Мы будем туда ходить каждый день! — гремел отец. — Мы будем там ночевать. И изучать, изучать, изучать произведения великих живописцев и скульпторов.

— Это великолепно! — воскликнула Аленка. — Сережа, ты слышал? Наш папа теперь каждый день будет приходить в четыре с работы, и мы вместе будем ходить по музеям и картинным галереям! Наконец-то наш дорогой папочка вплотную займется воспитанием своих необразованных детей!

— Почему в четыре? — перестал ходить по комнате отец. — У меня ведь на вечернем отделении лекции... Мы будем иногда по утрам ходить. Да-а... По утрам я должен быть и лаборатории. Мы будем ходить...

— Ночью! — воскликнула Аленка. — Кругом тишина, а со стен во всей своей первозданности смотрят на нас картины гениальных художников. Потрясающее зрелище! Вот только нужно договориться с администрацией музеев, чтобы нас пускали туда по ночам... Ну, это папа возьмет на себя.

Отец улыбнулся и озадаченно почесал затылок.

— Почему, собственно, я с вами должен ходить в музеи? Так сказать, водить вас за ручку? А сами? Дорогу не найдете?

— Ты всегда прав, — сказала Аленка. — А все-таки скажи: кто такой Гойя?

— Ничего не выйдет, — ответил отец. Он надел плащ и ушел в лес слушать кукушку. Дед проводил его до порога и остановился в глубокой задумчивости: перевалить через порог или остаться в избе? Он повернул морду в нашу сторону, как бы спрашивая совета, но мы молчали. И тогда Дед тяжело, как он это умел, вздохнул и, отворив мордой дверь, ушел вслед за отцом. Весь вид его говорил: служба есть служба, ничего не поделаешь.

— Какие мы с тобой неотесанные, — сказала Аленка,

— Отешемся, — сказал я.

— Раз в неделю можно ходить в музей, — продолжала Аленка. — Живем в таком городе, а совсем не знаем его.

— В музеях пахнет мышами, — сказал я.

— На чердаках не только мышами пахнет, а и кошками... А ты иногда часами торчишь на чердаке.

— То на чердаке, — сказал я.

В сенях хлопнула дверь. Кто-то идет к нам. Наверное, отец раздумал идти в лес. Кукушку можно слушать и дома, стоит только окно распахнуть.

Дверь отворилась, и на пороге появился Сорока. В руках у него мокрый мешок.

— Вот не ждали! — сказала Аленка.

Глава двадцать вторая

Волосы у Сороки мокрые. Рубаха на груди и плечах потемнела. Он был босиком, штаны подвернуты. Я удивился не меньше Аленки: зачем к нам пожаловал Президент?

Но он не торопился объяснять. Положил мешок под скамейку. Мне показалось, что в мешке кто-то шевелится. Я хотел пригласить Сороку в комнату, но он и сам, без приглашения, подошел к столу и сел на табуретку. Рукой пригладил взъерошенные волосы. Ладонь стала мокрой, и он, взглянув на нее, вытер о штанину.

Аленка по-прежнему лежала на кровати, положив ноги на спинку. Книжку она засунула под подушку и с любопытством смотрела на незваного гостя.

— Я поймала леща, — похвасталась Аленка.

— Вот видишь, — сказал Сорока.

— Мы из него уху сварим.

— Да, — сказал Сорока.

Я посмотрел на него. Сорока был невозмутим. Зачем все-таки он пришел? И что у него в мешке? Снова там кто-то пошевелился.

— Шли бы в лес, — сказал Сорока. — Сидите дома, как сурки.

— Сидим, — ответил я.

— Коля Гаврилов не был у вас? — спросил он.

— А должен быть?

— Пропал куда-то парень, — сказал Сорока. Немного помолчав, спросил: — Отец в лес ушел?

— За солнцем, — сказал я.

Сорока поднялся. Мне не хотелось, чтобы он уходил, и я сказал, что отец скоро вернется. Аленка подтвердила. Ей тоже не хотелось, чтобы Сорока уходил. А он стоял в нерешительности.

— Если ушел за солнцем, — сказал он, — то вряд ли скоро вернется... Дай бог, если к вечеру прояснится.

Он не ушел. Снова уселся на табуретку.

— А зачем тебе отец? — спросил я.

— Дело есть, — коротко ответил он.

Мы помолчали. Аленка, глядя в потолок, проговорила:

— Не обидишься, если спрошу...

Сорока улыбнулся:

— Почему меня зовут Сорокой?

Аленка энергично закивала головой.

— Я родился в лесу...

— В лесу? — удивилась Аленка. — Уж не в птичьем ли гнезде?

— Расскажи, — попросил я.

Может быть, потому что у Сороки было хорошее настроение, или все равно ему делать было нечего, он под стук дождя рассказал нам удивительную историю своего имени.

История, которую рассказал Сорока

— Есть на свете такая деревня Дедовичи. Это в Белоруссии. Кругом леса. От железной дороги — сто километров. В деревне десятка два изб. Там жили мои родители. Работали в колхозе. Отец — кузнец, мать лен выращивала. Я никогда не видел ни отца своего, ни мать. Отец, когда началась война, ушел на фронт. И погиб в самом конце войны, на правом берегу Одера. Он был пулеметчик. А мать так и жила в Дедовичах, ждала его. В этих лесах после войны орудовали бандеровцы. Есть такие бандиты. Они с немцами заодно. Когда бандеровцы налетели на Дедовичи, все разбежались. Ну и мать моя... А я должен был вот-вот на свет появиться. Она еле ходила. Когда бандеровцы наткнулись на группу, где была моя мать, они всех из автоматов... Звери, а не люди были. А я только что родился. Видя, что бандиты приближаются, мать схоронила меня в кустах. Неизвестно, сколько я там пролежал — это случилось летом, — нашли меня совсем голого наши бойцы. Рядом была муравьиная куча. Наши лес прочесывали, добывали бандеровцев. Они бы и не нашли меня, но услышали сорочьи крики. Птицы носились

надо мной и кричали. Сороки... Много сорок. Лейтенант был веселый человек и назвал меня Сорокой, а фамилию свою дал... Потом бандиты и его убили. Только все равно этих гадов уничтожили.

Мы с Аленкой ожидали услышать какую-нибудь веселую историю, а тут вот что.

— И у тебя нет другого имени? — спросила Аленка.

— Когда я стану взрослым, меня будут звать Сорока Тимофеевич... Смешно?

— В нашем классе у одного мальчика имя Плутоний, — сказала Аленка. Мы его зовем Плут.

— А у нас есть Радий, — сказал я. — Он рыжий. И жутко вредный!

— В детдоме дали мне другое имя... Обыкновенное — Иван. — Сорока помолчал и добавил: — А мне нравится Тимофей.

— Иван лучше, — заметила Аленка.

— Лейтенанта того Тимофеем звали, — сказал Сорока. — Который меня нашел.

— Коля рассказывал про Смелого. Это правда?

— Правда, — сказал Сорока.

— А могилу нашли?

— Мы поставим ему памятник.

— Кому памятник? — спросила Аленка, которая ничего не слышала про Смелого.

Сорока стал рассказывать и эту быль. Аленка вся подалась вперед, слушая его. Для нее это было полной неожиданностью. Моя сестра считала, что в такой дыре, куда мы забрались, ничего интересного быть не может. И вдруг такое! И не в старинных романах, а на самом деле.

К нам пришел Гарик. Сорока замолчал и стал с интересом рассматривать его. Аленка с досадой взглянула на Гарика: дескать, не вовремя тебя принесло. Гарик встретился с Сорокой впервые. Он даже сначала не сообразил, что это Президент. Гарик был чем-то расстроен. Лицо хмурое, рубашка промокла и испачкана в земле. Рыбачили на дожде, что ли?

— Мы уезжаем, — сказал Гарик и посмотрел на Аленку.

— Надо с вашими попрощаться, — она поднялась с кровати.

— Еще палатку не свернули...

Аленка снова улеглась и ноги положила на спинку.

— Совсем? — спросил я. Гарик кивнул. За все время Сорока не проронил ни слова. По лицу его было непонятно: рад он, что уезжает Гарик, или ему все равно.

Гарик подмигнул мне и вышел в сени. Я за ним.

— Этот тип — Сорока? — спросил он. Я ответил.

— Зачем он к вам пришел?

— Не к Аленке, — сказал я, — Отец ему понадобился.

— Справлюсь я с ним? — спросил Гарик, пошевелив плечами.

— Драться будете?

— Нет вашего отца — пускай уматывает. А то расселся...

— Места не жалко... Знаешь, почему его Сорокой зовут?

— Если не уйдет, я его выставлю, — сказал Гарик.

Мы вернулись в избу. Теперь Гарик стал с любопытством разглядывать Сороку. Прикидывал: справится с Президентом или нет? Пускай подерутся. Я бы посмотрел. И Аленка посмотрела бы. Ее любимый Айвенго дрался на всех турнирах. И всегда побеждал. Одно дело рыцари дерутся, другое — мальчишки. Там все было красиво: пики, щиты, перчатки бросали друг другу. А тут как начнут кулаками размахивать, чего доброго, еще царапаться станут. Я не люблю драться. Бывает, конечно, в школе сцепишься то с одним, то с другим. Один раз меня пеналом по голове стукнули. Пенал сломался, а у меня три дня шишка сидела. Потом прошла. А я этому мальчишке кулаком в глаз заехал. Он неделю с синяком ходил. Злился на меня: без пенала остался, да еще синяк под глазом. А мою шишку никто не видел. Она на голове спряталась в волосах.

В комнате стало тихо. Все молчали. Сорока смотрел в окно, ждал отца, который ушел за солнцем и неизвестно когда придет.

Гарик наблюдал за Сорокой, придумывал слова, чтобы его разозлить, а потом подраться. Аленка смотрела в потолок и думала о Смелом, которого Плешатый Дьявол пытал.

Я тоже стал думать. О наших соседях, которые через два часа уедут. В Таллин, а потом в Ригу. Вячеслав Семенович рассказывал, что под Ригой сохранились развалины старых рыцарских замков. Он обязательно должен их посмотреть. Хорошо, у кого машина. Куда захотел, туда и поехал. Мне понравились наши соседи. Я один раз вечером, наверное, с час просидел на крыльце и слушал, как поет Лариса Ивановна. Она варила на костре уху и пела. Огонь лизал черные бока котелка, постреливали сучья. Лариса Ивановна, присев на корточки, смотрела на огонь и пела:

А у нас во дворе есть девчонка одна...

Я гляжу ей вслед, ничего в ней нет.

А я все гляжу, глаз не отвожу...

Мне эта песня понравилась; мотив хороший, а вот слова не совсем понятные: «Я гляжу ей вслед, ничего в ней нет...» А что должно быть в ней, если смотришь вслед? Вот этого я никак не мог взять в толк. Спросил у Аленки, что, дескать, это значит? Чего у этой девчонки не хватает? Аленка подумала, а потом сказала:

— У нее фигура отвратительная.

Лариса Ивановна пела и другие песни, я слова не запомнил. Не умею я такие слова

запоминать. И мотив тоже. Я любил слушать. Огонь освещал ее красивое задумчивое лицо и волосы. Мне очень хотелось подойти к костру и посидеть с ней рядом. Но я почему-то стеснялся и слушал песни, сидя на своем крыльце. Лариса Ивановна иногда заговаривала со мной. Однажды я нарубил в лесу сучьев и принес ей охапку. Лариса Ивановна посмотрела на меня и спросила:

— Тебе не скучно здесь?

— В городе сейчас пыль и жарища...

— Это верно, — сказала она.

Голос у нее нежный, тихий. Не то что у Аленки. Эта крикнет, так звону на весь лес. Лариса Ивановна спрашивала, как ловится рыба, кусают ли нас по ночам комары, есть ли здесь змеи. Змей она боялась больше всего на свете. Лягушек тоже не меньше, чем змей. Я думал, что ее в детстве змея укусила, ничего подобного. Змей она видела только в террариуме. Есть такие змеиные питомники. Их там разводят, а потом берут яд и делают из него лекарства. И еще она спрашивала, где мы бываем в Ленинграде, ходим ли в театры. Аленка иногда с папой ходила в оперный театр, а я — в ТЮЗ. И то не сам, а со всем классом. Это когда у нас культпоход. Меня в театры не тянет. То ли дело футбол! Я даже спросил Ларису Ивановну, за кого она болеет. Лариса Ивановна ни за кого не болела. Если бы она болела за «Динамо», то я с ней и разговаривать бы не стал. Моя любимая команда — «Зенит».

С Вячеславом Семеновичем у меня тоже хорошие отношения. Он показал, как управляют «Волгой», и один раз дал порулить. Это когда мы ездили в Островитино. К их родственникам. Они работали в поле, кроме старухи, которая полола в огороде капустные грядки. Лицо у нее было сморщенное, коричневое, пальцы костлявые и тоже коричневые. И всего один желтый зуб. Вячеслав Семенович долго разговаривал с ней, все расспрашивал про каких-то знакомых. Нам надоело их слушать, и мы с Гариком, прихватив ржавую консервную банку, пошли к хлеву, где возвышалась навозная куча. Нам позарез нужны были свежие черви.

Потом Вячеслав Семенович подтолкнул Гарика к старухе, сказав при этом:

— Это он...

Старуха пристально посмотрела на Гарика выцветшими глазами, и пожевав губами, сказала:

— Семен-то был чернявый, и нос прямой... Господи, уж сколько-то годков с тех пор прошло?

— Червей не забудь, — шепотом сказал мне Гарик. Мы не стали говорить старухе, что разрыли навозную кучу.

Потом мы уехали. Вот на обратном пути Вячеслав Семенович и дал мне руль... Он тоже пел. Мне его почему-то было слушать неинтересно. Может быть, потому, что он пел другие песни, хорошо мне известные. Такие например: «Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...» Или: «Ну а случись, что он влюблен, а я на его пути. Уйду с дороги, таков закон, третий должен уйти...»

Я ни разу не слышал, чтобы Вячеслав Семенович и его жена пели вдвоем. Только по отдельности.

И вот они уезжают. Привыкли мы к ним. Каждое утро здороваемся: «Доброе утро!» А вечером говорим друг другу: «Спокойной ночи». Мы с Аленкой говорим это Вячеславу Семеновичу и

Ларисе Ивановне, Гарику не говорим. Он нам тоже не говорит. По крайней мере — мне. Аленке, может быть, и говорит.

Я взглянул на Гарика. Мрачный, как туча. Глаза блестят. Не хочется уезжать Гарику. Утром мы еще спим, а он уже со спиннингом на озере. То один, то с Вячеславом Семеновичем, то с Фёдей Губиным. Я закалялся с ними ездить. С тех самых пор, когда бомбу в воду бросили. По Аленке вздыхает Гарик. А она в его сторону почти не смотрит. Я знаю, чем больше на девчонку глядишь и вздыхаешь, тем меньше ей нравишься. И наоборот. У меня такого еще не было. Правда, нравится мне одна девчонка из соседнего класса. Мы иногда в спортзале встречаемся. Она здорово через коня прыгает и в баскетбол играет. Выше меня на целую голову, хотя и перешла в шестой, как и я. Красивая, ни на кого не смотрит. Один раз только на меня посмотрела и сказала: «Хочешь, вот с этого места заброшу мяч в сетку?» Встала, широко расставила длинные ноги и забросила. Если бы она промахнулась, я посмеялся бы над ней, и все. Но она точно бросила мяч. С тех пор она мне нравится. Встречаясь в школьном коридоре, мы киваем друг другу. Я ей, она — мне. Мы не разговариваем. Не о чем нам с ней говорить.

Вот уже второй год мальчишки ухаживают за Аленкой, и я хорошо знаю все эти штучки. Еще ни разу Аленке не понравился мальчишка, который за ней бегают и вздыхают, как корова. Киноартисты нравились сестре. Олег Стриженов, Рыбников, Тихонов. Она где-то доставала их портреты и носила в школу в дневнике. А потом подружкам раздаривала.

Я смотрел на Гарика и на Сороку. Они ровесники, но совсем не похожи друг на друга. Гарик светловолосый, большеглазый. У него правильное лицо, белые ровные зубы. Когда Гарик смеется, он очень симпатичный. И когда не смеется — симпатичный. Гарик имеет привычку пальцами ерошить свой вьющийся хохолок. И одевается Гарик по моде. Рубашки у него цветные, брюки узкие. А Сорока на одежду не обращает внимания. Светлая рубаша с закатанными рукавами и синие штаны. Всегда босиком. Иногда брезентовую куртку с капюшоном надевает. Это когда дождь. А сегодня без куртки. Хотя Сорока и сельский житель, а говорит правильно, не искажает слова. Не то что Коля Гаврилов или Фёдя. Эти как хотят коверкают слова и ударения. Говорят: «Эва чаво сказанул!» Или: «вярёвка», «небось», «испужался», «гораздый брехать-то!» Да разве все слова запомнишь? Я убежден, что Фёдя Губин и Коля нарочно такие словечки употребляют. А когда нужно, тоже правильно говорят. Особенно со взрослыми. А вот Сорока никогда не коверкает слова. Волосы он вообще не причесывает. Они у него короткие и растут прямо. Черные, наверное, у него волосы. А сейчас на солнце выгорели. Скулы широкие, почерневшие, глаза пристальные, серые. Когда Сорока на тебя смотрит, то кажется, он наперед знает, что ты скажешь. Над переносицей две продольные морщины. Они делают Сороку старше. И эта ямка на подбородке. Кто-то камнем, наверное, стегнул. Из рогатки. Я заметил на голове несколько шрамов. Особенно один выделялся над правым ухом. По краям — точки. Это след от скобок. Чувствуется, что Сорока побывал в переплетках. Грудь у него широкая и кулаки крепкие.

Когда Сорока улыбается, лицо его становится мягким, глаза лучистыми, а сам — такой симпатичный. Но Президент редко улыбается. Вот сидит у нас с час и еще ни разу не улыбнулся. А мне очень хочется, чтобы он улыбнулся.

Я еще раз окинул их взглядом и признал, что Гарик симпатичнее Сороки. Но Аленка посматривает на Президента с гораздо большим интересом, чем на Гарика. А тот, перехватив ее взгляд, еще больше обозлился. Чует мое сердце, что они сцепятся. Гарик вспыльчивый, оскорбит Президента, а тот и за что не спустит. Не такой он человек, чтобы спускать. А пока они не обмолвились ни ни словом.

— Уезжаешь, а на танцы так и не сходил, — сказала Аленка.

— Я был, — ответил Гарик.

Аленка удивленно уставилась на него. Ей и в голову не приходило, что Гарик может без нее пойти на танцы.

— Время даром не теряешь...

— Я смотрел фильм, — сказал Гарик. — «Свинарка и пастух».

— Я думала, танцевал.

— Здесь танцуют фокстрот под пластинку «Марина, Марина...» и разводят кроликов, — сказал Гарик и посмотрел на Сороку.

Президент невозмутимо молчал. Тогда Гарик добавил:

— Правда, какие-то бездельники каждый вечер на острове пляшут вокруг костра, наподобие дикарей... Кажется, этот танец называется «Не ешь меня сырую...».

Аленка фыркнула и посмотрела на Сороку, который все так же молча сидел на табуретке. Пальцами он барабанил по коленке. Лицо спокойное, даже равнодушное. Словно Гарик разговаривает на языке, который ему непонятен. А Гарика это молчание еще больше подхлестнуло.

— У дикарей — их племя, кажется, называется «мяу-мяу» — есть вождь, который страдает манией величия... — продолжал он. — Он требует, чтобы ему все поклонялись, как идолу... Кто не хочет поклоняться, того сбрасывают с острова вниз головой... У вождя какое-то птичье прозвище... То ли Воробьиный Нос, то ли Сорочинская Ярмарка... Только не Соколиный Глаз...

Аленка, она сначала смеялась, а потом перестала, уселась на кровать и с удивлением смотрела на Гарика. Ей было неприятно, что он оскорбляет Сороку. Я ожидал, что Президент встанет и врежет Гарику в ухо. Но Сорока был удивительно спокоен. Все так же барабанил пальцами по колену и смотрел в окно. Уж не оглох ли? Вот он повернул голову к Гарику, посмотрел на него. Не со злостью, с любопытством. Чуть заметно улыбнулся; пожалуй, Гарик не разозлил его, а насмешил.

— Каков нынче улов? — миролюбиво спросил он, но Гарик так и подскочил.

— Пять лещей по два килограмма взял, — с вызовом сказал он. — Не веришь-можешь посмотреть.

— Верю, — ответил Сорока.

Мне захотелось взглянуть на лещей.

Они лежали возле палатки, на траве. Черные пятнышки глаз, обведенные белым кружком, еще блестели. В нескольких местах на боках сквозь слизь краснели царапины. Лещи были широкие, огромные. Один из них медленно раскрыл желтоватый рот и снова закрыл. Я представил, как Гарик тащил его на удочку из глубины... Ну почему мне ни разу еще такие не попадались?

Аленкиного леща я в счет не принимал. Уж очень он спокойно пошел к ней в руки. Как ручной. А потом, эта большая тень под водой... Я обследовал Аленкиного леща и вот что обнаружил: на верхней губе остался свежий след от крючка. Не от Аленкиного, от другого... Этот лещ —

подарок Сороки. Он ведь обещал ей. Подплыл под водой и прицепил. Аленке я не сказал, не стал ей настроение портить. Это ее первый лещ.

Когда я вернулся в дом, Сорока и Гарик стояли друг против друга. Лицо у Гарика залито румянцем, кулаки сжаты. Сорока спокоен, на губах усмешка. Аленка сидела на кровати; подобрала под себя ноги и с любопытством смотрела на них.

— Это не твое озеро! — громко говорил Гарик. — Сидишь на своем дурацком острове и сиди! А в чужие дела нос не суй!

— Не ори, — спокойно отвечал Сорока. — Лодку Гриб не получит. А капроновую сеть Коля понес рыбинспектору.

Гарик подступил еще ближе к Сороке и, понизив голос, с ненавистью спросил:

— Тебе платят за это?

— Дурак, — сказал Сорока.

Гарик стиснул зубы.

— Не вздумайте драться, — сказала Аленка.

Я думал, Гарик сейчас ударит Сороку. Но он прошел мимо него и остановился у порога.

— Проломят тебе башку!

— Пуганный, — сказал Сорока.

— Мы еще с тобой поговорим, Президент!

— Конечно, — ответил Сорока.

Гарик выскочил за дверь, но тут же снова приотворил и позвал меня.

Молча мы дошли до палатки. Вячеслав Семенович и Лариса Ивановна укладывали вещи. Багажник у «Волги» был откинут.

— Ну, как ты решил? — спросил Вячеслав Семенович. Гарик только махнул рукой и ничего не ответил.

— Собирайся, — сказала Лариса Ивановна.

Мы отошли немного в сторону, и Гарик спросил:

— Он на лодке приплыл?

Лодки на берегу не было видно.

— Набью ему морду, — сказал Гарик.

— Ты ведь уезжаешь?

— Ради такого дела можно и остаться, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Гарик.

— А как же они? — киимул я на «Волгу».

— Они уедут.

Я ничего не понимал. Поссорился Гарик с ними, что ли? Вроде не похоже, по-хорошему разговаривают.

— Пусть смотаются к Таллин и Ригу, — сказал Гарик. — А потом приедут за мной.

— А где жить будешь?

Гарик посмотрел на меня, невесело улыбнулся:

— Не пустите?

Эх, осел же я!

— Конечно, к нам! — торопливо заговорил я. — Пустим, о чем речь.

Пускай прокатятся вдвоем, — сказал Гарик. — Они все-таки муж и жена. А то мы все время втроем и втроем... А в Таллин в другой раз. Никуда не денется твой Таллин.

Я удивился: почему мой? Я не собирался в Таллин.

— У меня кровать широкая, — сказал я.

— У Феди буду жить, — сказал Гарик. — У них сеновал. Мне и нужно-то одеяло и подушку.

— Помоги палатку свернуть! — позвал Вячеслав Семенович.

Когда я проходил мимо, Вячеслав Семенович говорил:

— Жди нас недели через две... И зайди к ним, в Островитино... Не чужие ведь!

— Один спиннинг я возьму, — отвечал Гарик. — И подсачок.

— По-моему, здесь дело не только в рыбалке?..

— Лариса зовет, — сказал Гарик.

В сенях я столкнулся с Сорокой. Он с мешком в руках выходил из дома. Кто же у него в мешке?

— Здоровые лещи? — спросил Сорока.

— Во-о-о! — показал я.

— Сетью и дурак вытащит, — сказал Сорока.

— Сетью? — удивился я.

— С ночи второй раз сети поставили... Лещ-колосовик нерестует. На рассвете я ее поднял. Рыбу, она с икрой, — в озеро, а сеть Коля понес в Полозово, к инспектору. Втроем поставили. Этот, — Сорока кивнул в сторону Гарика, — Гриб и еще один парень, Федькин родственник. Одну тоню только успели поделить... По полпуда на брата досталось...

— Я думал, он удочкой, — сказал я.

— Жадность родилась раньше их.

Я решил испытать Сороку: он или не он подсунул леща Аленке?

— Аленкин лещ у самых камышей клюнул...

— Вот как? — сказал Сорока.

— Я там удил — пустое дело.

— Бывает, — сказал Сорока.

— На голый крючок взял... Без червя.

— Ну и дурак, — усмехнулся Сорока.

— Кто?

— Лещ, конечно, — ответил Сорока. Он посмотрел на Гарика и Вячеслава Семеновича — они палатку сворачивали.

— Остается он, — сказал я.

— Лещи наши понравились? — Сорока посмотрел на остров, и лицо его стало озабоченным. — Куда Коля пропал?..

— Придет, — сказал я.

— Возьми, — Сорока протянул мне мешок.

Я осторожно взял мешок и заглянул туда.

— Тащи за уши, — сказал Сорока. — Не укусит.

В мешке сидели два кролика. Пушистые, ушастые. Они шевелили ноздрями и щурились.

— На развод вам, — сказал Сорока.

Мне кролики нравились. Я давно мечтал завести их, да все негде было. Не в комнате же их держать!

Сорока пошел вдоль берега. Наверное, лодка в камышах спрятана. Или в деревню отправился. Колю разыскивать. Куда действительно мог он подеваться? Кролики обнюхали мои руки. Зверьки были совсем ручными. И даже не убежали, когда я их выпустил на лужайку.

У толстой сосны стоял Гарик и хмуро смотрел в ту сторону, куда пошел Сорока.

— Погляди, что у меня! — крикнул я.

Гарик не обернулся.

Глава двадцать третья

Вечером на узкой деревянной лодке приплыл Коля Гаврилов. Он был чем-то расстроен, разговаривал мало. Молча взял со дна лодки охапку травы и передал мне.

— Молочай для кролей, — сказал он. Этого молочая много росло вокруг нашего дома. Кроликов мы определили в сарай. Коля посоветовал вырыть им нору и напихать туда сена.

— Убегут, — сказала Аленка.

— Еще пару дадим.

— Мне эти нравятся, — сказала Аленка. Она весь день возилась с кроликами. Ласкала их, кормила всякой всячиной. Она предложила пустить их в избу, пусть живут с нами, но я отговорил. Что за удовольствие кроликам жить в квартире? Они любят воздух, природу.

Я заметил на Колином лице синяки. Даже в сумерках было видно, что одна скула у него вздулась, а глаз стал маленьким. Коля нет-нет да и дотрагивался до скулы. И часто шмыгал носом.

— Кто это тебя разукрасил? — спросил я.

— Три рыла на одного, — сказал Коля. — С кем хочешь можно справиться.

— Это за капроновую сеть? — сообразил я.

— Отобрали, сволочи!

— Какую сеть? — спросила Аленка.

— У Каменного Ручья подкараулили...

— И Гарик был? — спросила Аленка.

— Он меня не бил, — сказал Коля. — Гриб постарался и этот... Васька Свищ... Федьку я за палец кусил — вот завизжал! — Коля даже улыбнулся. — А я утек...

Аленка провела рукой по Колиной голове.

— Сколько шишек!

— Это Свищ, — сказал Коля. — У него кулаки — что камни...

Коля замолчал и посмотрел в сторону леса. Лицо его стало хмурым.

— Идут, гады! — сказал он.

К нашему дому приближались Гарик и Федя, Незнакомый парень остался у сосны. Он строгал ножом палку.

— Я пойду, — сказал Коля. — Противно на них смотреть...

Когда Гарик и Гриб остановились у крыльца, он отчалил и стал грести к острову.

— Наше вам с кисточкой, — заулыбался Гриб. Он был без своей знаменитой кепки, палец завязан тряпкой.

Мы с Аленкой промолчали. Зачем они пришли?

— Это Президент в лодке? — спросил Гарик.

— Бить пришли? — усмехнулась Аленка. — Втроем одного? У вас уже есть опыт...

Лодку было в сумерках не видно, но еще слышался скрип уключин и журчание воды. Солнце спряталось за островом. Вершины сосен пламенели.

— Не уйдет от нас Президент, — сказал Гриб и ухмыльнулся.

— В другой раз, когда будете избивать младенцев, надевайте рукавицы, сказала Аленка. — Не так опасно. — И посмотрела на Федин палец.

— Надеюсь, ко мне это не относится? — спросил Гарик.

— Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты... — отрезала Аленка. Повернулась и ушла домой, крепко хлопнув дверью.

— Белены объелась? — спросил Федя, убивая на щеке комара. Он повернулся к лесу и свистнул. Вразвалку подошел парень. На вид ему лет восемнадцать. Лицо грубое, широкое. Волосы курчавые. В руках толстая березовая палка, которую он выстругал, пока мы разговаривали.

— У кого есть закурить? — спросил он.

Гарик достал сигареты, протянул парню. Он положил палку на ступеньку, закурил.

— Это Свищ, — сказал Федя.

Свищ выпустил облако дыма, посмотрел на Федю.

— Не Свищ, запомни, ты, Гриб поганый, а Свищев Василий Кириллыч.

— На колхозной полуторке шофером работает, — уважительно сказал Федя.

— Ты еще забыл сказать, что на днях я переехал чужого петуха...

Василий Кириллыч отвернулся от нас и стал пускать дым в другую сторону. Еще было не темно, а над лесом уже сияла полная луна. В лесу покрикивали птицы. Вчера поблизости щелкал соловей, а сегодня что-то не слышно.

Из леса прибежал Дед. А отца все еще нет. Сидит на берегу и любуется озером. Пошел за солнцем, а вернулся с луной. Федя, увидев Деда, поморщился. Вспомнил, как старик его отделал за меня. Дед обнюхал всех по очереди, посмотрел на меня: мол, прогнать их или не стоит?

Свищ пошевелился, сплюнул и сказал:

— Не люблю собак. В Полозове давеча одна иа меня кинулась, так я ее дрыном уважил...

— Насмерть убивает, — сказал Федя.

— Сергей, — повернулся ко мне Гарик. — Мы решили проучить Президента... С кем ты: с нами

или с ними?

— Я ни с кем, — ответил я.

— Ты знаешь, где вход, — сказал Гриб.

— Нам глаза завязывали.

— Вспомни, — сказал Федя.

Свищ бросил окурок на тропинку. Огонек прочертил красноватую дугу и погас. Свищ почесал подбородок.

— Пора разогнать эту вшивую республику, — сказал он.

— Ты покажи, где вход, а там мы сами... — сказал Гарик.

— Капут Президенту, — прибавил Федя.

Я ничего не имел против Сороки. Он меня не обидел, не оскорбил. Наоборот, двух симпатичных кроликов подарил.

— Поищите сами, — сказал я, — может, найдете...

— Ладно, — сказал Василий Кириллыч, — наши парнишки, что якшаются с ним, покажут.

— Я толковал с ними, — сказал Федя. — Как в рот воды набрали.

— Припру к стенке — покажут как миленькие...

Они ушли. Прямоком через лес, в Островитино. Голоса становились все тише и скоро совсем умолкли. Вдалеке чиркнула спичка и через мгновение погасла. На небе стало много звезд. Луна медленно плыла между ними.

На острове полыхал костер, двигались тени. Сорока и его приятели готовили ужин. А может быть, они и впрямь танцуют у костра?

Отворилась дверь нашего дома. Ко мне подбежал Дед. От него пахло щами. Аленка накормила. Мне тоже захотелось есть. Что сегодня на ужин? Жареная щука, которую нам перед отъездом принес Вячеслав Семенович. И еще абрикосовый компот. Из наших ленинградских запасов.

— Ушли? — спросила Аленка. Я не заметил, как она подошла.

— Теперь будет драка, — сказал я.

— У них свои счета, а Гарик-то чего лезет?

— За компанию, — сказал я.

— Этот Гриб — ладно, но от него я не ожидала...

— Он не бил...

— У Коли вся голова в шишках... Бить по голове!

— Дурная привычка, — согласился я.

— Ты бы предложил Гарику пожить у нас.

— Не захотел.

— Подумаешь! — сказала Аленка.

В лесу крикнула какая-то птица. Ее голос не понравился Деду, и он зарычал. С озера подул ветер, запахло мокрой травой, лилиями и дождем.

— Посмотрим, как кролики спят? — предложила Аленка.

Мы подошли к сараю, где поместили кроликов. В сарае темно, пахнет прелью. Аленка на что-то наступила и отшатнулась, ударив меня локтем в живот. Кролики рядом сидели в большой дырявой корзине, устланной травой. Я нащупал их спины. Они были теплые и приятно щекотали ладонь. И уши у кроликов были хрупкие и теплые.

— Я их поглажу, — сказала Аленка.

Я подождал ее, и мы вместе вышли из сарая. На крыльце стоял отец.

— Вы где, разбойники? — негромко спросил он. Мы стояли и трех шагах от него, и он нас без очков не видел. Мы молчали. Отец переступил с ноги на ногу и посмотрел вверх наших голов на небо.

— Где вас, чертенят, носит? — сказал он и ушел в дом.

— Как ты, Сережа, думаешь... — начала Аленка. И замолчала. Я подождал немножко и спросил:

— Ты про Гарику? Или про Сороку?

— Можно подумать, что у меня в голове одни мальчишки, — сердито сказала Аленка. Шагая за ней, я подумал, что никогда не знаешь, что у девчонок на уме.

Глава двадцать четвертая

Я проснулся от громкого лая. Выскочил на крыльцо: у нашего берега покачивалась на воде железная моторка. Пятнадцать мальчишек, не меньше, сустились на берегу. Дед яростно налетал на них, но не трогал. Мальчишки, не обращая на него внимания, взваливали на плечи почерневшие бревна и таскали в лес. Тут были Сорока, Коля, Васька, Темный, Рыжий и совсем незнакомые мне. В общем, вся республика. Правда, я не знал, сколько человек живет на острове. Кто-то там наверняка остался. Охранять остров.

Судя по всему, ребята решили строить избушку в лесу. В лодке лежали ящик с гвоздями, три молотка, топоры, лопаты, стопка свежеструганных досок. К нашему берегу откуда-то все время прибывало бревна. Возможно, это тоже работа ребят. Они где-то заготовили лес и сплавляли сюда.

Отец и Аленка спали. Когда они встали, берег опустел. Ребята, разгрузив лодку, ушли в лес. На берегу не осталось ни одного бревна. На корме лодки сидел мальчишка в трусах. Спина черная. В руках увеличительное стекло. Мальчишка что-то выжигал на фанере. Изредка он отрывался от этого дела и осматривался: нет ли на горизонте чего угрожающего. Да, этих

ребят не застигнешь врасплох.

Я спросил у мальчишки, чего они тут собираются строить. Он ничего не ответил. Или не расслышал, или ему запрещено разговаривать. Как часовому на посту. А вот выжигать стеклом на фанере можно.

Меня разобрало любопытство: что они там делают, у большого муравейника? Заперев Деда в комнате, я отправился в лес. Еще издали я услышал перестук топоров, голоса ребят. А скоро и увидел их. Мальчишки строили избушку. Она уже до половины была сложена. Из бревен, которые они скрепляли железными скобами. Неподалеку от муравейника ребята строгали, пилили, что-то сколачивали.

Я остановился в нерешительности: на месте оставаться или подойти поближе? Отсюда не слышно, что они говорят, а подойдешь ближе — увидят.

Сорока сидел верхом на последнем венце и обухом заколачивал в бревна скобу. Заколотив, вогнал топор в лесину, спрыгнул вниз. Он что-то сказал, и все, побросав работу, собрались вокруг него. И тут я решился: прячась за кустами, осторожно подобрался к ним. Очень хотелось послушать, о чем они будут толковать. Мне сначала показалось, что я выбрал удачное место. Меня не видно, со всех сторон кусты, а я все вижу. Но скоро пришлось отползти в сторону: как раз в том месте, которое я облюбовал, проходила муравьиная тропинка. И насекомые не замедлили накинуться на меня. Еще хорошо, что я быстро отполз, а то пришлось бы на глазах у всех вскакивать и бежать к озеру, вытряхивать муравьев из штанов и рубахи. Несколько штук все-таки забрались под рубаху и противно бегали по спине.

Сорока сидел ко мне боком, я видел его в профиль. Президент был чем-то недоволен. Ребята тоже гудели недружелюбно, бросали на Сороку сердитые взгляды. Говорили все разом, и я ничего не смог разобрать. Но вот Президент поднял руку, и все замолчали.

— Говори ты, Лешка, — сказал он.

Лешкой знали Темного. Он повертел в руках молоток и, глядя вниз, пробурчал:

— Зачем ты их, Сорока, позвал на остров?

Загудели и другие:

— Сам же говорил, что без общего согласия никто не подымется на остров.

— А тут сразу двое...

— Чужаки ведь!

— Дачники...

— А теперь жди в гости...

— Вчера сам Свищ болтался на берегу...

— Неправильно ты поступил, Сорока!

Президент подождал, пока все выговорятся. Лицо у него было жесткое. Он барабанил пальцами по колену. Я заметил, это у него такая привычка.

— Я им глаза завязал, — подал голос Коля Гаврилов. — Они ничего не видели.

— Бабушке своей расскажи... — сказал Темный. — Они тоже не дураки.

— Говори, Сорока! — потребовали ребята.

Сорока молча обвел всех взглядом. Ребята напряженно ждали. Стало совсем тихо. Меня, как назло, укусил муравей. Лопатка зудела, хоть кричи, а я боялся пошевелиться. Скосив глаза, я увидел муравьев. И все они направлялись ко мне. Мое соседство не понравилось проклятым муравьям, они решили меня выжить и с этого места.

— Зачем я их позвал, спрашиваете? — негромко сказал Сорока.

— Какое ты имел право без нашего согласия? — спросил Темный.

— Ты меня, Лешка, не перебивай, — оборвал Президент. — Я вам скажу, зачем я их позвал...

Я так и не узнал, зачем нас с Аленкой позвал Президент на остров. С десятков муравьев, не меньше, вонзили в мои ноги свои челюсти. Проклиная про себя муравьиное племя, я пополз прочь. За кустами я вскочил на ноги и помчался к озеру. На берегу разделся, выбрал из одежды больших красных муравьев и безжалостно побросал их в воду.

Мальчишка отложил стекло в сторону и с интересом наблюдал за мной.

— Пчелы? — спросил он.

— А ну тебя, — ответил я и бултыхнулся в воду.

Глава двадцать пятая

Два дня Гарик не показывался на нашем берегу. Я уж подумал, что он, возможно, на поезде уехал в Таллин. Зато каждое утро Темный с двумя подручными причаливал к берегу и, захватив инструмент и строительный материал, уходил к большому муравейнику. Избушка была почти готова. Не было крыши и двери. Мы с Аленкой ездили на рыбалку. Сестренке опять повезло: поймала леща граммов на шестьсот. И опять на том же месте. Только на этот раз обошлось без крика. Я тщательно осмотрел рыбину, но ничего подозрительного не обнаружил.

Я тоже решил на том месте постоять. Три часа убил, но ни одной лещовой поклевки не было. Поймал штук десять окуней.

Отец второй день пропадает в интернате. Сегодня утром за ним приплыли Сорока и Коля. В школу прибыл в разобранном виде токарный станок новейшей конструкции, и никто не мог установить его в мастерской. И как обращаться с ним, никто не знал. А наш отец — специалист. Смонтирует станок, а потом ребят обучит работать на нем. Жалко ведь, если новый станок в два счета испортят. Второй день отец об этом только и говорит. Видно, соскучился по своему заводу.

Гарик с компанией деревенских ребят нагрелся днем, когда солнце высоко стояло над головой. Лес разомлел от жары, притих. Умолкли птицы. Вместе с Гариком пришли Федя, Василий Кириллыч и еще трое незнакомых парней.

Компания приплыла на двух лодках. Все были решительно настроены. Я понял, что сегодня на озере будет морской бой. В лодках лежали железные «кошки» с веревками. Если забросить

такую «кошку» на остров, то можно по веревке забраться на него. Ребята основательно подготовились к штурму. Командовал отрядом Свищ.

Аленка выметала сор из сеней и не обращала внимания на мальчишек. Она так размахивала березовым веником, что в воздух поднимались вместе с пылью сухие листья. Гарик иногда посматривал в ее сторону, но не подходил и не заговаривал. По-моему, он не очень уютно чувствовал себя в этой компании. Чужаком. Правда, Федя и Свищ часто заговаривали с ним. Гарик немного оживлялся, а потом снова скисал.

— Ты отправишься с ними? — спросила Аленка.

— Я человек мирный, — сказал я.

Аленка засунула веник под крыльцо и тут же вернулась с книжкой. Уселась на скамейке и стала читать. Мальчишки сидели на берегу и, поглядывая на остров, негромко переговаривались. Обсуждали план нападения. Дед крутился возле них, знакомился. С Гариком они были знакомы. Хотя и не испытывали друг к другу нежности. Федю Дед не любил. Поэтому не стал задерживаться возле него. Зато трое незнакомых мальчишек надолго привлекли его внимание. Он даже забрался в лодку и обнюхал все снаряжение. Парни дружелюбно переговаривались с Дедом, и он оставил их в покое. Свищ небрежно оттолкнул Деда ногой, когда тот приблизился к нему. Я думал, Дед схватит его, но он только заворчал.

У нас кончились дрова. Я взял топор и пошел в лес нарубить сухих сучьев. Гарик направился за мной. Опять будет уговаривать, чтобы я показал вход. Сушняк валялся сразу за домом. Я собирал, а Гарик рубил и складывал в кучу.

— В другом месте удишь? — спросил я.

— На Каменном Ручье были с ночевкой, — ответил Гарик.

— На спиннинг?

— Лучили, — сказал Гарик. — Карбидный фонарь и острога. Большая рыба ночью стоит на месте. Подъезжай на лодке и коли. Не понравилась мне такая рыбалка. Это не спорт.

— А почему она стоит?

— Спит, наверное.

Я представил озеро и сонную рыбу, которая стоит на одном месте и чуть шевелит хвостом. К ней медленно подплывает лодка. На рыбу направляют луч и взмахивают острогой... Из рыбины хлещет кровь, она дергается на остроге.

И кто только придумал на бедную рыбью голову столько бед?

— Сорока, оказывается, насолил всем в деревне, — сказал Гарик. — Один раз в него пальнули из ружья — все равно не угомонился!

— За что?

— За сеть, которую он весной порезал. Я вспомнил про вмятину на подбородке Сороки. Вот откуда она! Дробина попала.

— Ружья не испугался — вас и подавно, — сказал я.

— Только бы на остров попасть.

— Ну заберетесь на остров, а они вас оттуда в воду. Кверху тормашками.

— Алена сегодня что делает? — спросил он.

— Спроси у нее, — сказал я.

Гарик посмотрел на меня и ничего не ответил. Не нравилось ему, что я с Сорокой в хороших отношениях. Гарику хотелось, чтобы я был с ним заодно. Против Сороки. Чтобы я вход показал и все такое. Не могу я Президенту такую свинью подложить. Ему и так из-за нас с Аленкой попало от ребят...

— На вашу лодку можно рассчитывать? — спросил Гарик.

— На это дело — нет, — ответил я.

— Я просто так, — сказал Гарик. — Она нам и не нужна.

— Ну и прекрасно, — сказал я.

Мы связали веревкой нарубленные сучья. Я хотел взвалить на спину, но Гарик сам взял. Мне досталась маленькая вязанка и топор.

Аленка стояла на берегу в окружении мальчишек. Мы с Гариком одновременно подумали, что они ругаются, и прибавили шагу. Но Аленка не ругалась. Наоборот, она смеялась, слушая Свища. А тот, размахивая руками, что-то заливал ей. Остальные ребята тоже улыбались.

— ...Я ему говорю, — рассказывал Свищ, — насыпь на снег клюкву, а тетерев начнет подбирать ее. Клюква-то кислая, он сморщится, закроет глаза, а ты хватай — и в сумку!

— И поверил? — смеясь, спрашивала Аленка.

— Я чуть со смеху не помер... Рассыпал он эту клюкву на тропинке, а сам за сосну спрятался. Целый час простоял, чуть нос не отморозил, а тетерева все нет... — А вот один охотник научил другого зайцев ловить, — стал рассказывать Федя. — «Насыпь, — говорит, — табаку на пенек, заяц понюхает и как чихнет! А носом-то об пень! И лапы кверху... Не надо и ружья».

Послышался шум моторки. Ребята стали серьезными. Приближалась лодка. В ней сидели отец, Сорока и другие ребята. Свищ подал знак, и мальчишки, пригнувшись, кинулись в лес. Моторки всего на минуту остановилась. Отец вылез, и лодка, круто развернувшись, понеслась к острову. Интересно, заметил Сорока ребят или нет? Если и заметил, то виду не подал. Как только моторка скрылась за камышами, мальчишки снова подошли к нашему дому.

— Здравствуйте, рыбаки! — поздоровался отец. «Рыбаки» вразнобой ответили.

— Почему не заходишь? — спросил отец Гарика.

— На рыбалке был, — ответил он.

— Дом большой, — сказал отец. — Живи у нас.

— Спасибо, — ответил Гарик.

Отец вошел в дом, а ребята стали совещаться перед сражением.

— Топить будем их, как котят, — сказал Свищ.

— По-настоящему? — спросил один из мальчишек.

— Покойников не надо, — ответил Свищ.

— А если не заберемся на остров? — спросил Гарик.

— С «кошками»-то? — сказал Свищ.

— Обрежут веревки...

— Не успеют!

— Президента я беру на себя, — сказал Федя. Сегодня он был при кепке. И, естественно, обрел свой настоящий вид и уверенность.

— Для Президента я приготовил гостинец... — сказал Свищ.

— Я с ним буду один на один, — сказал Гарик.

— Я и Федя — на весла, остальные ложитесь на дно лодки. И не шевелиться... Главное, подобраться незаметно, а у острова я дам команду.

— Подождите, я воду вычерпаю, — сказал Гарик.

— Не беда, коли брюхо замочишь, — сказал Свищ. — Все в лодки!

Ребята кое как улеглись на дно. Свищ и Федя столкнули лодки в воду и стали грести к острову. Гриб даже удочку выставил: смотрите, мол, плыву на рыбалку. Тому, кто лежал на дне, было мало приятно. Федя и Свищ поставили свои ноги им на спины.

Мы с Аленкой смотрели им вслед.

— Порыбачить, что ли? — сказал я.

— Нечего тебе туда соваться...

— Должен я наконец поймать своего леща?

Не мог я сидеть без дела на берегу, когда такое на озере затевалось... Не обращая внимания на сестру, я пошел к нашей лодке. Удочки лежали на месте, банка с червями — тоже. Вслед за мной забралась в лодку и Аленка.

— С берега ничего не увидишь, — сказала она.

Глава двадцать шестая

Мы бросили якорь недалеко от острова. Отсюда все было видно как на ладони. Свищ и Гриб шарили веслами в камышах. Я видел клетчатую Федину кепку и кудрявую голову Свища. Ищут вход. Совсем в другом месте. Вот они обогнули остров и исчезли из вида. Бедный Гарик, лежит в луже, а на спине грязные пятки Феди Гриба.

Я знал, что с той стороны искать вход — пустое дело. А пока они проплывут вокруг острова, можно удочки закинуть. Глубина была порядочная, и пришлось поднять поплавков к самому концу удилища. Аленка последовала моему примеру. Но на полавки мы почти не смотрели. Глаза наши были прикованы к острову.

И вот показались лодки. Сначала одна, за ней — вторая. По-прежнему на веслах двое. Остальные скорчились на дне. Зачем, спрашивается? Сверху все равно заметят их. Лодки врезались в камыши и подплыли к самому берегу. Сейчас начнут осаду. Свищ что-то сказал, и со дна лодок поднялись ребята. Даже отсюда было видно, что Гарик весь промок. Свищ показал рукой вверх.

— «Кошки» будут швырять, — сказал я.

— Кошек? — удивилась Аленка. Я не стал ей растолковывать, что эти «кошки» не имеют никакого отношения к настоящим.

Свищ первым закинул «кошку» на остров. Налег на веревку, и «кошка», выворотив ком земли с травой, бултыхнулась в воду, Свищ снова забросил, на этот раз подальше. «Кошка» крепко засела в кустах.

Неужели Свищ и его войско нагрянут врасплох? Кустарник и деревья стояли на самом берегу, и я не видел, здесь Сорока или в домике. Если в домике, то Свищ и его дружки заберутся на остров. Честно говоря, я бы не прочь подать сигнал Сороке, но как это сделать?

Между тем Свищ полез по веревке на остров. Он упирался в берег ногами и довольно быстро продвигался.

Вот он ухватился руками за кромку берега, подтянулся и вскарабкался на остров. Ну теперь, Президент, держись!

Еще две «кошки» полетели на остров. Сейчас Свищ зацепит их за деревья — и полезут остальные. Я видел голову Свища. Голова поворачивалась из стороны в сторону. Но вот голова исчезла: Свищ прицепляет «кошки». Приготовился лезть Гарик. Он стоял на носу лодки и дергал за веревку.

Полез Гарик. Когда он добрался до середины, веревка как пружина взвилась над его головой, а Гарик с шумом грохнулся в воду. Только ноги мелькнули. Обе лодки закачались на волне. Гарик вынырнул и, фыркая, поплыл к ближайшей лодке. Вода ему попала в нос и в рот. Он крутил головой, отплевывался.

— Один навоевался, — сказала Аленка.

На острове затрещали кусты. Я увидел Сороку и Свища. Президент теснил его к обрыву.

Свищ ухватился рукой за ветку, а ногой ударил Сороку. Тот даже присел. Но тут же выпрямился, вплотную приблизился к Свищу. Они сцепились. Я думал, что сейчас оба упадут в воду. Они возились на самом обрыве. А внизу примолкли ребята. Задрав головы, они смотрели на остров. В воду сыпался песок. Гарик стоял на носу лодки. В руках — «кошка». Но он не решался закинуть ее.

Сорока оторвал от себя Свища и ударил его в лицо. Один раз, второй. Свищ замахал руками, словно захотел в небо взлететь, и стал медленно падать. Он потерял равновесие. Взметнулась туча брызг, и Свищ исчез под водой. И снова обе лодки закачались на волне. Свищ долго не

показывался на поверхности. Сорока стоял на самой кромке и смотрел вниз. Белая рубаха на груди разорвана. Вот он пошевелился и подался вперед, и мне показалось, что он сейчас махнет вниз головой. Но тут вода расступилась, вынырнул Свищ. В несколько взмахов доплыл до лодки. Гарик протянул ему руку.

— Первая атака отбита, — сказал я.

— Неужели опять полезут? — удивилась Аленка.

Лодка отплыла от острова. Мальчишки бросили весла и стали совещаться. Потом Свищ встал на корму и, сложив руки рупором, закричал:

— Эй, Президент! На острове и дурак удержится... Выходи на воду-у!

Остров молчал. Сорока исчез. Я смотрел на кусты. Они не шевелились.

— Что, Президент, душа в пятки? — заорали парни. — Выходи-и на воду-у!

— Гони мою лодку! — закричал Гриб.

— Сдрейфили... Республиканцы!

Остров молчал. Я подумал, что Сорока не будет с ними разговаривать. Выкупал двоих — и хватит.

— Смотри! — сказала Аленка. — Да не туда... На камыши!

Из камышей покидался металлический нос моторки. Лодка с ребятами выскочила на чистую воду. Фыркнул мотор, и она понеслась вперед. На деревянных лодках примолкли. Все смотрели на мчавшуюся прямо на них моторку. На борту железной лодки шесть человек. Пятеро рослых, под стать Президенту, и малыш Коля Гаврилов. Столько же человек и на деревянных лодках. Здесь ребята все, как на подбор, крепкие. Одни Свищ троих интернатских стоит.

Не доходя до лодок, моторка отвернула в сторону и, описав большой круг, остановилась. Мотор заглох. По инерции лодку понесло, и Сорока металлическим веслом придерживал ее. Свищ поднял со дна дубинку, которую при мне вырезал, и положил на сиденье. На моторке заметили.

— Предлагаю драться по-честному, — негромко сказал Сорока.

Свищ и Гарик о чем-то пошептались. Свищ снова положил палку на дно. Федька Гриб ногой нащупал свою.

Я знал, что они не выдержат, обязательно пустят палки в ход. Но и Сорока, наверное, примет меры.

— Какие у них злые лица, — сказала Аленка. — Они утопят друг друга. — Я взглянул на нее. Глаза широко распахнуты. Она забыла про свою удочку, а поплавок что-то не видать. Я хотел ей сказать, но и сам забыл про удочку и поплавок. Лодки стали сближаться. Деревянные сошлись бортами вместе. Так и двигались рядом. Металлическая развернулась бортом и медленно приближалась. Сорока чуть заметно шевелил веслом.

— Еще раз предупреждаю: драться по-честному, — сказал Сорока. — Кто схватится за палку или еще за что-нибудь, пусть потом пеняет на себя.

— Заткни глотку! — рявкнул Свищ.

Началась перепалка. Лишь Сорока не участвовал в ней. Он направлял веслом лодку и зорко следил за противником. А Коля Гаврилов разошелся: вспомнив свои обиды, он клял на чем свет стоит и Федьку и Свища. И даже язык показывал. Лодки сблизились. Сорока швырнул весло на дно и бросился на Свища. Двое уже барахтались в воде.

— В воде не драться! — крикнул Сорока.

Мальчишки послушались его и, отпустив один другого, стали снова карабкаться на свои лодки. Началась полная неразбериха. В драке участвовали все. То один, то другой падали за борт. Немного поплавав, снова забирались в лодки.

Вот, кажется, Свищ свалил в воду Сороку. Он тут же вынырнул и стал переваливаться в деревянную лодку. Федя схватил его за волосы и толкнул в воду. Когда Сорока попытался опять залезть, Гриб стал колотить его по пальцам. Сорока рассвирепел и, поднырнув под лодку, опрокинул ее вместе со всеми.

Кто-то сильно дернул за удочку. Я потянул ее на себя. На крючке кто-то сидел. Я не знал, что делать: или за боем следить, или рыбину тащить. Рыбак победил во мне. Я вытащил окуня.

— И у тебя клюет, — сказал я.

Аленка тоже вытащила окуня. Покрупнее моего. Я поспешно нанизал червя и снова закинул удочку. И сразу клюнуло. Снова окунь. Я чуть не плакал: что делать? Там дерутся, а тут клюет без передышки. Такого клева я еще не видел. Аленка уже вытянула трех окуней. Я снова нанизал червя и отвернулся от удочки. Не дотронусь, пока не кончится драка.

Уже шестеро барахтались в воде, остальные дрались на моторке. Лодка была большая, но и она иногда заваливалась ни один бок. А две деревянные, перевернутые, то исчезали, то показывались днищем вверх на поверхности. Мне захотелось ввязаться в драку.

— Посмотри, какого я поймала, — сказала Аленка.

— Отстань, — отмахнулся я.

Сорока наконец залез на свою лодку и бросился на Федю, который выбросил за борт еще одного из детдомовцев. Они сцепились. Гриб молотил кулаками куда придется, а Сорока выжидал удобного момента. И, улучив секунду, обрушил кулак в подбородок Грибу. Тот заорал и полетел за борт.

Я почувствовал, что моя удочка снова задергалась. Я сел на нее, а окуня снимать с крючка не стал. Не уйдет... Жалко, что такая рыбалка пропадает!

Сошлись Сорока и Гарик. А в это время двое из компании Свища раскачивали моторку, пытаясь опрокинуть. Но лодка не опрокидывалась.

Сорока и Гарик дерутся красиво. Они не облапили друг друга и не хватаются за что попало. Обмениваются точными и сильными ударами.

— Сережа, у меня черви кончились.

— Гляди, Свищ палку подобрал...

— Дай одного?

— На лодку лезет... А Сорока не видит!

Гарик и Президент тузили друг друга. У Гарика потекла из носа кровь. Но он не обращал внимания. Свищ бросил палку в лодку и перевалился сам. Сорока стоял к нему спиной и ничего не видел. Свищ поднял палку, откинул волосы с лица,

— Он не ударит, Сережа! — сказала Аленка. Она забыла про своего окуня и смотрела на лодку. Свищ выпрямился и замахнулся... В этот момент его увидел Гарик. Я не расслышал, что он крикнул, наверное: «Брось палку!» Сорока ударил его в скулу, и Гарик опрокинулся в воду.

— Ива-ан! — закричала что есть мочи Аленка. — Бере-ги-ись...

Президент не успел даже обернуться. Свищ обрушил палку на его голову. Ноги у Сороки подогнулись, он не упал — опустился на борт и спиной сполз в воду.

Я рванул с себя штаны и кинулся за борт. Я слышал, как за спиной скрипели уключины, хлопали по воде весла.

Сорока-а тонет! — раздался дикий крик. Кажется, голос Коли Гаврилова.

Драка прекратилась. Интернатские саженками резали воду. Но Президента не было видно. Он, очевидно, потерял сознание и ушел под воду. Я знал, что глубина здесь большая. А ребята крутились на одном месте, не зная, что делать. Никто толком не запомнил то место, где скрылся Президент.

Металлическая лодка отплыла. Свищ один стоял на корме и тупо смотрел на воду. Рука с палкой опущена.

На поверхности показалась голова Гарика. Он широко раскрывал рот и хватал воздух. Одной рукой Гарик поддерживал безжизненное тело Сороки. Ребята подхватили Президента и поплыли с ним к лодке. Свищ схватился было за весло, но тут все разом закричали: и свои и чужие. Свищ бросил весло в лодку и махнул за борт. Он поплыл к деревянным лодкам, возле которых плавали его приятели.

Когда я забрался в лодку, Сорока уже открыл глаза. Его успели быстро откачать. Лицо у него бледное, с рассеченной головы на висок стекает кровь.

Гарик, у которого тоже кровь хлестала из носа, увидев, что Сорока открыл глаза, прыгнул за борт и поплыл к нашей лодке.

— Он не захлебнулся? — крикнула Аленка. Она порядочно отстала от меня. И теперь сидела, опустив весла.

— Дай руку, — попросил Гарик.

— Что с ним?

— Очухался, — сказал Гарик, забираясь в лодку.

Глава двадцать седьмая

Победа была на стороне островитян. Команда Сороки дралась дружно. Никто не отступил, не

оробел. Когда Сорока пришел в себя, интернатские завели мотор и устремились на Свища. Решились отомстить за Президента. Но парни бой не приняли. Признали себя побежденными и попросили, чтобы им оставили лодки. До берега далеко, а все порядком измотались. Они барахтались в воде.

Свищ молчал. Он держался рукой за перевернутую лодку и смотрел в сторону. Гриб примолк рядом.

Беловолосый парень с оцарапанной щекой — он ухватился за вторую лодку — сказал:

— Свищ — сволочь!

— Заткнись, Карп! — прикрикнул Гриб.

— Дураки, что связались с вами, — хмуро сказал Феде другой парень с синяком под глазом.

— Вы прощения у Сороки попросите, — насмешливо сказал Свищ.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала, — ответил Карп.

— Знаем тебя, браконьер проклятый! — сказал третий парнишка. Ему, наверное, выбили зуб, он все время сплевывал.

Они стали ругаться. Федя Гриб, видя, что ситуация складывается не в пользу Свища, быстренько от него откололся.

— Спасибо не насмерть, — сказал он, косясь на Свища. — А то бы из-за тебя, гада, пересажали в тюрьму...

Свищ даже лицом потемнел, но ничего не ответил. Ухватился обеими руками за борт и стал раскачивать лодку.

Сорока махнул рукой, и моторка, описав дугу вокруг барахтающихся врагов, унеслась к острову. Президент, бледный с завязанной чьей-то рубахой головой, сидел на носу лодки и молчал. Коля Гаврилов — рядом. Он что-то говорил Сороке, но тот не отвечал.

Наша лодка теперь все время была в центре событий. Когда моторка проходила мимо нас, Президент поднял голову и взглянул на Гарика, который все еще возился со своим распухшим носом. Никак не мог кровь остановить. Я думал, что Сорока что-нибудь скажет, но он снова опустил голову.

— Свищ помешал, а то бы я ему от души врезал, — сказал Гарик.

— Зачем же ты его вытащил? — спросил я.

— Не мог же я допустить, чтобы он утонул, — сказал Гарик. — Я еще должен с ним расквитаться...

— Не валяй дурака, — сказала Аленка.

— Он вдрызг разбил мой римский нос... Я должен отомстить!

Я удивленно посмотрел на Гарика. Весь в синяках, из носа кровь хлещет, а он веселится. Честно говоря, я не ожидал от него такого благородства. Получив от Сороки хороший удар в

скулу, он тут же нырнул спасать его. И кто знает, что было бы с Сорокой, если бы не Гарик.

— Ты ничего дрался, — сказал я.

— Президент здоров, — уже серьезно ответил Гарик. — Федька говорит, они все там на острове занимаются борьбой и боксом... Ничего не скажешь, ребята дрались, как гладиаторы.

— У них свои счета, — сказала Аленка. — А ты-то чего ввязался?

— Из любви к искусству, — ответил Гарик.

— Ляг на спину, — посоветовала Аленка.

Гарик лег на спину и откинул голову назад. Он смотрел в небо. Правый глаз у него стал вдвое меньше левого. Я не знаю, о чем Гарик думал, но злости на его лице не было. До нас доносились голоса ребят. Они наконец перевернули лодки и ладонями вычерпывали воду. Гриб для этого дела не пожалел свою любимую кепку. Поддевал сразу полведра воды и выплескивал за борт. Мальчишка, которого Федя называл Карпом, поплыл за веслами. Они виднелись невдалеке.

Голоса были раздраженные. Ребята дружно ругали Свища. А тот угрюмо огрызнулся. К его лодке подплыла палка, которой он ударил Сороку. Свищ подобрал ее и положил на сиденье. Вычерпав воду, ребята отправились в свою деревню. Гарика никто не окликнул, да и сам он не смотрел в их сторону.

Карп и Свищ оказались в одной лодке. Мы не слышали, о чем они говорили, лодки уже удалились на порядочное расстояние. Но мы видели, как вдруг Карп встал и шагнул к Свищу. Тот схватился за палку, но было поздно: Карп изо всей силы ударил его. Свищ не удержался на корме и свалился в воду. Карп поднял его палку и запустил в озеро.

Гриб, он сидел на другой лодке, скорчился на носу и прикрылся своей мокрой кепкой. Я ожидал, что и его сбросят, но обошлось. Хитрый Гриб вывернулся. Уж если кто и виноват больше всех, то Федя. Это он подбил ребят против Сороки. А теперь сидит помалкивает. Я не я и моя хата с краю.

Гарик сказал, что ему не хочется идти к Феде. Я стал уговаривать, чтобы он пожил с нами.

— А это удобно? — спросил он.

Я сказал, что если не хочет в комнате, то мы с ним можем прекрасно спать в сарае. Нужно только сухого сена достать. И крышу подлатать. Толь на чердаке есть. Гарик молчал, и я понял: он ждет, что скажет Аленка.

— Мне все равно, что на троих, что на четверых готовить, — сказала она.

— Я умею уху варить, — сказал Гарик.

— У меня две подушки, — сказал я. — Одну тебе.

Гарик сел и подышал носом. Кровь больше не шла. Зато глаз стал крошечным. Гарик был совсем не похож на себя. Крепко Сорока отделал его. Наверное, и в самом деле занимался боксом. Швырял их всех за борт, как хотел.

Наша лодка мягко ткнулась в берег. Солнце играло на озере. Было тихо. Деревья не

шелохнутся. Ничто не напоминало о сражении, которое только что разыгралось на озере. Природа объявила тихий час.

Глава двадцать восьмая

Мы стали приводить наш старый сарай в порядок. Чего только не было в нем! Слежавшиеся опилки и щепки, истлевшее тряпье, ржавые железяки, пустые банки. Нашли две пары лаптей. Лапти были новые. Я хотел их выбросить, но Гарик повесил на крюк.

— Историческая ценность, — сказал он.

Самой интересной находкой была двухпудовая гиря, которую мы нашли в щепках. Она заржавела, но это не беда, можно песком отчистить. Мы тут же с Гариком стали выжимать эту гирю. Я с трудом поднял ее до пояса. Гарик двумя руками выжал три раза. Когда он бросил гирю на землю, она глухо охнула.

Потом мы стали латать крышу. Разрезали толь на длинные куски и прибивали гвоздями к замшелой дранке. Нам казалось, что мы отремонтировали всю крышу, но когда спустились вниз, то увидели великое множество мелких дырочек.

— Их за год не заткнешь, — сказал Гарик.

— Ночью звезды сюда будут заглядывать. — Аленка вздохнула.

— А дождь? — спросил я.

— Не сахарные — не растаем, — ответил Гарик.

Я вспомнил, что, возвращаясь с Гариком и Федей с острова, когда у нас лодку отобрал Сорока, видел на лужайке стог. В нем сена было еще порядочно. От нашего дома до стога километра полтора. Захватив веревки и велосипед, мы отправились за сеном. На велосипеде поехал я. Гарик и Аленка — пешком.

В сарае с сеном стало сразу уютно, запахло душистыми травами. Сено было сухое, желтоватое. Мы навалили его в углу. Сначала нам показалось, что сена хватит, но, повалявшись на нем, решили сделать вечером еще один рейс. Сено умялось, осело. Мы втроем лежали на душистой подстилке. Солнце нагрело крышу. В желтых столбиках света струилась пыль. В дверную щель просунулась голова кролика. Кролик встал на задние лапы и посмотрел на нас. Мы с Гариком для них вырыли неподалеку от сарая нору. Туда тоже натолкали сена. Кажется, кроликам понравилось новое жилище.

— Где-то сейчас Славка? — сказал Гарик.

— Поехал бы с ними — твой нос был бы цел... — усмехнулась Аленка.

— Дело не в носе, — сказал я.

— У меня такое впечатление, — сказал Гарик, — будто я все это когда-то видел... И озеро, и лес, и ваш старый дом...

— Ты ведь поэт, — сказала Аленка.

— Я серьезно, — ответил Гарик.

— Я бы съела сейчас мороженое, — сказала Аленка. — Пломбир.

— А в Риге я был, — сказал Гарик. — Давно... Хотел юнгой на корабль...

— Ничего не вышло? — спросил я.

— Может, и вышло, если бы... — Гарик замолчал.

История, которую рассказал Гарик

— Я из пионерского лагеря убежал. Там пионервожатый такой тип был... Мы с ним подрались. Он, конечно, здоровый, студент первого курса. В общем, я удрал. Захотелось попутешествовать. Я тогда в шестой перешел. Мечтал стать юнгой. Пятнадцатилетним капитаном... Махнул в Прибалтику...

— Без билета? — спросила Аленка.

— Я сказал, что отстал от ребят, мол, у нас экскурсия в Ригу. Поверили. Всю Прибалтику исколесил. Из Риги подался в Таллин, Пярну, потом в Калининград. Мне сказали, что там стоит на рейде китобойная флотилия «Слава». Не взяли меня на корабль. Даже на рыболовный сейнер не взяли. Там хватает мальчиков с десятилетним образованием. Денег у меня не было, но с голоду не умер. Матросы и рыбаки кормили. А боцман с китобойной флотилии сто рублей дал. На обратный билет. Только я не поехал обратно. А деньги истратил.

Сижу в Калининграде в зоопарке, смотрю на медведей. Они друг с дружкой играют. Есть там в зоопарке скелет кашалота. Метров двадцать длиной, а в прореху между ребрами можно на грузовике въехать. Есть же на свете чудища! Я не знаю, что бы отдал, лишь бы живого кита или кашалота увидеть... Так вот, сижу я и гляжу на медведей, и тут подходит какой-то парень и присаживается рядом. В руках у него кулек с конфетами. Достает оттуда конфеты, разворачивает и бросает медведям. Те, конечно, рады, подбирают — и в рот. А я два дня досыта не наедался. И такое меня зло взяло: тут человек с голоду помирает, а он сытым медведям добро раскидывает. Я видел, как медведей утром кормили. Я ночевал в зоопарке. Интересно там ночью. Звери кричат, как старики, переговариваются. Пахнет там нехорошо. Я выбрал впотьмах местечко получше, а утром проснулся — это змеиный питомник. Вот было бы дело, если бы удав выполз! Говорю я этому парню, что большой он, а дурной. Кто медведей конфетами кормит? Конфеты для людей делают, а не для медведей... Он сразу сообразил, в чем дело, протянул кулек мне. «Ты прав, говорит, — угощайся». Только я не взял... Не знаю, чем я ему понравился, но он часа два со мной разговаривал. Он инженер, приехал на завод в командировку. Целый месяц был в Калининграде. А вечером возвращается в Москву. Делать нечего до поезда, вот и придумал забаву. Конфеты медведям кидать. Вижу, парень ничего, ну, я ему и рассказал про свои дела. Он меня затащил в ресторан, «Чайка» называется. Ну и наелся там я! На неделю. А вечером мы с ним уехали в Москву. На этот раз по закону, с билетом...

Гарик замолчал.

— Приехали в Москву, — сказала Аленка, — а дальше?

— Больше я не убежал.

— А тот инженер? — спросил я.

— Очень хороший человек, — сказал Гарик.

Залаял Дед. Я по голосу определил, что пришел кто-то чужой. Пришел Федя Губин. Он стоял на опрокинутой лодке и уговаривал Деда. Но Дед если невзлюбит кого, то надолго. Он смотрел Феде в лицо и злобно лаял. У Губина почти не видно синяков, лишь нижняя губа вздулась и еще больше отвисла.

— Чего он на меня взъелся? — спросил Федя.

Я прикрикнул на Деда, он еще немного поворчал и отошел.

Аленка и Гарик тоже вышли из сарая.

— Тебе вчера не попало? — спросил я.

— Этот Карп дурной какой-то... Свищу два зуба выбил. Из лодки вытолкнул. Тот с километр до берега плыл. А потом Карп ко мне прицепился... Правильно говорит, что Президент мою лодку отобрал. Нечего недозволенным делом заниматься... Президент зазря ни к кому не пристаёт. А то взяли моду — браконьерничать! Разошелся — не остановить. Ко мне полез. Остальные тоже как с цепи сорвались... Вижу, дело пахнет керосином — их трое, а я один, как шарахну с лодки...

— Хорошо, что еще веслом не огрели, — сказал я.

— Неужто так и не отдаст мою лодку?

— Надоел ты со своей лодкой, — сказал Гарик.

— Лучше моей лодки в деревне нету...

— Плакала твоя лодка, — сказал я.

— Чего ночевать не пришел? — спросил Федя.

— Я заберу свой матрас и плед, — помолчав, сказал Гарик.

— Чего так?

— Храпишь ты, — сказал Гарик.

Федя почесал свой толстый нос:

— Разбудил бы...

— Я в тебя резиновый сапог бросил, ты даже не проснулся.

— То-то я гляжу, на полу валяется, — сказал Федя.

Губастый, в клетчатой кепке, стоял он перед нами и шмыгал носом. После драки весь Федин гонор слетел. И дрался Гриб, надо сказать, не очень здорово. Все норовил схватиться с Президентом, когда на того другие наседали.

— Я ему порох отдам — вернет лодку?

Я пообещал Феде при случае поговорить с Президентом. Гриб и Гарик отправились в деревню. Пешком, вдоль берега. Я предложил Гарику взять велосипед или лодку, но он отказался. Не

успели они скрыться за кустами, как подошла моторка.

— Я за вашим отцом, — сказал Коля.

— А Сорока где? — спросили Аленка.

— Ему доктор скобки накладывает.

— Скобки накладывать — это больно? — спросила Аленка.

— Вытерпит, — ответил Коля.

Из дома вышел отец. Волосы его были смочены водой. На щеке — красная полоса. Отлежал на жесткой подушке. Днем отец не любил спать, а уж если, случалось, засыпал, то вставал сердитый и недовольный.

— Все сделали, что я сказал? — спросил он.

— Без вас не стали подключать, — ответил Коля.

— Почему не разбудили? — набросился на нас отец. — Сколько раз говорил: увидите, засыпаю — толкайте!

— Мы не видели, — сказал я.

— Наверное, часа два провалялся?

— Час, — ответил я.

— Безобразие, — сказал отец.

Он забрался в лодку, и они уплыли.

— Могли бы и нас взять, — сказала Аленка. Я об этом тоже подумал и даже обиделся на отца. Я еще ни разу не был на территории школы-интерната.

— Что мы, токарных станков не видели? — сказал я.

Глава двадцать девятая

Я лежал на сене и шурился. Солнечные зайчики лезли в глаза. Под самой крышей паук свил паутину. В ней висели три сухих кокона. Паука не видно. Прячется в щели. Но стоит какой-нибудь дурехе мухе попасться, как он тут как тут. Налетит на муху, обмотает паутиной, а потом кровь выпьет.

Гарик встал чуть свет. Поплыл щук ловить. Он в любую погоду рыбачит. И редко возвращается пустой. А вот леща еще ни разу не поймал. Тех пять штук я не считаю. Это сетью. Леща интересно поймать на удочку. Вот Аленке повезло: двух штук взяла, хотя я уверен, что тут дело нечисто. Сорока помог... Что-то не видно его. Голова зажила, уже и скобки сняли. Будет у него еще один шрам. Трудно быть Президентом.

Аленка часто выходит на берег и смотрит на остров. С тех пор как Сороку ранил Свищ, он на нашем берегу не появлялся. Аленка была скучной и перестала рыбачить. Вместо нее я каждый вечер становился в камыши, но лещи не клевали.

— Тебе хочется в Ленинград? — как-то спросила Аленка.

— Чего там делать? — ответил я. И, в свою очередь, спросил: — Ты чего все время на остров смотришь?

— Куда хочу, туда и смотрю, — ответила Аленка. — А если ты думаешь, что я жду, когда соизволит появиться твой Сорока, то ошибаешься... Меня он не интересует!

Не вижу я! За день раз сто на остров посмотрит. Вот Сороку девчонки не интересуют, это факт. Ничего, это Аленке полезно. А то привыкла, что мальчишки бегают за ней. Наконец осечка вышла.

Тогда я сказал Аленке, что в Ленинграде мне делать нечего, а вот сейчас вдруг захотелось туда. Хотя бы на один день. Уже скоро месяц, как мы живем у озера. В Ленинграде жарко, пахнет горячим асфальтом. Я вспомнил, как перед путешествием мы ходили в Невскую лавру. Там похоронены великие люди: композиторы, ученые, писатели. В лавре мы играли в прятки. Один раз я спрятался за могилой Неизвестного, и меня никто не мог найти. Я прижался ухом к холодному камню. И мне почудилось, что под мраморной плитой кто-то шуршит, ворочается. Мне стало страшно, я выскочил, и меня сразу увидели. Я никому не сказал, что слышал шорох. И лишь потом, через неделю, привел сюда Андрея. Мы с ним, наверное, полчаса по очереди прикладывали уши к камню, но так ничего и не услышали.

Андрей не стал смеяться надо мной. Он сказал, что такое могло быть. Под мраморной плитой живут жуки-могильщики. Это они шуршали.

Андрей — мой лучший друг. Он летом живет на даче, в Рощино. Это в шестидесяти километрах от Ленинграда. Я у него несколько раз был в гостях. У них там желтый дом. С верандой. В Рощино красиво. Но очень много дачников. Они загорают на лужайках у дома. К дачникам приезжают гости и прогуливаются по лесу. А вечерами в каждом доме гремит музыка: радиолы, телевизоры. Совсем как в городе. Неинтересно жить на даче. Андрей, когда узнал, что мы пешком собираемся идти к озеру, даже расстроился. Я предложил ему пойти с нами. Я знал, отец не будет против. Он хорошо относится к моим друзьям. Против была Андрюшина мать. Она даже слушать не захотела. «Ты маленький эгоист, — сказала она Андрею. — Живешь на даче, как в раю... А знаешь, что в деревне нет такого магазина, как у нас в Рощино? И потом, идти пешком триста с лишним километров — это безумие! Что, у нас в стране кризис с транспортом? Ты умрешь где-нибудь по дороге».

— А мы? — спросил я, обидевшись.

— У вас своя голова на плечах, — отрезала Андрюшина мать. Как он там сейчас на даче? Утром загорают на лужайке у крыльца и чай пьет на веранде. Днем гуляет с матерью и знакомыми, которые приезжают на дачу, по лесу, вечером опять пьет чай на веранде. И если очень хорошая погода, спит на веранде под ватным одеялом.

Рядом с ними живет известный детский писатель. У него собака. А еще дальше живет другой детский писатель. Тоже известный. У того нет собаки. Днем писатели стучат на машинках, пишут новые книги, а вечером собираются вместе и читают друг другу отрывки. И Андрей слушает. Он самый первый читатель, а это очень ценно для писателей. В этом смысле Андрею повезло. Ему не нужно дожидаться встречи с писателями в школе. Писатели под боком. К Андрею они относятся хорошо и часто его спрашивают, понравился ему рассказ или нет. Андрею все нравится, что читают писатели, и поэтому они его любят. А он их. Хорошие, говорит, люди, приятно с ними поболтать.

Написать Андрею письмо? Пусть узнает, как мы тут живем, каких лещей да щук ловим! Напишу ему про лосей, про кроликов, про великое сражение на озере, про Сороку и Гарику. Или не стоит? Прочитает Андрей письмо расстроится. Разве на даче такая жизнь, как у нас? В общем, я решил подождать с письмом. Не любил я писать письма.

Я услышал шум мотора. Сначала подумал, что моторка подошла к берегу. Но шум нарастал, словно обвал. Даже паутина закачалась в углу. Я выскочил из сарая и увидел вертолет. Он пролетел над самой головой и замер над лесом, совсем близко от нашего дома. Летчики двигались в стеклянной кабине. Внизу отвалилась дверца, и на веревке закачался объемистый пакет. Вот он стал медленно опускаться, коснулся вершин сосен и затерялся среди ветвей. И лишь когда вертолет улетел, я сообразил в чем дело: пакет был спущен у большого муравейника. Там ребята строят избушку.

Не раздумывая, я бросился в лес. Раздвинув кусты, увидел Сороку и других ребят. Васька обрезал ножом шпагат. Развернули коричневую бумагу, и я увидел четыре плоских ящика. Темный топором отодрал крышку. В ящике лежал сероватый шифер. Все понятно: летчики подбросили ребятам шифер для крыши. Избушка почти готова. Дверь и рамы вставлены, лишь крыши нет. Теперь будет. К вечеру покроют. Я вернулся на берег. Мне стало немного грустно. Почему я должен из-за кустов наблюдать за мальчишками с Каменного острова? Я понимаю, что я для них чужой, дачник. Но все равно было обидно. Я бы помог им покрыть эту крышу...

Коля Гаврилов сказал, что членом республики стать не так-то просто. Нужно пройти много испытаний; кто не выдержит, того не принимают. Васька, которому я хотел помочь, проходил испытания. А то бревно он должен был один дотащить до большого муравейника. Без остановки. Таковы условия. И это еще не все. Есть испытания потруднее... На острове могут жить лишь сильные, выносливые и храбрые. Васька Островитинский не выдержал только одно испытание: не достал камень со дна озера... Там глубина семь метров. Но его приняли, так как все остальное выполнил. Но камень остался за ним. Потренируется, потом все равно достанет.

— А ты достанешь? — спросил я.

— Спрашиваешь! — засмеялся Коля.

Я бы с такой глубины камень не достал. Воздуху бы не хватило.

— Для чего все это? — спросил я.

— Я могу озеро переплыть и всю ночь один на дереве просидеть.

Я бы не смог. Для чего это нужно, Коля так и не сказал. Каждое утро они тренируются на спортивной площадке. У них есть боксерские перчатки, стеганный мат, на котором они занимаются борьбой. Я бы никогда не поверил, что Коля сможет положить меня на обе лопатки. Я плотнее его и выше. Но он положил меня на лопатки три раза подряд. Он оказался увертливым и сильным. Вот почему Сорока взял его и свою команду, когда была драка. На острове остались еще восемь человек. Они тоже могли бы сесть в лодку, но Сорока взял шесть человек, столько же, сколько было на двух лодках Свища.

Конечно, Коля мне не все рассказал. Мне хотелось узнать, например, про летчиков. Про картонных человечков. И про многое другое, что происходило на острове. Но я для них чужой. И они не вправе доверять мне свои тайны... А что, если попробовать пройти все эти испытания? Ну, пусть сразу не пройду, потом... Я окинул взглядом озеро и вздохнул: вовек не переплыву. А этот камень на дне? Семь метров глубина! Я еще никогда на такую не опускался.

Я услышал скрип уключин: возвращался Гарик. «А он прошел бы испытания?» — подумал я. Гарик бы выдержал.

Он выкинул из лодки щуку. Килограмма на полтора. И окуня на полкило. Гарик загорел до черноты.

— Ты ныряешь на глубину семь метров? — спросил я.

Гарик удивленно посмотрел на меня. К его щеке прилипла круглая чешуйка. Щука хвостом по носу съездила, что ли?

— В Ялте я нырял на четырнадцать, — сказал он. — Это когда кефаль подстрелил...

— Озеро переплывешь?

Гарик снова посмотрел на меня.

— Зачем? — спросил он.

— Это верно, — сказал я.

Глава тридцатая

Опять отец целый день пропадает в интернате. Даже обедать не пришел. Гарик, я и Аленка ели уху, сваренную из щуки и окуней, пойманных Гариком. Отцовская тарелка стояла на столе. И ложка положена. А отца нет.

— Безобразие, — сказала Аленка, — он совсем отбился от дома...

— Я не буду с ним разговаривать, — сказал я.

— Второй день не обедает дома... Для кого я варю?

— Для нас, — сказал я.

Гарик ел уху и помалкивал. Уха получилась вкусная, наваристая. Костей в щуке мало, не то что в окуне и плотве.

— Хороша уха, — похвалил Гарик. Аленка расцвела от удовольствия и тут же предложила еще тарелку. Гарик был сыт, но, чтобы не обидеть Аленку, протянул тарелку.

В это время отворилась дверь и в комнату вошли отец и Сорока. Мы не слышали, как они причалили.

— Как раз к обеду, — сказал отец и повернулся к Сороке: — Садись к столу.

Президент не стал ломаться. Взял табуретку и сел рядом со мной. Аленка достала из буфета еще тарелку, налила ухи.

— Сколько километров до райцентра? — спросил отец.

— Около тридцати...

— Антенна должна быть высотой метров пятнадцать, не меньше.

— Я знаю.

— Как вы ее установите на острове?

— Я вам покажу чертеж, — ответил Сорока.

— Помолчали бы за столом, — сказала Аленка.

Я заметил, что Сорока не ест. Оказывается, Аленка забыла ему ложку положить.

Гарик доел уху и, сказав Аленке «спасибо», поднялся из-за стола.

— А второе? — спросила Аленка.

— Я ведь две тарелки съел, — сказал Гарик. — Пощади.

Он забрал с подоконника спиннинговую катушку и вышел из комнаты.

Я видел, как он прошел мимо окон и уселся на пень. Катушка стала барахлить, вот Гарик и решил ее отремонтировать.

Сорока с невозмутимым видом хлебал деревянной ложкой уху. Когда он нагибает голову к тарелке, видна выбритая макушка и красноватый шрам. Крепко хватил его дубинкой Свищ! Такой удар и быка свалит.

— Вы что, по аршину проглотили? — спросил отец.

Мы молчали.

— Я расцениваю это как бойкот.

— Правильно, — сказала Аленка.

— Это все из-за вас, — взглянул отец на Сороку. Но тот думал о другом. Положив ложку, он сказал:

— Мы сделаем усилители... Детали и материал будут.

— Это другое дело, — ответил отец. — А то получается мартышкин труд...

— Мы вам не мешаем? — спросила Аленка.

— Хватит дуться, — сказал отец.

— Как поживает Кеша? — спросил я.

— Лапу где-то поранил... Всю ночь скулил. Я утром огромную занозу вытащил.

Аленка достала из буфета несколько кусков сахара и протянула Сороке:

— Угости его.

Президент взял сахар, подержал на ладони и отдал Аленке.

— Сама угостишь...

— Когда? — живо спросила она.

— Вот заживет лапа... — сказал Президент.

— Показывай свой чертеж, — сказал отец, отодвигая тарелки.

Аленка убрала со стола, и они склонились над смятым тетрадным листом, который Сорока достал из кармана. Мне хотелось поговорить с Президентом, я обещал Феде спросить насчет лодки, но сейчас толковать с ним бесполезно. Какую-то антенну начертил. И отец втянулся в это дело. Глядит на чертеж, улыбается.

— Послушай, Сорока, — сказал отец, — кончишь школу — поступай в наш институт. В станкостроительный.

Сорока молчит. Аленка смотрит на него.

— У меня другие планы, — наконец отвечает Сорока.

— Какие, если не секрет?

— Я не скажу, — говорит Сорока.

— У тебя способности к технике.

— А если мы установим три усилителя? — спрашивает Сорока.

— Тебе не нравится специальность инженера-станкостроителя?

— Нравится.

— Будешь изобретать новые электронные станки...

— Вас тоже уговорили стать инженером? — спросил Сорока, посмотрев отцу в глаза.

— Я сам выбрал эту профессию... — смутился отец. — И еще ни разу не пожалел.

— Я тоже сам выбрал, — сказал Сорока.

Отец встал и прошелся по комнате. Это признак взволнованности.

— Профессию я сам выбрал, это верно... Но и советами старших не пренебрегал.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Президент.

— Не в этом дело...

Сорока поднялся.

— Я завтра приду.

Он хотел взять чертеж, но отец сказал:

— Оставь.

Сорока переступил порог, посмотрел на Аленку:

— За уху спасибо...

И ушел.

Отец снова прошелся по комнате, взял со стола лист.

— За это сочинение, — сказал он, — я бы с чистой совестью поставил студенту наивысший балл... Он, паршивец, даже не понимает, что сделал...

— У него свои планы, — сказала Аленка.

— Характер — ого-го! — улыбнулся отец. — Из этого парня выйдет толк. Я бы, не задумываясь, взял его в институт.

— Папа, ты никогда не пожалел, что стал инженером? — спросила Аленка.

— Что еще за новости?

— А кто говорил, что в тебе пропадает археолог?

— Одно другому не мешает, — сказал отец. — Академик Павлов писал: «Лучший отдых — это смена форм труда».

— Академик прав, — сказала Аленка. — В порядке отдыха сложи из кирпичей летнюю печь. Мне надоело тут у плиты жариться...

— Мужчин полный дом...

— А что толку? — сказала Аленка.

— Ты просила меня ножи наточить? — спросил я.

— Совсем затупились...

— Так вот, сама будешь точить, — сказал я.

— Дети, не ссорьтесь!

— А тебя, папа, я очень прошу приходить обедать вовремя... Здесь нет газовой плиты, чтобы подогревать.

— Я пошел печь сооружать, — сказал отец.

Аленка сердито гремела тарелками и ложками. И чего разозлилась, спрашивается? Все ей не так да не этак. А может быть, из-за Сороки? Не обращает никакого внимания. И на остров не пригласил. «Отдашь, — говорит, сахар, когда у медвежонка лапа заживет». А когда она заживет? И вообще при чем тут лапа?

Глава тридцать первая

Вечером на острове вспыхнул костер. Искристый дым взвился над соснами. Взошла луна. Она была бледной на фоне вечернего неба. Еще розовел закат. Синие узкие тучи неподвижно застыли вдаль. Давно дождя не было. Не будет дождя — не будет грибов. Это Коля Гаврилов сказал. В нашем лесу растут подберезовики и белые. Немного отойдешь от дома — и собирай.

За час можно целую корзинку набрать.

Мы сидели на старой лодке, от которой пахло гнилыми водорослями и рыбой. Отец куда-то ушел. В лес, наверное. За дождем. Аленка задумчиво смотрела на воду, в которой отражались берега, тучи и луна. Она сидела, обхватив руками колени, — ее любимая поза. Вот тек же в Ленинграде садилась на подоконник и смотрела на улицу. А книжка лежала рядом. Я не знал, о чем Аленка думает.

С тех пор как Гарик поселился у нас, он стал какой-то неразговорчивый, задумчивый. Одно не забывал — рыбалку. С Аленкой они тоже мало разговаривали. И во взглядах, которые бросал на нее Гарик, была грусть. И у Аленки настроение было не лучше. Но грустили они о разном.

Синяки у Гарика прошли. Их отношения с Сорокой были странными.

Они смотрели друг на друга с любопытством, изредка обменивались незначительными фразами, но дальше дело не шло. Вражды между ними не было. Но гордость не позволяла им познакомиться поближе.

— Это правда, что они танцуют у костра? — спросила Аленка.

— Твист, — сказал Гарик.

— Поплыли к ним, — предложила Аленка.

— Если бы я знал, где вход...

— Я знаю, — сказал я.

— И молчал? — укоризненно посмотрел на меня Гарик.

— Я с Сорокой не воюю, — ответил я.

Гарик оживился: на остров наведаться и он был не прочь.

— Подкроемся — никто не заметит, — сказал он.

— Коля говорил, у них часовой...

— Свяжем и рот заткнем!

— Спустят вас, мальчики, вниз головой, — сказала Аленка.

— И колодец у них запирается, — вспомнил я.

— Не хочешь — я один, — сказал Гарик и пошел к лодке. Я подождал, пока он найдет весла и заберется в лодку, а потом тоже поднялся.

— Один не найдешь, — сказал я. Вслед за мной подошла к лодке и Аленка.

— Я с вами, — сказала она.

Гарик осторожно стал грести. Лодка шла неслышно, весла опускались в воду без всплеска. Мне очень хотелось посмотреть, что в такое время делают на острове Сорока и его друзья. К ним кто-то приехал. Я видел, как в полдень с того берега моторка доставила на остров пожилого

человека. В руках он держал рыболовные снасти. Человек стоял рядом с Сорокой и улыбался. Видно, рад, что приехал сюда. Потом я еще раз увидел, он рыбачил на деревянной лодке, неподалеку от острова. На плесе.

Остров медленно надвигался на нас. Вот нос лодки коснулся камышей. Я велел держать на сосну с обломанной веткой, которая еще выделялась на фоне вечернего неба. Раздвинув камыши, мы сразу наткнулись на вход. Он был отворен. Правильно я запомнил.

В гроте было темно, как в могиле. И лишь когда наши глаза привыкли к темноте, мы увидели в смутном колодезном квадрате кусок неба. Нам во второй раз повезло: крышка не закрыта. Я первым полез по железным скобам. Гарик за мной. Аленка осталась в лодке.

— Вы быстрее, — сказала она.

Мы выбрались на поверхность. Тропинки я не заметил, но меж стволов мерцали блики костра. Мы старались не наступать на сучки, не задевать за ветки. Совсем близко раздался шумный вздох, затем кто-то потерялся о дерево. Слышно было, как скрипела шерсть и сыпалась на землю кора. Мы с Гариком замерли на месте. Но сколько ни таращили глаза в темноту, так ничего мы не увидели. Лишь потом я догадался, что это был мой тезка, лось Сережа.

До нас доносится потрескивание костра. Мы видим облитые желтым отблеском стволы, спины мальчишек. Они сидят вокруг костра. Не танцуют твист. Кое-кто лежит. Сорока привалился к толстой ели. В руках у него обугленная палка. Рядом с ним мужчина в брезентовой куртке и резиновых сапогах. Возле него лежит военная фуражка. Это тот самый, которого я видел днем. Над костром на толстой палке, всунутой в рогульки, висит большой котел. В нем бурлит уха. Я ощущаю пряный запах, сглатываю слюну. Ветерок тянет на нас. Пламя костра то удлиняется, облизывая закопченные бока котла, то укорачивается. Когда пламя взметывается вверх, кончик его изгибается в нашу сторону, а мальчишки, сидящие к нам спиной, отодвигаются от огня и дыма и прикрывают глаза руками.

Человек в брезентовой куртке что-то рассказывает. Ему лет пятьдесят. Голова большая, коротко стриженная. Возле носа — глубокие морщины. Пламя костра пляшет на его лице, глаза прищурены. Я вижу, как двигаются его губы, но слов пока не слышно. Мне очень хочется услышать, что рассказывает этот человек. Я толкаю Гарика в бок и осторожно ползу на животе к костру. Спина ближайшего ко мне мальчишки метрах в семи. Рядом сидит кто-то большой. Спина весь костер загорела. Я слышу, как стучит мое сердце. Вот Сорока поднял голову и через костер посмотрел на меня. Я даже дышать перестал. Но Сорока видеть меня не мог. Я находился в тени, а он на свету. И потом, ему мешал костер. Сорока сунул палку и стал шуровать. Искры столбом взметнулись в небо. Затрещали сучья.

Человек в брезентовой куртке рассказывал:

— ...Второй самолет сбил я. В этот вылет на нашем счету было три «мессершмитта». Мою машину подбили, еле до аэродрома дотянул... Не успели позавтракать, как снова команда: «Воздух!» Налетели на наш аэродром «юнкерсы». Одна бомба угодила в бензовоз. Дым, огонь! Виктор первым побежал к своему самолету. А сверху сыплются бомбы, пулеметы строчат. «Юнкерсы» режут над самой головой. Пронеслись на бреющем. Виктор успел добежать до своего «ястребка». Как сейчас вижу: бежит и на ходу доедает бутерброд со свиной тушенкой. Подивился я его храбрости... Да-а, так вот, вскочил он в машину — и в воздух. В общем, на наших глазах трех «юнкерсов» сбил. За этот бой наградили его орденом Ленина.

Рассказчик замолчал, глядя на огонь. Мальчишки смотрели на него, ожидая, что он станет

рассказывать дальше. Но бывший летчик вздохнул и произнес:

— Больше мы с ним не встречались. Меня ранили в голову. В авиацию врачи вернуться не разрешили: заработал это чертово головокружение! На высоте терять память стал. Чуть машину не угробил. Распрощался я с авиацией, а про Виктора слышал из газет. Он под Ленинградом отличился. Там и дали ему Героя Советского Союза. А я был направлен в авиационное училище и там обучал теории летного дела молодое поколение... А недавно ушел на пенсию. Вот такие дела, мальчишки!

Большая спина мешала мне. Я готов был еловой шишкой запустить в эту спину. И потом, она мне показалась знакомой... Это спина взрослого человека.

— Кто это? — шепотом спросил я Гарика.

Он пожал плечами.

Бывший летчик спросил:

— Ну, а как у вас дело продвигается?

Сорока пошевелил палкой красные угли, вздохнул:

— Во все детдомы написали, нет такого... Может быть, у него другая фамилия?

— Много лет прошло...

— Маленький мог забыть свою фамилию, — ввернул словечко Коля Гаврилов. Он примостился рядом с Сорокой, Я его сначала и не заметил. Из-за этой спины. Коля лежал на животе, лишь одна голова виднелась. На щеке красный отблеск.

Я понял, о чем речь. Этот летчик, очевидно, старый знакомый ребят, знал того самого человека, внука Смелого, после гибели которого сын убежал из дому. Ребята вот уже год его разыскивают. Да разве найдешь? Страна такая огромная, а тут один человек. Мальчишка какой-то.

Гарик дышал мне в самое ухо. Но двигаться было опасно, и я терпел. Он тоже слушал летчика и, наверное, ничего не понимал, так как не знал истории про Смелого и его внука.

Спина пошевелилась и сказала удивительно знакомым голосом:

— Мальчика кто-нибудь усыновил...

Вот это сюрприз. Спиной ко мне сидел не кто иной, как мой собственный отец. Куст, за которым я прятался, мешал мне его разглядеть. Сидит себе у костра, прохлаждается. И нам ничего не сказал. Отец называется! Еще хорошо, что Аленки здесь нет, она бы сейчас такой шум подняла.

Гарик тоже узнал отца. Он толкнул меня в бок и неслышно засмеялся. Я все-таки не выдержал: нащупал сухую шишку, их тут полно валялось, и, отодвинув ветку, бросил в отца. Шишка попала в спину. Отец повернул голову, но ничего не сказал. Подумал, что с сосны свалилась. Или жук ударился.

Гарик щипнул меня и показал кулак.

— Уха-то, наверное, готова? — спросил летчик.

Рыжий Леха полез деревянной ложкой в котел. Пока нес ложку ко рту, на кого-то капнул, мальчишка вскочил на ноги и стал тереть под общий смех обожженное место.

— Телячьи нежности, — пробормотал Леха и, подув, протянул ложку летчику. Тот попробовал, улыбнулся:

— А лук?

— Эх, забыли! — с сожалением сказал Леха и бросился в дом. Вернулся он быстро. Сев в сторонке, стал чистить ножом две крупные луковицы. Он их далеко держал от себя, но скоро в глазах заблестели слезы, он чихнул. Нарезав лук, бросил в котел.

— Двойная? — спросил летчик.

Леха кивнул и снова запустил ложку и котел. На этот раз сам попробовал и снова побежал в дом. Вернулся с большой деревянной солонкой. Взглянул на летчика, спрашивая его согласия, тот кивнул. И тогда он всыпал в котел полную ложку соли. От котла потянуло в нашу сторону таким вкусным запахом, что у меня слюнки потекли. Гарик тоже облизывался. Леха и Вася Островитинский сняли котел с костра. Осторожно поставили в специальное углубление на земле. Появились деревянные и алюминиевые ложки, две буханки хлеба. Ели прямо из котла. Сначала хлебали жижу, а потом вылавливали крупные разварившиеся куски рыбы. Отец тоже уписывал уху за обе щеки. И похваливал.

— Полмесяца у нас поживете? Как в прошлом году? — спросил Коля.

— Одну неделю, — ответил летчик. — У меня путевка в санаторий.

— Все мои болезни здесь побоку, — сказал отец.

— Рыбачите?

— Сын с дочерью увлекаются...

— Они места не знают, — сказал Коля.

Летчик положил ложку рядом с котлом и сказал;

— Давайте завтра на зорьке?

— А почему бы не съездить?

— Отправляйтесь к Щучьему острову, — посоветовал Сорока.

Куст хлестнул меня по глазам, кто-то горячо задышал в ухо, потом лизнул в щеку. Я оглянулся и носом к носу увидел коричневую звериную морду. Охнув, я вскочил и бросился куда глаза глядят. Я уже не думал о том, что меня кто-то слышит. Ветви лупили меня по лицу, под ногами трещали сучья. А вслед за мной кто-то гнался и тоже шумел на весь лес. Совершенно неожиданно я выскочил на поляну и увидел колодец, через который мы сюда попали. И только здесь я остановился и перевел дух.

Затрещали кусты, я метнулся к колодцу, намереваясь спуститься, но тут увидел Гарика. Это он, оказывается, бежал за мной.

— Живого медведя видел! — тяжело дыша, сообщил он.

— Он меня лизнул, — сказал я.

И только тут я сообразил, что это был Кеша. Наверное, узнал меня и решил разжиться сахаром.

— Ничего себе, — сказал Гарик. — По острову медведи разгуливают...

— Это Кеша, он маленький... Здесь живут лоси. Сережа и Борька.

— Ноев ковчег, — сказал Гарик, заглядывая в колодец.

Мы спустились в грот и позвали Аленку. Зашевелились камыши, закрывающие вход в пещеру, всплеснула вода, и в дыре показался нос нашей лодки.

— Украдем медвежонка? — сказал Гарик.

— Я часы потеряла, — сообщила Аленка.

— Где?!

— Вон там, — неопределенно махнула рукой Аленка. — Ремешок расстегнулся, и они — буль-буль.

Эти часы Аленке подарил отец в день рождения. Она их очень любила.

— Завтра все тут обшарим, — сказал Гарик.

— Я не сразу сообразила, что это упало в воду, — рассказывала Аленка. — Посмотрела на руку, а часов нет.

— Найдем, — сказал Гарик.

Аленка так расстроилась, что забыла спросить, что мы увидели на острове.

Глава тридцать вторая

— Вот здесь, — сказала Аленка, ткнув пальцем в воду. Гарик свесился с лодки, посмотрел на дно.

— Да-а... — сказал он.

— Меня укусил комар, я подняла руку и ударила его, в этот момент часы и упали.

— Куда комар укусил? — уточнил я.

— В щеку. — Аленка похлопала себя по щеке. — В эту.

— Надо искать здесь, — ткнул я пальцем в другое место.

— А может быть, лодка была в другом месте? — спросил Гарик.

Аленка посмотрела на остров, наморщила лоб.

— Темно ведь было, — сказала она.

Гарик не спеша пристегнул ласты, надел маску, взял трубку в рот. Он стал похож на огромную лягушку. Помахав нам рукой, прыгнул в воду. Немного поплавав, он сделал вдох и нырнул. Я видел, как в озерной прозрачной воде мельтешили его ноги в ластах. Вот он коснулся рукой дна и сразу исчез в облаке желтой мути. На поверхность стали выскакивать большие белые пузыри. Вода заволновалась. Вынырнул Гарик. Покачал головой и, отдышавшись, снова опустился на дно...

Гарик лежит на корме. Грудь его часто поднимается и опускается. Одна рука свесилась с лодки. Как у неживого. Не нашел Гарик Аленкины часы. С час нырял он на дно, пока не выбился из сил. Аленка стала уговаривать, чтобы он бросил эту затею. Зарылись часы в ил, теперь не найдешь их. Гарик только мотал головой и снова погружался в воду. Последний раз он долго не показывался. Я уж подумал, не захлебнулся ли он. А когда вынырнул, то еле забрался в лодку. Он сказал, что на глубине вода холоднее. Ручьи там какие-то бьют.

Отдохнув, он снова принялся за поиски. Я не знал, что он такой упрямый. Нам с Аленкой надоело сидеть в лодке сложа руки и ждать.

— Окунь твоими часами позавтракал, — сказал я. — Окунь любит блестящее. Я читал.

— Вот бы поймать его!

Послышался шум мотора. Из-за излучины показалась лодка. Она замедлила ход. На лодке огромная копна сена. Коля Гаврилов с любопытством посмотрел на нас и спросил:

— Утопленника ищете?

Аленка сказала, что уронила часы. Из-за Колиной спины выглянул Сорока.

— Часы? — спросил он.

В этот момент вынырнул Гарик. В руке он что-то держал.

— Нашли! — крикнул я.

Однако это были не часы. Когда Гарик разжал ладонь, мы увидели зеленую гильзу. Больше нырять он не стал. Забрался в лодку и содрал с лица маску.

— К черту, — сказал он. — Все исползал — нет!

— Золотые? — спросил Коля.

— Папа подарил, — сказала Аленка.

— Брось сюда гильзу, — попросил Сорока. Гарик, мельком взглянув на гильзу, швырнул ее в моторку. Сорока на лету поймал. Внимательно осмотрев, сказал:

— От японского карабина.

Они уплыли. Я тоже сел на весла. Аленка, проводив взглядом моторку, перевесилась через борт и чертила воду пальцем. Гарик лежал на корме. От маски у него на лбу осталось багровое пятно.

— Когда у тебя день рождения? — стал вспоминать я. — В ноябре? Недолго ждать. Папа новые подарит.

— Хватит об этом, — сказала Аленка. — Часов нет — нечего о них и говорить.

Она сбросила платье и, поправив на шее тесьму от купальника, прыгнула в воду. По-мальчишески, саженками, поплыла к берегу.

— Озеро вон какое огромное, — сказал я. — Знаменитый водолаз и то не найдет.

— Зачем ему стреляная гильза? — сказал Гарик.

Глава тридцать третья

В субботу, часа в два, мы наблюдали такую картину: с острова один за другим прыгали в воду ребята. Мы с Гариком насчитали двенадцать прыгунов. Островитяне взяли курс на наш берег. Они плыли наперегонки. Двенадцать черных и белых голов мелькали в воде. Когда пловцы приблизились, я стал их узнавать. Лидировал, конечно, Сорока. Он метров на двадцать оторвался от всех. Вторым шел Темный. За ним растянулись остальные. Где-то в середине плыл Коля Гаврилов. Рыжий Леха молотил воду руками и ногами позади всех.

Лицо у Сороки было какое-то странное. Одна щека вздулась, словно его ужалила оса. Вот он доплыл до берега, выплюнул в ладонь круглый блестящий предмет. И щека сразу стала нормальной. Это был секундомер. Пловцы один за другим подплывали к берегу, и всякий раз Сорока смотрел на секундомер. Лишь Леху не стал дожидаться. А тот, выйдя на берег, с надеждой спросил:

— Лучше, чем в прошлый раз?

— Лучше, — ответил Сорока.

Президент поздоровался с нами и направился в лес. К большому муравейнику. Я был там. Крышу сделали. Домик получился неплохой. Серая шиферная крыша виднелась издали. На дверях деревянный засов. Замка не видать. Когда в домике никого нет, то палка стоит поперек. Я не стал заходить в избушку, лишь взглянул в окно. Пол настлан, в углу стружки и щепки. Вдоль стен — деревянные нары. И грубо сколоченный стол. А больше ничего нет. Необжитой еще дом.

Проводив их взглядом, Гарик сказал:

— Не скучают ребята.

Я предложил сходить к большому муравейнику, но Гарик отказался. У него опять забарахлила спиннинговая катушка. А потом, с минуты на минуту должна прийти Аленка. После дождя пошли первые грибы. Она с отцом отправилась на разведку.

Когда отец вернулся в тот раз с острова, мы спросили, где это он пропадал. Отец, не моргнув глазом, ответил, что прогуливался.

— Садись ужинать, — предложила Аленка.

— Не хочется, — ответил он.

— Сыт воздухом? — сказала Аленка. — Или ухой, которой тебя угощали на острове?

Отец очень удивился и стал допытываться, откуда мы узнали, что он был у ребят в гостях.

— Собственных детей обманываешь... — стала стыдить Аленка.

— Нехорошо, — добавил и я.

Отец смутился и сказал, что мы сами виноваты. Не заслужили доверия. У ребят свои законы, и они сами решают, кого можно пускать на остров, а кого нельзя.

— И без острова проживем, — сказала Аленка.

— Удивительные мальчишки... — сказал отец.

Все это я вспомнил, шагая к большому муравейнику. Я думал, что увижу там лишь мальчишек с острова, но каково было мое удивление, когда я увидел большой зеленый грузовик и летчиков. Они сидели на лесной поляне перед домом и разговаривали с ребятами. У избушки лежали сумки, мешки, к стене приставлены бамбуковые удочки. Приехали рыбачить. По лесной дороге, по которой я, Гарик и Федя возвращались с Каменного Ручья.

Вот для кого ребята построили избушку. Здесь будут летчики жить. С субботы до воскресенья. До избушки им удобнее добираться, чем до острова. Здесь близко проходит дорога. На машине можно всегда подъехать.

Я вернулся на берег и сообщил Гарику, что прибыли летчики.

— Ну и что? — сказал он.

Аленка с отцом еще не вернулись.

— Видел я сегодня вашего черта с рогами, — помолчав, сказал Гарик.

— С рогами?

— Это Президент с аквалангом... Хозяин озера.

— Понял теперь, почему у Аленки лещи клевали?

— Дает Президент! — сказал Гарик.

Примчался Дед. Немного погодя показались отец и Аленка.

— Мы нашли один белый! — сообщила Аленка.

Значит, пошли белые грибы. Их называют колосовики. Они появляются на свет, когда рожь начинает колоситься. Это Коля мне сказал.

Кроме белого, в корзинке лежали маслята и два маленьких подберезовика.

— На обед — жареные грибы с картошкой, — сказала Аленка.

Отец сел на траву и стал стягивать резиновые сапоги. Он всегда их надевал, когда шел в лес. Наверное, змей боялся.

— Я знаю, почему у тебя лещи клевали... — сказал я Аленке.

Гарик толкнул меня. Я прикусил язык.

— Больше не берут, — ответила она.

— Не приходил Сорока? — спросил отец.

— Твой друг? — сказал я.

— Ты без него жить не можешь, — добавила Аленка.

— Хочу посмотреть на антенну, — сказал отец. — А вы знаете, какой она величины?

— Нам неинтересно, — сказала Аленка.

— А этот Сорока — упрямый человек... Сам хотел токарный станок собрать и установить. Двое суток не вылезал из мастерской... Даже на обед не ходил. Приносили ему в котелке.

— Герой... — усмехнулся Гарик.

— Токарный станок собрать и установить — штука хитрая... Директор интерната, когда увидел на полу кучу деталей и испачканного в машинном масле Сороку, за голову схватился: дескать, все пропало! Ну и позвал меня. Пришел — он сидит на полу, глаза красные: шутка ли, две ночи не спал. И говорит мне: «Я буду собирать, а вы молчите. Когда ошибусь, скажите...» Таким образом и работали. Он собирал, а я молчал... Вскинет на меня глаза, улыбнется и орудует ключами да отвертками. Станок он собрал, я лишь электрооборудование установил. Я ему говорил, что техника — это его призвание, а он вбил себе в голову что-то другое...

— Летчиком хочет быть, — сказал я.

— Космонавтом, — прибавил Гарик.

Он сказал это в шутку, но я подумал, что так, наверное, и есть. Вот почему они так много занимаются спортом, закаляют себя. Каждый день у них тренировки. Остров — это их звездный городок. И дружба с летчиками... И как я раньше не сообразил, что мальчишки готовятся стать космонавтами? Коля Гаврилов как-то намекал на это, но я тогда не сообразил... Я думал, они так, от нечего делать придумывают разные штуки. А тут вон какое дело. И шары в небо запускают не просто так. И кто знает, может быть, там в глубине острова у них оборудована стартовая площадка. И ракету изобретают. Отец ведь говорит, что у Сороки талант к технике.

— Большие ребята, а разной чепухой занимаются, — сказал Гарик.

— Чепухой? — взглянул на него отец. — А ты знаешь, что эти мальчишки с острова умеют управлять трактором, автомашиной, комбайном? У каждого специальность слесаря. Эти мальчишки и девчонки сами ведут свое большое хозяйство: обрабатывают поля, разводят скот. Они не только себя полностью обеспечивают, но и продают свою продукцию государству... Я разговаривал с председателем колхоза, он мне сказал, что интернат — опора для колхоза. Они там полные хозяева... У них своя радиостанция, метеорологический пункт, а теперь вот установят телевизионную антенну, будут принимать Москву и Ленинград. Этот телевизор они тоже получили от колхоза, за помощь во время сева... А ты говоришь, чепухой занимаются!

— Надо про них в газету написать, — сказал Гарик.

— Уже писали...

— Нам не повезло, — сказал Гарик.

— Напрасно вы нос задираете перед ними.

— Это они задирают, — ответил Гарик.

— А почему бы вам не подружиться?

— Нужно сначала озеро переплыть, — сказал я, — потом с острова вниз головой прыгнуть, потом две минуты под водой просидеть... Кто это выдержит?

— Девчонкам тоже? — спросила Аленка.

— Девчонок на острове нет, — ответил я. — Это мужская республика.

— Республика без женщин?

— Тебя как исключение Сорока примет... — сказал я.

— Болтун, — ответила сестра.

— Я в ваши дела не хочу вмешиваться, — сказал отец, — но, по-моему, вам следует подружиться с ребятами... Какие же вы соседи? И потом, как мне кажется, Сорока настроен к вам дружелюбно.

— Он тебе говорил? — живо спросила Аленка.

— У них много интересного...

— А ракета у них есть? — спросил я.

— Чужие тайны не выдаю, — засмеялся отец.

Свистнув Деда, он ушел в лес. Чудак наш отец! На рыбалку не может толком выбраться, а в лесу каждый день по два-три часа пропадает. Без ружья, просто так. То за солнцем уйдет, то кукушку слушать. Из леса приходит всегда довольный, сияющий. Один раз повстречал лосиху с двумя лосятами. В другой раз — лису с птицей в зубах. Вчера видел, как тетерка обучала птенцов летать. Чтобы Дед не вспугнул эту компанию, голову ему под мышкой зажал. Бедный Дед! И как только он это вытерпел? А сегодня снова помчался за отцом. Мне тоже нравится лес, но озеро больше.

— Будем лодку смолить? — спросил Гарик.

Мы заметили, что наша лодка стала протекать. Сначала помаленьку, а потом все больше и больше. Один рыбачит, другой воду вычерпывает. Причем это надо делать тихо, а то рыба отойдет. Один раз мы с Гариком чуть не утопили лодку. Плотва так хорошо стала брать, что мы забыли про течь. Больше половины лодки набралось воды. Еле кружкой вычерпали.

Вар мы растопили на огне и стали смолить щели. Черная горячая капля упала на ногу, и я завопил так, что Аленка из дома выскочила.

— Змея? — спросила она.

— Еще хуже, — ответил я, сковыривая тягучую каплю с ноги.

— Помочь вам? — спросила Аленка.

— Обойдемся, — ответил Гарик, не поднимая головы.

Аленка пожала плечами и ушла. Перестал Гарик бегать за ней. Понял, что бесполезно. Помоему, это сестренку озадачило. Когда за девочками перестают бегать, они переживают.

Еще издали мы заметили моторку. Она шла к нашему берегу. У мотора стоял худенький мальчишка. На голове — большая соломенная шляпа. Кажется, я его видел на острове.

Моторка еще не успела пристать, как из леса вышла ватага ребят во главе с Сорокой. Летчиков с ними не было. Остались в избушке. Сейчас на озере делать нечего. Солнце в зените. В такое время рыба не клюет. А вот часа через три — другое дело. Как начнет играть — все озеро в маленьких кругах. Сначала играет мелочь, потом начинает окунь. Вот рыбешки заволнуются! Некоторые выскакивают из воды и удирают от обжоры по поверхности. Только животы сверкают. А еще позже у берегов забултыхается щука. Ударит, а потом долго на этом месте круги расходятся.

Ребята стали усаживаться в лодку. Аленка, увидев в окно Сороку, схватила порожнее ведро и пошла к озеру за водой. Хотя я убежден, что в этот момент вода ей была ни к чему. Шла она медленно, и ведро покачивалось в руке. Гарик ни на кого не смотрел. Он заливал горячим варом щели.

Все уже в лодке. Ждут Президента. А он стоит на берегу и смотрит на нас. Аленка подняла платье выше колен и зашла в воду. Зачерпнула ведром, выпрямилась и, взглянув на Сороку, медленно пошла обратно. Ведро оттягивало руку, и Аленка немного изогнулась. Вода плескалась на ее загорелые ноги. Но Сорока смотрел в нашу сторону. Аленка поставила ведро на крыльцо и уселась на ступеньку. Она бы обязательно заговорила с Сорокой, если бы не мы.

— Чего он глазеет? — негромко спросил Гарик.

Сорока подошел к нам. Гарик смолил лодку, я помогал ему.

— Возьми, — Сорока протянул Гарику... часы. Ну да, Аленкины часы!

Гарик взял их, стал разглядывать. А Сорока, больше ни слова не говоря, пошел к своей лодке. Мы с Гариком смотрели ему вслед. Вот он вскочил в лодку, Коля дернул за шнур, раз, другой, мотор затрещал, и лодка понеслась к острову.

— Почему он мне отдал? — сказал Гарик.

— За патрон, — догадался я.

— Чудак, — сказал Гарик. Он улыбался.

Подошла Аленка. С любопытством посмотрела на нас.

— Что у тебя в руке? — спросила она.

Гарик разжал ладонь.

— Нашлись! — воскликнула Аленка.

— Сорока нашел, — сказал Гарик.

— Ты сказал ему спасибо?

— Не успел.

Аленка сложила руки рупором и крикнула: «Спа-си-бо-о!»

— Си-бо-о! — откликнулись берега. Лодка была далеко, и потом мотор трещал так, что Сорока, будь он ближе, все равно бы не услышал.

Аленка приложила часы к уху, вздохнула:

— Они будут ходить?

Гарик взял часы, положил в карман.

— Будут, — сказал он.

Глава тридцать четвертая

Вечером Аленка опять в камышах поймала большого леща. Она не смогла его подвести к лодке. И тогда, прыгнув в воду, поплыли к берегу, волоча за собой удилище. Правда, лещ не упирался. Он смиренно плыл на крючке. И, вытасченный на берег, лежал спокойно. Лишь глаза его ворочались, наблюдая за нами.

Мы с Гариком осмотрели леща. Большой, килограмма на два. Только очень спокойный. Верхняя губа была у него поранена. Аленкин крючок застрял в нижней губе.

— Все ясно, — сказал я.

— Хороший лещ, — сказал Гарик.

Аленка посмотрела на нас и спросила:

— Завидно?

— Такие лещи не каждый день попадаются, — ответил Гарик.

— Почему-то только тебе, — сказал я.

— Вы тоже становитесь на это место.

— У нас не клюнет... — сказал я.

— А ну вас, — сказала Аленка и, забрав леща, пошла его чистить.

— Опять Сорока, — сказал я.

— Президент на этот раз ни при чем, — ответил Гарик.

— Сам клюнул?

— Я немного помог ему, — сказал Гарик.

Он показал мне садок, спрятанный в осоке. Там плавали еще пять таких же крупных лещей.

— Утром взял шесть штук, — сказал Гарик. — На косе.

И почему я не отправился сегодня с ним на рыбалку? Ведь он разбудил меня, звал... А я, идиот, отказался. Зато теперь всю ночь спать не буду...

— Хорошо выспался, — утешил Гарик. — Выглядишь как огурчик.

— По-моему, Аленка влюблена в Сороку... — отомстил я ему.

— Ты наблюдательный, — с усмешкой сказал Гарик. Но по его лицу я понял, что удар попал в цель.

Аленка первая увидела Федю Губина.

— Ваш лучший друг идет — встречайте! — крикнула она.

— Как увижу его кепку — сердце радуется... — сказал Гарик.

— Ну и целуйтесь с ним!

Федя подошел к нам, стащил с головы кепку и почесал макушку. Я подумал, он положит кепку на траву, было жарко, но он снова надел.

— Взопрел, — сказал Федя. — Пока до вас дотопаешь...

— Все еще безлошадный? — спросил Гарик.

— С ним надо по-хорошему, — сказал Федя, взглянув на остров.

— Давно бы так, — сказал я.

Из сарая вышла Аленка. В руках — две удочки, подсачок, банка с червями. Аленка направлялась к лодке. Просмоленная, она покачивалась на волне у самого берега. Сестра решила еще одного леща поймать. Поймает... В садке еще пять штук плавает.

— Мое почтение, — Федя дотронулся рукой до кепки.

— Вчера ветер был, — сказали Аленка. — Я думала, твою фуражку унесло куда-нибудь.

— Догнал бы, — сказал Федя.

— За очередным лещом? — спросил я.

— Ты угадал, — сказала Аленка.

— Поймаешь, — взглянув на Гарика, сказал я.

— Сергей, тащи наши удочки! — сказал Гарик.

— Я одна, — сказала Аленка.

Мы с Гариком рты раскрыли: почему это она отправляется на озеро одна? Обычно без нас ни шагу. То ей червя нацепи на крючок, то рыбину вытащи, то подсачок подай.

— А если лодка потечет? — спросил Гарик.

— Я буду у острова ловить, — сказала Аленка. — Тонуть буду — спасут...

И, вскочив в лодку, оттолкнулась веслом. Гарик хмуро смотрел ей вслед.

— Эй, Олена! — крикнул Федя. — Скажи этому... Президенту, что я порох принес и... шнур. А он пускай лодку отдает. По-хорошему.

Аленка не ответила. Лодка быстро удалялась. Только не надо ей за лещом к острову плыть. Вставала бы в камыши. Гарик разделся бы, нацепил маску, ласты, взял трубку в зубы и, пока она смотрела на поплавок, нацепил бы ей хорошего леща. А здорово, если бы Аленка поймала вместо рыбины Гарика, как поймали деда Щукаря...

— Как же ты теперь без бомбы-то? — спросил Гарик, — насмешливо глядя на Федю.

— Я отсыпал немножко, — ответил Федя. — На всякий случай. Только глушить — дело опасное. Вчера рыбинспектор в клубе выступал. Двоих полозовских, говорит, посадили. И до вас, говорит, доберутся. А я и всего-то три раза глуханул. И вот знает. А у Свища сетку конфисковал. И, говорит, радуйся, что на озере не попался, а то бы тоже под суд. Свищ сказал, что в кустах нашел. Мол, не его это сетка. Трое наших мужиков вступили в эти... общественные рыбинспекторы.

— Плохи ваши дела, — сказал Гарик.

— Я такие места знаю — ахнешь! Я и без сетки и бомбы могу натаскать с пуд!

— Слышали, — сказал я.

— Знаю одно место на Березовом плесе — вот это лещи! Далеко плыть туда. Вот если бы мотор был — другое дело.

— Махнем? — оживился Гарик.

— Говорю, грести долго...

— Я сяду за весла.

— Лодки-то нет?

— У Аленки отберем, — сказал я.

— На вашей неохота, — хитрил Федя.

Гарик вдруг сорвал с Фединой головы кепку и спрятал за спину.

— Не озорничай, — сказал Федя, пытаясь отобрать кепку. Но Гарик отбежал в сторону.

— Кому говорю? — стал сердиться Федя. — У тебя руки в смоле измажешь.

Гарик подошел к воде и, подняв камень, положил в кепку.

— Покажешь лещиное место? — спросил он.

— Не дури...

Гарнк замахнулся в сторону озера.

— Считаю до трех!

— Жалко мне, что ли? Покажу!

— Поклянись!

— Крест целовать, что ли?

Гарик вернул кепку Феде.

— Гляди, если обманешь! — сказал он.

— Отдаст Президент лодку — сразу поплывем.

Аленка бросила якорь у самого острова. Мы видели, как она путалась с двумя удочками. Они то перекрещивались, то падали в воду. Наконец удочки были заброшены. Аленка сидела на корме и смотрела на поплавки. Она сидела к нам боком, а к острову лицом. Пока я копал червей в куче слежавшихся листьев и опилок, а Гарик с Федей обсуждали план сегодняшней рыбалки, Аленка исчезла. Первым заметил Гарик.

— Где она? — спросил он.

— За островом, — сказал Федя.

— Или на острове, — заметил я.

— А вдруг в лодке течь открылась?

— С чего бы это? — сказал я. — А потом, она плавать умеет.

— Тут, говорят, обитает какая-то громадная щука... — заволновался Гарик.

— Как бревно, — сказал Федя. — Уток глотает.

— Могла опрокинуть лодку...

— Щука — лодку? Не смеши... — сказал Федя.

— Такую бы щучку поймать! — сказал я.

— Ее есть нельзя, — сказал Федя. — Жесткая и болотом пахнет.

Гарик стал раздеваться.

— Сам не утони, — сказал я.

— Насчет лодки намекни Президенту, — подсказал Федя.

Гарик поплыл к острову. А это не так уж близко. Километра полтора. И отдохнуть ему негде, если Аленку не найдет. Придется висеть на корнях и громко звать Сороку на помощь. Только Гарик гордый — скорее утонет, чем Президента позовет.

Он плыл саженками. Сначала разогнался, как на соревнованиях, а потом поплыл медленнее.

— Сохнет по Олене, — сказал Гриб. — Дурак.

Я хотел спросить: почему дурак? Но Федя сам стал разглагольствовать:

— Я вот на девчонок даже не гляжу... Что есть они, что их нету. Время еще на них тратить! Я и в школе с ними не разговариваю. Раз посадили ко мне за парту одну с косичками, так я прогнал. Шебаршит рядом, отвлекает от дела, а я и так по математике слабак. Взял и в три шеи прогнал. Учительница шум подняла — хоть караул кричи. Снова посадила. Ладно, думаю, раз так сама уйдет! И ушла как миленькая. Я ей стал всяких тварей в парту класть: то лягуху, то кузнечика. А один раз живого ужа положил. Как заорет эта с косичками на весь класс. А я сижу, будто и не мое это дело. Я ужей не боюсь. Ты, говорят, притащил? Вот еще, говорю, делать мне нечего. Сам заполз. Из подвала... Вон какие щели в полу. Ушла, в общем, сама. Так один и сижу. Одному благодать! Сидишь как начальник, и никто не жужжит под ухом.

Не верю я Феде. Девчонку, может, и верно прогнал. Только ребята сами, наверное, не хотят с ним сидеть. Какой-то он скользкий... Я бы с ним не сел за одну парту...

Не стал я поддерживать этот разговор. Мне тоже на девчонок наплевать... кроме той, длинной, которая в баскетбол играет...

Гарик наконец доплыл до острова. Вот последний раз мелькнула в осоке его голова, исчезла. Ищет грот. Видно было, как шевелились камыши.

— Ну, а ты как насчет девчонок? — приставал Федя.

— Никак, — ответил я.

Червей копать помогал мне Дед. Он разрывал передними лапами листья и ждал, когда я соберу крупных розовых червей. Дед любил копать. У него сильные когтистые лапы, и когда войдет в раж, то земля и мусор так и летят во все стороны. Раскапывая кучу, Дед иногда поглядывал на Гриба, словно ожидал от него какой-нибудь подлости. Но Федя не смотрел на нас. Он сидел на камне и смотрел на остров. Федя ждал, когда появится Президент и вернет ему лодку. Гриб вытащил из кармана коробку с порохом, моток шнура. Все это аккуратно разложил на земле. Немного поколебавшись, достал из кармана длинный мешочек и положил рядом. В мешочке тоже порох.

Потом от нечего делать стал заигрывать с Дедом. Он похлопывал себя по колену, ласково звал Деда. Но тот лежал на влажной куче листьев и часто дышал, высунув длинный язык. Федя придвинулся поближе к собаке и осторожно дотронулся до спины. Дед лениво повернул к нему рыжую голову и показал большие белые клыки. Федя вздохнул и отошел в сторону. Вспомнил, что с Дедом шутки плохи.

Я вскочил с места: показалась наша лодка. Аленка гребла, а Гарик плыл рядом, держась рукой за борт.

Немного погодя из камышей выскочила еще одна лодка. Федя так и подпрыгнул.

— Моя! — радостно сказал он. — Плывет, голубушка!

На Фединой лодке сидел Сорока.

— Неужто не отдаст? — заглянул мне в лицо Федя.

— Отдаст, — сказал я.

Лодка пристала к берегу. Гарик лег на песок. Чувствовалось, что он здорово устал. Аленка вытащила нос лодки на берег, удочки положила на траву.

Федя подскочил к Сороке.

— Чтоб мне вовек рыбы не видать, коли еще брошу бомбу...

— Старая песня... — сказал Сорока.

— Принес тебе порох и шнур... Забирай, не надо мне. Я заметил, что мешочка с порохом уже нет. Сорока взял с камня боеприпасы.

— Все? — спросил он, взвешивая коробку в руке.

— До последней порошинки!

Федя похлопал себя по карманам.

— А что там? — спросил Сорока.

Федя вытащил из-за пазухи мешочек с порохом.

— И как это я забыл... — сказал он, протягивая мешочек.

Сорока развязал его, высыпал на ладонь несколько порошинок и сдунул. Затем снова завязал мешочек, положил в карман.

— Забирай свою лодку, — сказал он. — Еще раз попадешься — пеняй на себя.

— Ну их к лешему, бомбы, — забормотал Федя.

Сорока отвернулся от него, и Федя резво побежал к своей лодке. Дед с лаем бросился за ним.

— Приструни, — обернулся ко мне Федя.

Сорока посмотрел ему вслед и сказал:

— Батка его этой весной из-за кустов выпалил в меня. Он и лосиху уложил.

— Куда милиция смотрит, — сказал я.

— Попадется, — ответил Сорока.

Федя минут десять копошился у лодки. Ощупывал ее, заглядывал под сиденья. Потом подошел к Сороке.

— Чашка была, — сказал он. — Воду вычерпывать... Нету чашки.

— Какая еще чашка? — спросил Президент.

— Алюминиевая с отломанным краем...

— Отстань...

Федя потоптался и снова ушел к лодке. Немного погода вернулся. На этот раз с веслом в руке.

— Треснуло, — сказал он, — вот тут...

— Ты еще здесь? — сказал Сорока.

Федя наконец отчалил. Отплыв подальше от берега, он сказал:

— А порох-то я тебе всучил подмоченный...

— Плыви, плыви, — ответил Сорока.

— Ну, как твоя башка, Президент, зажила?

— Зря я отдал ему лодку, — сказал Сорока.

— Я для тебя хороший дрын припас...

— Неохота раздеваться... — сказал Президент.

— А ты, Гришка, забудь про лещей. Не про тебя они. Тебе надо Оленку караулить.

— Скотина, — скачал Гарик, покраснев.

— Карауль не карауль Олену, а она...

— Эй, догоню! — заорал Сорока.

— ...на другого заглядывается...

— Вот фрукт! — сказала Аленка.

— А собаке вашей бороду вырву! — не унимался Гриб.

— Сейчас до меня доберется, — сказал я. И не ошибся.

— А ты, кочерыжка, помалкивай... Продался Президенту за двух кролей?..

Сорока не выдержал и стал стягивать рубаху. Федя, заметив это, замолчал и заработал веслами. Скоро он скрылся за излучиной. До нас донеслась песня: «Есть на Волге утес, диким мохом оброс...» Скоро и песня заглохла.

Федя давно скрылся из глаз, но мы молчали. Какой-то неприятный осадок остался у всех. Попадись он нам сейчас в руки, каждый бы с удовольствием набил ему морду. Даже я, мирный человек. Я ведь не люблю драться, но Грибу бы врезал за милую душу.

Аленка вскочила с травы и побежала в дом. Она плиту затопила, наверное, что-нибудь закипало. Гарик поднялся и, стряхнув с живота песок, оделся. Достал из кармана Аленкины часы и отдал Сороке.

— Ты нашел — ты и отдавай, — сказал он.

Сорока держал часы в руке и не знал, что делать. Взглянув на циферблат, он поднес их к уху. Лицо у него стало изумленным. Он уставился на Гарика.

— Разбирал?

— Невелика премудрость, — небрежно ответит тот.

Гарик сегодня полдня где-то пропадал. Я думал, за грибами ушел, а он часы ремонтировал. Я вспомнил, как он утром сначала расплющивал на гире тонкие гвозди, а затем обтачивал напильником. Отвертки мастерил. А потом ушел в лес, полдня ковырялся в часах. И вот они идут.

Когда Аленка вышла на крыльцо, Сорока отдал ей часы. Она взяла и удивленно посмотрела на Гарика. Аленка ничего не понимала. Признаться, я тоже. Разве не все равно, кто отдаст ей часы? Мудрят ребята...

— Они идут, — сказал Сорока.

Аленка поднесла часы к уху, улыбнулась:

— Тикают, — сказала она.

Вернешься в Ленинград — отдай в мастерскую, — посоветовал Гарик. — Как следует смазать нужно.

— Отдам, — пообещала Аленка.

Мы помолчали. Глядя на остров, Сорока сказал:

— Рыжий Леха знатную уху сварганил... Хотите?

Глава тридцать пятая

Наконец-то мы приглашены на остров. Высокий камыш наглухо закрывал вход. Пропустив нас, он снова выпрямлялся. Направляя лодку к пещере, Сорока старался не поломать камыш. Иначе легко было бы узнать, где вход.

У колодца нас встретил Коля Гаврилов и еще двое мальчишек. Я ух узнал — они участвовали в «морском бою». Один из них сшиб Гарика с лодки. Но Гарик не узнал его. Или сделал вид, что не узнал. Коля подмигнул и, показав большой палец, сказал:

— Во-о уха!

Мальчишек звали: одного Сашка, второго Миша. Они вместе с нами отправились в глубь острова.

— А где Сережа? — спросила Аленка.

— Я тут, — ответил я.

— Я про лося, — сказала Аленка. Вместо лося Сережи нас встретил на тропинке медвежонок Кеша. Он заметно вырос. Лапа у него зажила. Кеша поковылял за нами, но потом отстал.

Мы шли по знакомой тропинке. Сегодня кроликов не видно. Попросить у Сороки парочку маленьких крольчат? Нашим веселее будет. Каждый день мы рвали на лужайке молочай и клали у норы. Кролики высовывали из-под земли носы и, учуяв еду, тащили ее в нору. Они привыкли к новому месту и далеко от дома не убегали. Деда совсем не боялись. Прыгали у

самых ног. Дед только носом поводил и хвостом махал. Ему кролики тоже нравились.

Напротив знакомого дома дымился костер. Котел с ухой был снят с рогулек и дожидался нас. На газете — нарезанный хлеб, зеленый лук, соль. Ребята лежали и сидели на лужайке. Увидев нас, они замолчали.

Аленка и Коля толковали про лосей. Гарик исподлобья смотрел на мальчишек: узнавал участников драки. В окно высунулась черная голова с наушниками. Я узнал Темного.

— Вызывает «Гроза», — сказал он. Сорока тотчас скрылся в доме.

Вернувшись, Сорока пригласил нас к котлу. Наверное, «Гроза» сообщила ему приятные вести, потому что он улыбался. Аленка первая взяла ложку и сунула в котел. Она долго дула на прозрачный бульон и наконец торжественно поднесла ложку ко рту. На нее никто не смотрел, но чувствовалось, ребята ждут, что она скажет. Леха Рыжий тоже ждал. Он здесь главный повар. По носу видно. На носу сажа и на щеке.

Аленка ничего не сказала, она снова засунула ложку в котел. И тогда вслед за ней потянулись к ухе и мы с Гариком, а за нами — остальные.

Уха была вкусная. Такой мы еще дома ни разу не ели. Потом Коля Гаврилов объяснил мне, что это настоящая рыбацкая уха. Тройная. Все ели молча. Иногда кто-либо из ребят сворачивал лук в комок и макал в соль. Я тоже попробовал. И уха с зеленым луком показалась мне еще вкуснее.

— Это вещь... — пробормотал Гарик, облизывая ложку.

— Кто варил? — спросила Аленка.

— Уху не варят, а заваривают, — ответил толстоносый Леха. Лицо у него стало довольным. Он понял, что уха понравилась.

— Я никогда такой вкусной ухи не ела, — сказала Аленка.

— И я, — сказал я.

— Научите такую варить?

— Заваривать, — поправил Леха. — Секретов тут нет — была бы рыба.

— Научишь?

— Можно, — ответил Леха, расцветая от гордости.

— Тащи молоко, — приказал Сорока.

Леха поднялся и принес из дома пузатый кувшин с молоком. За вторым он отправил Колю. Молоко пили из эмалированных кружек с разными рисунками. На моей кружке нарисованы два медведя. Один похож на Кешу. Молоко было холодное.

— Можно подумать, что у вас холодильник, — сказала Аленка.

— А как же... — ответил Коля и опрокинул кувшин. К нашему великому изумлению, из кувшина вывалилась...

— Змея! — воскликнула Аленка.

Коля поднял «змею», стряхнул с нее прилипшие иголки, сучки и снова засунул в кувшин.

— Уж, — сказал он. — Мы их в молоко кладем, чтобы холодное было. А еще лягушек можно.

— Артисты, — сказал Гарик.

— Это не мы придумали, — ответил Сорока. — Наши прадеды.

— И ужи там все время сидят? — спросила Аленка.

— В жару только... — ответили ей.

— И не убегают.

— Им нравится в кувшине.

— Чудеса, — сказала Аленка.

После обеда нас пригласили в дом. Там была всего одна большая комната. Очень светлая. В одном углу новенький телевизор «Волна», в другом — большой квадратный стол. На столе портативная радиостанция, наушники, журнал, микрофон. Сорока подошел к радиостанции, включил. Послышался треск, музыка, разговор.

— Летчики переговариваются, — сказал Сорока. Он дунул в микрофон и сказал:

— Я Сорока. Вернулся Павел Михайлович? Прием.

В наушниках что-то захрипело. Сорока нахмурился и сказал:

— Вернется — сразу сообщи, слышишь? И будь все время на месте... Я проверю.

Снова в наушниках захрипело. Сорока снял их и, немного подождав, сказал:

— Будешь спорить — сменю! И больше не подпущу к микрофону. А с «Грозой» я без тебя договарюсь.

Он выключил рацию. Но не успели мы выйти из комнаты, как Темный (он дежурил у рации и даже не ел с нами уху) окликнул Сороку:

— Опять «Гроза».

Сорока взглянул на нас: очевидно, ему не хотелось при нас разговаривать, но ничего не сказал.

— Я Сорока.

Шорох в наушниках.

— Я разговаривал с аэродромом...

Шорох в наушниках.

— Генерал прилетел?

Длительный шорох в наушниках.

— Я сам поеду с ним... Только мы его просто так не отпустим... После рыбалки у костра. Насчет ухи Леха постарается!

Шорох в наушниках. Лицо Сороки стало хмурым.

— Скажите своему Леве, что он дурак... Все!

Мы вышли из комнаты.

Сорока снял наушники и передал Темному.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Гарик.

— Генерал приедет в гости.

— А кто этот Лева-дурак?

— Мало ли на свете дураков, — ответил я.

За спортивной площадкой на опушке леса мы увидели три большие палатки. В доме ребята не живут. Это их штаб. Мальчишки выволакивали из палаток матрасы, набитые сеном, и выколачивали их. Сегодня суббота. Генеральная уборка, как и у нас в доме. Аленка полы выскоблила, старую мебель протерла мокрой тряпкой. Даже стекла вымыла. Неподалеку от дома лежала огромная мачта, связанная толстой проволокой из трех длинных жердей. На конце мачты — мудреное сооружение из алюминия и проволоки. Интересно, как они ее поднимут? Это та самая мачта, о которой отец говорил. Она сделана по чертежу Сороки.

На лужайке Коля Гаврилов привязывал к прозрачному шару вырезанную из картона черную рыбину. Сейчас запустит в небо. Послышался знакомый гул. Над лесом показались три вертолета. Шар с рыбиной взмыл над островом. Вертолеты пролетели, а мы, задрав головы, все еще смотрели на ясное небо. Черная рыбина отчетливо виднелась. Покачиваясь, она поднималась все выше и выше и скоро исчезла.

— Куда она улетела? — спросила Аленка.

— В космос, — ответил Гарик. — Фотографировать обратную сторону Марса.

— Обыкновенный шар-зонд, — сказал Сорока.

— Высота две тысячи, — раздался голос сверху. На высоченной сосне, у самой вершины, был сделан маленький помост. На нем стоял босоногий мальчишка и глядел в прибор, похожий на подзорную трубу.

— Зачем вы эту штуку запустили? — спросил Гарик.

— Люблю шары запускать... — сказал Сорока.

— Две тысячи пятьсот метров, — доложили сверху.

— Я говорил, до Марса долетит, — сказал Гарик.

— Уж сколько лет ученые спорят, есть ли на Марсе жизнь? — сказал Президент. — И никто не

узнает, пока нога человека не ступит на эту планету... Если марсиане существуют, то какие они? На нас похожи или на пауков каких-нибудь? Главное не в этом, а вот мирные они существа или воинственные? Марс — бог войны... В Ленинграде есть Марсово поле. Как они встретят нас? Дубинками или хлебом и солью...

— Марсиане пилюлями питаются, — сказал Гарик. — Я где-то читал...

— Это самая интересная планета... — продолжал Сорока. — После Луны полетят туда... Вот увидите.

— Может быть, ты полетишь, — сказал я.

Сорока посмотрел на меня, усмехнулся:

— Может быть...

— Я был на вашем острове, — сказал Гарик.

— Около острова, — поправил Сорока.

— Помнишь, вы угощали летчика ухой? И Серегин отец был. Летчик рассказывал про какого-то Виктора.

Сорока удивленно смотрел на Гарика.

— Ты был ночью на острове?

— Об этом знает ваш медведь... — засмеялся Гарик. — Он целовался с Сергеем... У самого костра.

— Было такое дело, — сказал я.

Президент позвал Колю Гаврилова.

— Посмотри в журнале, кто дежурил у колодца... В прошлую субботу.

Коля ушел и долго не возвращался. Сорока молча ждал. Наконец вышел Коля. Лицо у него было кислое.

— Кто?!

— В субботу? — спросил Коля.

— Не тяни резину!

— Если в субботу, то я...

Сорока посмотрел ему в глаза. Коля замигал и отвернулся. Я еще не видел его таким сконфуженным.

— А если бы это было на границе?

— На границе другое дело...

— Ты нарушил наш устав, — сказал Сорока. Голос у него был жесткий.

— Захотелось послушать Павла Михайловича...

— Вася! — позвал Сорока.

К нам подошел Вася Островитинский. В руке у него толстый сук с паклей. Пакля в дегте. Вася смолил основание мачты. Он кивнул нам и устался на Президента. С пакли срывались черные капли дегтя и падали в траву.

— На берег, — не глядя на Колю, сказал Сорока.

— В первый ведь раз... — Коля чуть не плакал.

— Поработаешь неделю на кухне, — сказал Президент. — С девчонками.

— А мачту поднимать?

— Без тебя поднимем.

— А эту штуку...

— Иди, — сказал Сорока.

— Эх, а еще друг называется... — Коля отвернулся, шмыгнул носом.

— Хромай, — сказал Вася и, бросив палку в кусты, подтолкнул Колю. Когда они скрылись за деревьями, Гарик покачал головой:

— Подвел парня под монастырь...

Мне тоже стало жалко Колю. И Аленке.

— У тебя каменное сердце, — сказала она.

Сорока ничего не ответил. Но нам стало понятно, что это их внутреннее дело и нечего куда не положено нос совать. Даже Аленке.

— В каком месте убили Смелого? — спросил я.

— На берегу, — ответил Президент.

— Он был храбрый охотник? — спросил Гарик, взглянув на Аленку.

— Он был герой, — сказал Сорока. — И умер как герой.

— Его граф из ружья застрелил?

— Какой граф? — нахмурился Президент.

Я сказал Сороке, что Гарик ничего не знает про Смелого. А граф и охотник — персонажи из сказки, которую выдумала Аленка. Я попросил Сороку, чтобы он еще раз рассказал, как погиб Смелый. Мы слушали его не перебивая. Сорока рассказывал скупое, без подробностей. Иногда рукой показывал, где стояли белые, где пытали красноармейцев. Показал сосну, на суку которой повесили пять человек. Сначала Гарик слушал недоверчиво, с усмешкой, но потом, по-видимому, и он поверил, что все было так, как рассказывает Сорока.

— Что твой граф... — сказал я, когда Президент замолчал,

— Это не легенда? — спросил Гарик.

— Сходи в Островитино, — ответил Сорока. — Старики до сих пор помнят Смелого. — Он поднялся со скамейки и ушел в дом. Вернулся с картонной папкой. — Вот здесь документы, — сказал он. — Это все, что мы собрали о Смелом, его сыне и внуке.

— И все герои, — сказала Аленка. — Это по наследству передается?

— Не знаю, — ответил Сорока.

— А сколько лет мальчику, которого вы разыскиваете?

— Мой ровесник, — ответил Сорока.

— Зачем он убежал из дому? — сказал я.

— Отец погиб, мать умерла... Убежишь!

— А родственники у него есть?

— В Островитине, — сказал Сорока. — Дальние...

— Где же он? — спросила Аленка.

Гарик не принимал участия в разговоре. Он перебирал пожелтевшие бумаги в папке. Лицо у него было сосредоточенное. Вдруг папка соскользнула с его колен и упала в траву. Бумаги рассыпались.

— А это откуда у тебя? — спросил он.

Сорока, мельком взглянув на фотографию, которую Гарик держал в руках, нагнулся за бумагами.

— Без архива нас оставишь, — сказал Президент, подбирая документы.

Гарик молча разглядывал старую фотографию с отломанным углом. На ней были изображены летчик со Звездой Героя, молодая женщина в свитере и большеглазый мальчик в матроске лет пяти. На черной ленте бескозырки надпись: «Грозный». Мальчик сидел у летчика на плече. Летчик и женщина улыбались, мальчик был серьезен.

Сорока осторожно потянул фотографию из руки Гарика, но тот снова вырвал ее.

— Осторожнее, — сказал Сорока. — Порвешь.

— Где ты ее взял? — снова спросил Гарик. И голос его показался мне незнакомым.

Сорока заглянул ему в лицо и с надеждой спросил:

— Ты его знаешь?

Гарик выхватил у Сороки папку и снова стал рыться в ней. Нашел какую-то газетную вырезку, быстро пробежал глазами. Мы с удивлением смотрели на него. Но он, наверное, забыл про нас.

Выхватывая из папки листы, он читал их один за другим. Когда листы кончились, Гарик снова взял фотографию и спрятал ее под рубашку. Сбоку взглянув на Президента, он сказал:

— Я возьму ее...

— Это почему? — спросил Сорока.

— Жаль?

— Это очень ценная для нас фотография...

— Я ее все равно не отдам, — сказал Гарик.

— Вот как... — Сороки стал злиться. Но Гарик отвернулся от него и посмотрел на сосну, с которой недавно слез мальчишка. Тот самый, который сообщал, на какую высоту поднялся шар-зонд. Гарик подошел к дереву, поплевал на ладони и полез. Вот он скрылся в ветвях. А немного погодя мы услышали:

— Ты не сердись, Сорока, но фотографию я не отдам...

— Не понимаю! — крикнул Сорока.

— Что с ним? — сказала Аленка.

— Не знаю, — ответил я.

Гарик спустился, посмотрел на руки. К ним пристала смола.

— Вид красивый... — сказал он. — Сверху.

— Красивый... — повторил Президент.

Гарик осторожно вытащил фотографию, протянул ему:

— Забирай... У меня такая же была... Это мой отец, мама и я.

Глава тридцать шестая

Я подумал, что Гарик нас разыгрывает. Но взглянув на него, понял, что это не так. Лицо у Гарика серьезное, в глазах — грусть. Он смотрел куда-то мимо нас. Я вспомнил нашу первую встречу на шоссе. Когда мы сказали, что идем в Островитино, Вячеслав Семенович и его жена переглянулись. «В Островитино?» — переспросил Вячеслав Семенович. А Гарик сказал: «Приедем!» И потом, когда мы приехали в деревню разыскивать родственников, Вячеслав Семенович жалел, что они где-то далеко, в поле... И эта история в Калининграде. Гарик там встретил в зоопарке инженера, который взял ему билет в Москву. Этот инженер и есть Вячеслав Семенович. Значит, не случайно они приехали сюда. Привезли Гарика на родину его деда и отца.

Сорока первый опомнился. Он посмотрел на фотографию и вложил ее Гарика в руку.

— Она твоя, — сказал он. Потом сложил руки рупором и крикнул: — Все ко мне!

— Погоди, — сказал Гарик.

— Отставить! — крикнул Президент. Мальчишки, человек пять, уже прибежали, удивленно посмотрели на Сороку и разошлись.

— Почему Смелый? — сказал Гарик. — У него ведь другая фамилия...

— В деревне так звали его. И те, которых он спас от смерти.

— Смелый... — повторил Гарик.

— Мы нашли его могилу.

— Где она?

— Пойдем, — сказал Сорока.

Мы с Аленкой смотрели на Гарика и молчали. Мы все еще не могли взять в толк, что Гарик — это не тот Гарик, а другой — сын героя.

— Вот ты и нашелся, — наконец проговорила Аленка.

— Даже не верится, — прибавил я.

Огромная ель раскинула свой шатер над могилой Смелого. На невысоком холме — камень-валун. Из-под него выбивалась трава, в гуще зеленых листьев краснела земляника. Из-под камня выскочила маленькая ящерица. Приподнявшись на передних ножках, посмотрела на нас и исчезла. На валуне надпись, вырубленная зубилом: «Смелый». Мы долго стояли у могилы. Ель шумно вздыхала над нами. В гуще ветвей негромко свистели птицы. Откуда-то прилетела крапивница. Села на камень и сложила свои красные с черными крапинками крылья вместе. И сразу стала некрасивой. Слышно было, как плескалась о берег вода.

— Он был высокий, с черной бородой... Кузнец. Он мог узлом завязать железный прут... — Гарик секунду помолчал. — Кузница его стояла у самой воды. Он закаливал железо, хватал клещами раскаленную болванку, бежал с ней к озеру и окунал. И пар поднимался выше кузницы... — Гарик улыбнулся: — А больше я ничего не помню... Это рассказывал отец.

— Верно, он был кузнец, — сказал Сорока.

— И сейчас там кузница?

— Сгорела.

— Который уехал на «Волге», он кто тебе? — спросил Сорока.

— Друг, — ответил Гарик.

— Он хороший рыбак, — сказал Президент. — Не жадный!

Облако на миг закрыло солнце, и тень скользнула по камню. Бабочка распустила крылья и сразу снова стала красивой, как цветок, сорванный ветром. Ушло облако, и снова над нами засияло солнце.

Глава тридцать седьмая

Едва солнце скрылось за озером, мы с Гариком пошли в сарай. Завтра идем за лещами. Я

покаялся, что встану вместе с ним. Так рано мы еще не ложились, поэтому никак не могли уснуть. Ворочились с боку на бок в сене, но сон не приходил.

— Славик скоро приедет, — сказал Гарик.

— В Москву?

— У них отпуск кончается.

— Живи здесь до сентября!

— Там видно будет, — ответил Гарик.

— Где ты жил, когда из дому убежал?

— Давай спи, — сказал Гарик.

— У Вячеслава Семеновича?

Гарик не отвечал. Заснул, наверное. Я сжал веки и стал считать до ста. Сосчитал. Стал считать еще до ста, и тут дверь с тягучим скрипом отворилась, на пороге показался Сорока.

— Где вы тут закопались? — спросил он.

Пришлось вылезать из-под одеяла.

— Я за тобой, — сказал Гарику Президент.

— Мы тут пораньше легли...

— Ребята ждут.

— А я при чем? — сказал Гарик.

— Одейся? — спросил Сорока. — Пошли.

Гарик нехотя вышел вслед за ним из сарая.

— А может быть, не стоит? — сказал он.

— Бунт поднимут, — сказал Президент.

— Чего я им расскажу?

— Познакомишься поближе...

Гарик пощупал скулу, усмехнулся:

— Уж куда ближе...

— Стоит ли вспоминать? — сказал Сорока.

Они пошли к лодке, на которой приплыл Президент.

— Хочешь с нами? — спросил Гарик.

Я занес было ногу, но Сорока сказал:

— Ты не обижайся, Сергей...

— Тогда и я вылезу, — сказал Гарик.

Они заспорили, и я отошел от лодки. По-видимому, Сорока убедил Гарика. Оттолкнув лодку от берега, они уплыли.

— Не взяли? — услышал я голос Аленки. Она стояла на крыльце и смотрела на озеро. Лодка маячила смутным пятном. Над озером сгустились сумерки. Я понимал, почему меня не взял Сорока. Он не хотел опять ссориться из-за меня с ребятами. Я слышал, как у большого муравейника они нападали на него. А в том, что у них порядки строгие, я мог убедиться на примере Коли Гаврилова.

— Тебе нравится Сорока? — спросил я сестру.

— С чего ты взял?

— Вижу, — сказал я.

— Ты мне надоед, Сережка!

— Не будет он бегать за тобой...

— Ты еще глупый, — сказала Аленка.

На острове ярко горел костер. Гарик и Сорока, наверное, уже приплыли. Леха Рыжий подаст им ложки, и все начнут уписывать уху. А потом Гарик расскажет про свою жизнь...

Из дома вышел отец. Увидев меня, удивился:

— Ты же спать собрался?

— Успеется, — ответил я.

Рубашка у отца белая, и поэтому руки и шея кажутся черными.

— Не пора ли нам домой, троглодиты?

— У тебя отпуск до сентября, — сказала Аленка.

— Гляжу, загрустили вы...

Он взглянул на остров, где светил костер, улыбнулся:

— Не везет вам...

— Мы там сегодня были, — сказала Аленка.

— Опять как лазутчики?

— Нас пригласили...

Я стал рассказывать, что сегодня произошло на острове. Отец, не перебивая, слушал. Когда

замолчал, он сказал:

— Я тоже когда-то искал эту могилу... И до меня искали мальчишки. А нашел вот Сорока.

— И Гарика нашел, — сказала Аленка.

— Они его два года разыскивают, — прибавил я.

— Я знаю, — сказал отец.

— Гарик — правнук Смелого, — сказала Аленка.

— Ты тоже имеешь к нему некоторое отношение...

— Я? — удивилась Аленка.

— В этой деревне все в какой-то степени родственники. Мой дед и Смелый двоюродные братья...

— Значит, Гарик мой... десятиюродный брат? — наобум спросил я.

— Можешь обрадовать его, — сказал отец.

— Все люди братья, — сказала Аленка.

— Хотите, поговорю с Президентом, чтобы он вас принял в свою республику?

— Так он тебя и послушается! — сказала Аленка.

— Уговорю...

— Не надо, — сказал я. — По блату неинтересно...

— У них строгие условия...

— Коля Гаврилов выполнил, а я не смогу?

— Я был бы рад, — сказал отец.

— Думаете, я не переплыву озеро? — сказала Аленка.

— Республика-то мальчишеская! — засмеялся отец.

— Я тут один остров облюбовала...

— Не смейся, — сказал я.

— Как ты думаешь, Гарик скоро вернется? — спросила Аленка.

— Лопнула наша рыбалка, — сказал я.

Я был правым, Гарик остался на острове.

Глава тридцать восьмая

Я все-таки обиделся на них: не потому, что не взяли на остров, — за рыбалку. С вечера я накопал червей, приготовил снасти. У меня было предчувствие, что на этот раз не уйдет лещ от меня. Как миленький будет на крючке. Утро наступило самое рыбацкое: небо пасмурное, рябит. К берегу бежит небольшая волна. Ветер юго-западный. В такую погоду лещам бы и брать.

Остров был окутан туманом. Поэтому я сначала услышал стук мотора и лишь потом увидел лодку, которая, вынырнув из тумана, неслась к нашему берегу.

Аленка сполоснула зубную щетку и выпрямилась. Она только что встала.

На моторке прибыли Гарик, Сорока, Леха Рыжий и Коля Гаврилов.

— Здорово, Сергей, — первым приветствовал меня Президент.

— Мы за вами, — сказал Гарик.

Я молчал, Аленка равнодушно посмотрела на них и, перекинув через плечо полотенце, пошла в дом.

— Никуда не денутся наши лещи, — сказал Гарик.

— Я уж и забыл, — сказал я.

— Мы на Каменный Ручей... — Сорока посмотрел на дом. — По-быстрому!

На Каменный Ручей мне хотелось давно. И потом, достаточно испытывать их терпение. А то плюнут и укатят без нас. Я сбегал за Аленкой. Она начала было ломаться.

— У тебя совсем гордости нет... Позвали — и бежишь, как собачонка.

— Ну и сиди дома со своей гордостью, — сказал я и выскочил за дверь.

— А куда вы собрались? — крикнула вслед Аленка.

— Вернемся — расскажу...

— Сережа!

Я остановился.

— Ты не видел мой купальник?

— У тебя под носом...

Аленка вышла в другую комнату переодеваться. Когда она вернулась, я спросил:

— Где твоя гордость?

— А ты зануда, — сказала сестренка.

...Моторка неслась вперед. Сорока сидел на корме и держал румпель. Я сел рядом с Колей. Простил его Сорока. Ребята стали просить за Колю. Он от радости такой вишневый компот сварил — по три стакана каждому.

Я спросил его, как там на кухне — жарко?

— Компотом объелся, — ответил Коля.

Лодка проскочила горловину, где берега близко подступили друг к другу. За горловиной озеро раскинулось во всю ширь. Не озеро, а море. Далеко на холме виднелось несколько домиков. И длинные сараи. Это колхозная молочная ферма. На заливом лугу паслось стадо. Две коровы по колено забрались в воду и так стояли, задумчиво глядя на нас. Волны, разбегаясь от лодки, качали в озере облака. Погода разгуливалась.

Алемке надоело сидеть. Она забралась на корму и прилегла. Сегодня Аленка что-то неразговорчивая. Лежит и смотрит на облака, летящие над нами. Правда, один раз она спросила:

— Я не упаду?

— Вытащим, — ответил Леха, глядя в сторону.

Гарик и Сорока о чем-то толковали, но из-за мотора ничего не было слышно.

Президент подбавил газу, и нос еще больше задрался, а вода за бортом побежала быстрее. Широкая бурлящая полоса волочилась за нами.

— Здесь щука хорошо берет, — громко сказал Сорока.

— А я спиннинг не взял, — ответил Гарик.

— Ел жареную щуку? — спросил Леха.

— Все ел, — ответил я.

— Алены нет! — воскликнул Гарик.

На корме никого не было. Еще минуту назад лежала Аленка — и вот мет ее. Сорока заглушил мотор, сбросил одежду и махнул за борт. Вслед за ним Гарик. Лодка закачалась с боку на бок. Я снял сандалеты и тоже нырнул.

— Не видно? — немного погодя спросил я у Коли: он с Лехой Рыжим остался на борту.

— Может, она на берегу? — сказал Леха.

Я понял, что с ним разговаривать бесполезно. В лодке сидела всего одна девчонка, а они и не заметили.

Аленки нигде не было видно. Что за чертовщина? Уж если нечаянно упала, то крикнула бы. А то — ни звука! Гарик и Сорока бороздили озеро далеко от лодки. Я видел, как крутили они головами.

Кто-то хихикнул. Я обернулся. У самого борта Аленка.

Она держалась за железную цепь. Из воды торчала ее мокрая голова. Я как следует обругал ее. Переполошила всех. Аленка еще громче засмеялась. Гарик и Сорока перекликались где-то далеко. Мы с Аленкой вскарабкались на лодку. Увидев ее, Леха сказал:

— Я думал, ты на берегу осталась.

— Маленькая, что ли? — упрекнул Коля.

— Хватились через полчаса, — засмеялась Аленка, отжимая волосы. — За это время можно сто раз утонуть.

Она подошла к мотору, но запустить его не сумела. Я тоже в этом деле не смыслил. А Коля и Рыжий без Президента не стали запускать мотор.

— Надо спасать их, — сказала Аленка.

Сорока и Гарик наконец подплыли к лодке. Оба устали и тяжело дышали. Наверное, поэтому и не стали ругать Аленку. Сорока раз пять дернул за трос, прежде чем мотор заработал. Свежая цапаина вспухла на животе Сороки.

— Под лодкой пряталась? — спросил Гарик.

— Ага, — сказала Аленка и посмотрела на Сороку. Президент повернул рукоятку — и лодка, чуть накренившись, описала дугу и снова понеслась вперед.

— Трудно управлять? — спросила Аленка.

— Очень, — не поворачиваясь, ответил Сорока.

— Научи меня.

Аленка встала за спиной Сороки, и он в двух словах объяснил ей, что нужно делать.

Аленка чуть не опрокинула нас. Разговаривая с Сорокой, она вдруг резко повернула румпель, и лодка завалилась набок. Рыжий Лека скатился со скамейки. Я думал, Сорока вырвет руль и отругает ее, но он ничего не сказал. Положил руку на Аленкину и выпрямил лодку. Гарик молча смотрел на них. Сорока хотел отойти, но Аленка стала расспрашивать про мотор. Я видел, что Сороке не хочется разговаривать с ней. Ясно, что Аленка нарочно пристаёт к нему. Она еще ближе придвинулась к Президенту, ее волосы щекотали его щеку. Сорока все дальше отстранялся и унылым голосом объяснял. Наконец он не выдержал и повернулся к Гарику.

— Расскажи ты, — попросил он.

— Я уже усвоила, — быстро сказала Аленка.

— Ну вот... — вздохнул Сорока и отошел от мотора. Но тут же ему пришлось снова броситься к Аленке: она во второй раз едва не опрокинула нас. Сорока молча взял Аленку за плечи и посадил рядом с Гариком. Она надулась и замолчала. Когда приблизились к берегу, я спросил:

— Каменный Ручей?

Сорока кивнул.

— Я хочу на берег, — сказала Аленка.

Каменный Ручей, о котором я много слышал, представлял собой огромную заводь с излучинами, заросшую камышом и кувшинками.

С одной стороны берег круто вздымался к сосновому бору. На пологом спуске росли маленькие елочки, кусты. Прошлогодние листья устилали мох. У самого берега из воды одиноко торчал обугленный столб. На нем сидела сорока. Увидев нас, она резко крикнула и улетела. В низине, где кончалось озеро, стояла маленькая баня и бревенчатый дом лесника. Пять лодок, наполовину вытасненных из воды, лежали на травянистом берегу. За домом желтела изрезанная глубокими колеями песчаная дорога. Женщина, с подоткнутой спереди юбкой, полоскала на кладях белье. Она взглянула на нас и снова согнулась над бельем.

— Стоп! — скомандовал Президент и заглушил мотор.

Глава тридцать девятая

— Я вам покажу медвежью берлогу, — сказал Сорока.

— Медведь не рассердится? — спросила Аленка.

— Не знаю, — ответил Сорока.

— Откуда тут медведи? — сказал Гарик.

— Две недели назад я видел, — ответил Сорока.

— Медведя? — с сомнением спросил Гарик.

— А может быть, медведицу, — сказал Сорока.

— Где эта берлога? — спросила Аленка.

Леха и Коля остались в лодке, а мы отправились в путь. Две глубокие колеи — след от тележных колес — прорубили сосновый бор. Рядом с дорогой узкая тропинка. Серые древесные корни косо пересекали тропу. Я осторожно шагал, поглядывая под ноги. Мы все были босиком, лишь Аленка в легких тапочках на босу ногу. Свои сандалеты я забыл в лодке и теперь ругал себя. Я уже расшиб палец на тропинке, а что дальше будет? Я не испытывал большого желания смотреть на медвежью берлогу. А вдруг этот медведь не только зимой спит, а и летом? Может быть, ему нравится жить в своей берлоге круглый год. Кеша еще маленький, и то, когда обнял меня, — кости затрещали. Кеша ручной, а настоящий медведь не будет с тобой долго чикаться. Обнимет — и дух вон. От него нигде не спрячешься. Медведи не хуже обезьян по деревьям лазают.

Я нагибался и срывал крупную землянику. Она росла на обочине. Земляника была вкусная и пахла вареньем. Мы поднялись на обросший седым мхом холм, и Сорока свернул с дороги в лес. Идти стало труднее. В ступни впивались сучки, сосновые иголки. Сорока шел уверенно, не оглядываясь, словно пятки у него из железа.

Лес поредел, и мы вышли на огромную поляну, окруженную вековыми соснами. По ногам стали хлестать твердые стебли с крошечными сиреневыми цветами. Стояла полуденная тишина. И даже куропатки, взлетевшие впереди нас, не нарушили эту тишину.

Мы наискосок пересекли поляну. Началась чащоба. Деревья почти вплотную стояли друг к другу. В одном месте когда-то давно пронесся сокрушительный вихрь и прорубил небольшую просеку. Вырванные с корнем деревья не упали братья и сестры поддерживали их, уже погибших, с опавшей листвой, не давали им лечь на землю.

Сорока пошел медленнее. Я вдруг вспомнил про змей, и мне не захотелось идти дальше. Я старательно обходил гнилые пни и коряги. Мне казалось, что под обломками деревьев кишат черные гадюки. Гарик наколол ногу и теперь хромал.

— Близко, — негромко сказал Сорока.

Непонятная тревога охватила меня. Глухой темный бор таил какую то угрозу. Когда еловая лапа, отпущенная Гариком, хлестнула меня по щеке, я чуть не вскрикнул. Небо над головой пропало, стало сумрачно и сыро. Я обратил внимание, что иголки на елях не зеленые, а сизоватые с сединой. В эти дебри солнце не заглядывает. Под ногами чавкает сочный зеленый мох. Я ткнулся носом в клейкую паутину. Замахал руками, срывая ее. У меня было такое ощущение, словно я попался, как муха.

Тягостное настроение исчезло, как только ноги почувствовали твердую почву, а над головой снова засияло солнечное небо. Мы выбрались из глухой чащебы в ровный бор. И тут Сорока остановился.

— Пришли, — сказал он.

Мы осмотрелись: берлоги не видно. Я даже наверх посмотрел: не устроил медведь себе жилище на дереве?

— Подождите меня, — сказал Сорока и направился к толстой сосне. Вот он миновал ее, затем обогнул ель и замер. Мы увидели два попаленных дерева, поверх которых кое-где был набросан валежник, сухие, вывернутые с корнями елки. Это и была берлога.

Гарик двинулся к Сороке. Аленка и я остались на месте. Сорока подошел к берлоге и, нагнувшись, заглянул. Он почти до половины туда забрался; у меня заныло сердце: а что, если сейчас раздастся страшный рев и медведь подомнет под себя Сороку? Гарик подошел и тоже заглянул в берлогу. Потом крикнул нам:

— Хотите посмотреть на спящего медведя?

Мы не успели ответить. Произошло что-то непонятное: Сорока вдруг отпрянул от берлоги и стал пятиться в нашу сторону, а Гарик, тихо вскрикнув, скакнул вбок и помчался что было духу совсем в другую сторону.

— Сережа, — произнесла Аленка, — посмотри, кто... — Она не закончила фразу и замерла с открытым ртом: из-за толстой сосны, стоявшей напротив берлоги, один за другим выкатились три лохматых коричневых медвежонка. Еще меньше, чем Кеша. Они бесстрашно двигались на Сороку. Передний остановился, встал на задние лапы, то же самое сделали и остальные. Будто по команде. Сорока коснулся рукой дерева и наконец повернулся к нам.

— Уходите, — негромко сказал он.

— Какие хорошенькие! — проговорила Аленка, глядя на медвежат, которые все еще стояли на задних лапах и с любопытством смотрели на нас.

Сорока взглянул через плечо на медвежат, осторожно ступая, подошел к нам и, взяв Аленку за руку, повел за собой. Мне было совсем не страшно, я не понимал, чего все испугались? Медвежата такие славные, они совсем не прочь с нами поиграть. Как Кеша. У меня даже мелькнула мысль, что хорошо бы одного с собой унести. Был бы у Кеши товарищ.

Сорока все убыстрял шаги и наконец побежал, все еще не выпуская Аленкиной руки. Сорока нас не повел в чащобу, он свернул в сторону, и мы обходным путем вышли на знакомую поляну. И только здесь он остановился.

— Вы его разбудили? — спросила Аленка.

— Кого? — удивился Сорока.

— В берлоге никто не спал?

Мы с удивлением смотрели на Сороку, а он на нас.

— Подождите... — сказал он, что-то соображая. — Вы не видели медведицу?

— Медвежат видели, — сказал я. — Три штуки.

— Возьмем одного? — предложила Аленка.

— А Гарик где? — спросил Сорока.

— Как ударил в сторону, только пятки засверкали, — сказал я.

— Ждите меня здесь, — сказал Сорока и помчался в бор.

Аленка проводила его взглядом и посмотрела на свою руку.

— Сжал, как тисками, — сказала она. — Чуть не закричала.

— Говорил про какую-то медведицу... — Я наконец сообразил, в чем дело. — Они напоролись на медведицу!

— Она может сюда прийти... — сказала Аленка, озираясь.

— Не велел уходить... — Я взглянул на ближайшую сосну. Мне стало не по себе. Аленка взяла меня за руку. Медведица может прийти сюда по нашим следам...

— Заберусь на сосну, погляжу, где они, — сказал я и поплевал на ладони.

— И я с тобой, — сказала Аленка.

Я забрался на первый сук и протянул ей руку. Укрывшись в ветвях, мы стали ждать.

Скоро они пришли. Не медведица и медвежата, а Гарик и Сорока. Я хотел им крикнуть, что мы здесь, на сосне, но Аленка приложила палец к губам: мол, помолчи!

— Теперь они смылись, — сказал Сорока.

Гарик переступил с ноги на ногу, потрогал рукой колено.

— На березу налетел...

— Ты видел ее?

— Стояла на дыбах у дерева и слизывала муравьев... В полсосны ростом.

- Это ты загнул, — сказал Сорока. — Таких медведей у нас не бывает.
- В общем, огромная...
- Я заметил ее, когда стала лапой нос трогать.
- Ноги сами понесли... О березу стукнулся и только очухался.
- Первый раз увидел настоящего медведя, — сказал Сорока. — Я тоже побежал бы...
- Не побежал ведь?
- Слышал, как она чихала и лупила себя лапой по морде? Ей муравьи весь нос залепили, вот и не учуяла нас. А если бы медвежата закричали, — пиши пропало!
- Не надо было бежать, — думая о своем, сказал Гарик.
- Бывает...
- Я испугался, Сорока... — с трудом выговорил Гарик. — Струсил.
- В другой раз не побежишь, — сказал Сорока. Они замолчали. Слышно было, как Гарик вздохнул. Под ногой треснул сучок.
- Куда же они, черти, подевались?
- Она тебе нравится? — спросил Гарик.
- В этом лесу и заблудиться можно, — сказал Сорока.
- Гарик привалился плечом к сосне, и я увидел сквозь ветви его макушку. Сорока стоял у трухлявого пня и смотрел в другую сторону.
- Я как в первый раз увидел ее... — сказал Гарик.
- Красивая девчонка.
- Тебе она тоже нравится.
- Чудак, — сказал Сорока.
- Я взглянул на Аленку. Она обняла рукой ствол и прижалась к желтоватой коре щекой. Я понял, что откликаться не стоит. Надо было сразу, а теперь поздно: скажут, подслушивали.
- С ней, понимаешь, можно по-настоящему... — продолжал Гарик.
- Можно, — сказал Сорока.
- Я знаю, ты ей нравишься...
- Перестань трепаться, — сказал Сорока.

Они замолчали. Потом Сорока сказал:

- Меня звал к себе погостить знакомый летчик. Рыбачит у нас второй год. Понравилось. Это

мы его сюда пригласили. Твоего отца хорошо знал, вместе воевали. Он вчера уехал... Да ты его видел: тот самый, который уху хлебал... Он живет в Ленинграде.

— Славка должен приехать...

— Оставайся, — сказал Сорока. — А потом к летчику поедem.

— Уеду я, — сказал Гарик.

— Ну и зря. Живи у нас до школы, На острове.

— А ваш устав?

— Ты теперь наш...

— А Сергей?

Я даже дыхание задержал: неужели откажет?

— Коля за него поручился... — ответил Сорока. — И я тоже.

Они помолчали. У меня затекла нога, и я пошевелился. Вниз посыпались кора, но они ничего не заметили.

— Я думал, вы дурака валяете, а у вас вон что... И давно мы им помогаете?

— Вот оборудуем площадку для вертолета...

— Летал с ними? — спросил Гарик.

— За волками раз охотились...

Гарик отломал от нашей ели нижний сук.

— Как ты думаешь, она еще там? — спросил он.

— Ты про кого?

— Я подойду к ней... — сказал Гарик.

— Спятил?

— Я только посмотрю на нее.

— Здесь не зоопарк!

— Я подойду, — упрямо сказал Гарик.

Они посмотрели друг другу в глаза. Гарик сунул под мышку палку и пошел к берлоге. Сорока смотрел ему вслед. Его лицо было освещено косым лучом солнца. Мне показалось, что он смеется.

— Ты не найдешь, — сказал Сорока. — Пошли вдвоем.

— Как хочешь, — сказал Гарик.

Когда они скрылись за деревьями, мы спустились вниз. Я взглянул на Аленку. Она смотрела в ту сторону, куда ушли мальчишки. Я не стал ее ни о чем спрашивать. А что, если Аленке нравятся оба? Мне они тоже нравятся. Если уедет Гарик в Москву, я буду скучать. А без Президента сразу опустеет озеро. И остров.

Я слышал весь разговор и понял, что они теперь друзья. Эти так не похожие друг на друга парни. Сорока два года искал его. И вот нашел. Я бы тоже хотел иметь такого друга, как Гарик. И такого, как Сорока. Они пошли в логово медведицы. А я ни за что бы не пошел. На медвежат я бы не прочь еще раз взглянуть, а на медведицу, которая ростом в полсосны... лучше не надо! А они вот пошли. И нет у них никакого оружия, даже перочинного ножа. А что, если на этот раз медведица их заметит? Или медвежата закричат?

Наверное, об этом подумала и Аленка. Она схватила меня за руку и спросила:

— Ты ничего не слышишь?

— Думаешь, напала на них?

Мы прислушались. Из бора доносился негромкий треск, будто кто-то нарочно ломал сухие ветки. Закричала и сразу умолкла сорока. Кто-то два раза жалобно сказал: «Бьют-бьют, бьют-бьют!» — и умолк. Птица какая-то. Незнакомая. Я давно приглядывался к сорокам. Нравятся мне эти птицы. Не назойливы, как вороны, и гораздо красивее. А когда сорока через лес летит, — одно удовольствие посмотреть. Ее полет напоминает движение волны: вверх-вниз. Я люблю смотреть, когда сорока летит. А вдруг разъяренная медведица напала на них? Но сороки молчат. Когда опасность, — они кричат. Я почувствовал, как мой страх перед медведем прошел. Стоять под елью и ждать у моря погоды не было больше сил. Я перестал бояться медведицу. Схватив с земли толстый сук с острым концом, я побежал к лесу. Втроем мы как-нибудь отобьемся от зверя. Зацепившись за корягу, я упал, но тут же вскочил и, не чувствуя боли, помчался вперед. У деревьев я остановился перевести дух.

— Ты помнишь то место? — спросила Аленка. Она бежала за мной.

— Найдем, — сказал я.

Мы услышали голоса. Меж стволов мелькнула клетчатая рубашка Сороки. Вот они вышли на открытое место, и я облегченно вздохнул: оба целы и невредимы. И лица веселые, словно только что вышли из цирка, где увидели веселое представление. И мне немножко стало обидно, что я не успел добежать до берлоги. Пусть я бы не спас их, но постоял бы рядом с ними и посмотрел в глаза медведице. А потом вот так же, широко шагая, плечом к плечу с ними, возвращался из леса.

Аленка смотрела на них. Она покусывала губы и хмурилась. Она тоже из-за них натерпелась страху.

Увидев нас, мальчишки замахали руками, заулыбались.

— Где вы были? — спросила Аленка.

Они переглянулись.

— Искали вас, — ответил Гарик.

— Нас чуть медведица не слопала, — сказал я.

— Огромная такая... — стала рассказывать Аленка. — Ростом в половину этой сосны... Подошла к нам, раскрыла пасть и сказала человеческим голосом: «Вы не видели двух дураков, которые хотят поиграть со мной в догонялки?»

— И еще просила передать привет Кеше, — прибавил я.

— А она не сказала вам, что бродить по незнакомому лесу опасно? — спросил Сорока.

— Могли бы заблудиться... — добавил Гарик.

— Мы один раз попробовали, — сказал я. — Ничего не вышло...

Совсем близко закричали сороки. Одна из них, вереща, вынырнула из леса и перелетела через поляну. Президент проводил ее взглядом и сказал:

— У медведей тоже может лопнуть терпение...

— Чего же мы стоим? — с тревогой спросила Аленка.

— За мной, — сказал Сорока.

Глава сороковая

Отец и Вячеслав Семенович сидят на крыльце и курят. Лариса Ивановна что-то ищет в багажнике «Волги». Машина стоит на старом месте. Но палатка не разбита. Утром они уезжают в Москву. Отпуск кончается. Заехали за Гариком.

— Ребята обидятся, — говорит Сорока. — Погости у нас.

Мы сидим на опрокинутой лодке, от которой всегда пахнет рыбой и гнилыми водорослями. Озеро раскинулось перед нами. Оно тихое сегодня, не шелохнется. Паутинками разбегаются круги. Проворные жуки и пауки двигаются по воде. За камышами плавает гагара. Красивая птица. Большая, изящная, как балерина. Она близко не подплывает, боится нас.

— Славик тоже обидится, — отвечает Гарик.

— Я поговорю с ним? — предлагает Президент.

— По рулю соскучился... — говорит Гарик.

Я услышал песню. Лариса Ивановна наконец нашла, что искала, и запела, наверное, от радости. Она загорела там, на Рижском взморье. Стала еще красивее.

— Человечек полетел в космос, — говорит Аленка, глядя на остров.

Над соснами поднимается прозрачный шар с черным человечком. Президент спрыгивает с опрокинутой лодки.

— Меня вызывают, — говорит он.

У берега стоит лодка. Обыкновенная, деревянная. На ней к нам приплыл Сорока.

— А может, останешься?.. — спрашивает Президент.

— Я приеду.

— Когда?

— Пешком приду, как Сергей...

— Я должен быть на острове, — говорит Сорока. Он протягивает Гарику руку.

Мы смотрим ему вслед. Столкнув в воду лодку, прыгнул. Несколько сильных взмахов — и лодка за камышами. Президент поднял вверх весло. Прощается.

— Ну чего хорошего сейчас в городе? — сказала Аленка.

— Ничего хорошего, — ответил я. — Поживи у нас до сентября?!

— Красивый остров... — сказал Гарик. И добавил: — Наш остров.

А в небо все выше поднимается шар с человечком. Вечернее солнце позолотило его с одной стороны. Картонный человечек с растопыренными руками и ногами вертится на нитке и пляшет. Ему весело.